

ISSN 2312–8607

ИНТЕГРАТИВНАЯ ПЕРСПЕКТИВА В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

1'2017

Учредитель

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ»

Журнал выходит 2 раза в год

Точка зрения авторов публикаций
может не совпадать с мнением редакционной коллегии.

Перепечатка материалов без разрешения редакции журнала
«Интегративная перспектива в гуманитарных науках» не допускается.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 614000 ПЕРМЬ, УЛ. ГАЗЕТЫ «ЗВЕЗДА», 18

Электронная копия журнала размещена на сайте <http://www.psiac.ru>

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77–63563 от 30.10.2015 г.

© Пермский государственный
институт культуры, 2017

Главный редактор – Л. И. Дробышева-Разумовская
Заместитель главного редактора – А. А. Лисенкова

Научный редактор – М. Г. Писманик

Редакционный совет:

Z. Avital (Holon, Israel), Б. А. Вяткин (Пермь), Л. Я. Дорфман (Пермь),
А. И. Климовицкий (Санкт-Петербург), G. Cupchik (Toronto, Canada),
В. А. Лапин (Санкт-Петербург), St. Mastandrea (Roma, Italy),
В. М. Петров (Москва), М. Г. Писманик (Пермь), Л. М. Попов (Казань),
D. K. Simonton (Davis, USA), Г. Л. Тульчинский (Санкт-Петербург),
Н. Ноеге (Oldenburg, Germany)

Редакционная коллегия:

Е. В. Баталина-Корнева, А. В. Бушмаков, Л. Я. Дорфман, Н. Б. Зубарева,
О. Л. Лейбович, С. Д. Лобанов, Е. А. Малянов, В. Г. Нечаев, А. С. Черноусова,
С. В. Шепелева, П. С. Ширинкин

Ответственный редактор – А. С. Черноусова

ISSN 2312–8607

Integrative Perspective in Humanities

1'2017

Founder

FEDERAL STATE EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«PERM STATE INSTITUTE OF CULTURE»

Frequency: Twice a year

The authors' viewpoints may not coincide with the opinion of the Editorial board.

Reprinting without permission of the Editorial board is not allowed.

ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE: 18 GAZETY «ZVEZDA» ST., PERM 614000, RUSSIA

Electronic copy of the journal is available at <http://www.psiac.ru>

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.
The certificate of registration of mass media is ПИ № ФС77–63563 from Oktober 30, 2015

© Perm State Institute
of culture, 2017

Editor-in-chief – L. I. Drobysheva-Razumovskaya

Senior Editor – A. A. Lisenkova

Scientific editor – M. G. Pismanik

Board of advisory editors:

Z. Avital (Holon, Israel), G. Cupchik (Toronto, Canada), L. Ya. Dorfman (Perm),
H. Hoega (Oldenburg, Germany), A. I. Klimovskij (Saint-Petersburg),
V. A. Lapin (Saint-Petersburg), St. Mastandrea (Roma, Italy), V. M. Petrov (Moscow),
M. G. Pismanik (Perm), L. M. Popov (Kazan), G. L. Tul'chinskij (Saint-Petersburg),
D. K. Simonton (Davis, USA), B. A. Vyatkin (Perm)

Editorial board:

E. V. Batalina-Korneva, A. V. Bushmakov, A. S. Chernousova, L. Ya. Dorfman,
O. L. Leibovich, S. D. Lobanov, E. A. Malyanov, V. G. Nechayev, S. V. Shepeleva,
P. S. Shirinkin, N. B. Zubareva

Executive editor – A. S. Chernousova

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	9
-------------------	---

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

<i>Гусейнов А. А.</i>	
Патриотизм и традиция русской культуры.....	10
<i>Смирнов А. В.</i>	
Ислам вообразимый	14
<i>Рубцов А. В.</i>	
Идеология и гражданская консолидация российского общества	19
<i>Митрополит Пермский и Кунгурский Мефодий</i>	
Православная церковь о нравственном служении Отечеству	26
<i>Субботина А. А.</i>	
Гражданское единение в муниципалитетах Пермского края	29
<i>Уткин Ю. А.</i>	
Опыт реализации государственной национальной политики в краевом центре Прикамья	34
<i>Треногин В. Л.</i>	
Не считаю себя протестантом.....	38

СТАТЬИ

<i>Глаголев В. С.</i>	
Гражданское единение России: задачи и проблемы.....	43
<i>Писманик М. Г.</i>	
Размышления относительно государственной национальной политики	51
<i>Силантьева М. В.</i>	
Национальная идея как внеидеологический проект	59
<i>Суслов М. Г.</i>	
Патриотические традиции Отечества	66
<i>Гаврилова В. В.</i>	
Воспитание патриотизма в современном российском обществе	72

<i>Щукина Р. И.</i>	
Национальное и патриотическое в аспекте социально-философского анализа.....	78
<i>Копылов О. В.</i>	
Соотношение религиозного и патриотического	85
<i>Пащак И. В.</i>	
Ценности отечественной культуры в гражданском единении	89
<i>Дюкин С. Г.</i>	
Российское или русское: о проблеме нации и этноса.....	92
<i>Куличкина Г. В.</i>	
Русский язык в СМИ и межнациональная коммуникация.....	99
<i>Голева Т. Г.</i>	
Укрепление гражданского единства представителей коми-пермяцкого народа	105
<i>Коваль Е. А.</i>	
Амбивалентность сети Интернет в информационной войне	109
<i>Горюнов Д. В.</i>	
Новые миссионерские практики религиозного объединения «Свидетели Иеговы»	116
<i>Жданова С. Ю., Печеркина А. В.</i>	
Психосоциальные технологии формирования адаптации иностранных студентов.....	120
<i>Ломова А. С.</i>	
Музей как институт социальной памяти в условиях манипулятивного общества.....	126

Приложение

<i>Смирнов А. В.</i>	
Рекомендации по оптимизации гражданского единения в среде российских мусульман.....	131

Резюме.....	134
--------------------	-----

Сведения об авторах	154
----------------------------------	-----

CONTENT

Editorial note	9
-----------------------------	---

REPORTS AND SPEECHES

<i>Guseinov A. A.</i>	
Patriotism and Tradition of Russian Culture	10
<i>Smirnov A. V.</i>	
Islam Imaginary	14
<i>Rubtsov A. V.</i>	
Ideology and Civil Consolidation Of the Russian Society	19
<i>Metropolitan of Perm and Kungur Methodius</i>	
Orthodox Church on the Moral Service to the Fatherland	26
<i>Subbotina A. A.</i>	
Civil Unity in the Municipalities of Perm Krai	29
<i>Utkin Yu. A.</i>	
Experience in Implementing the National Policy in the Krai center of the Kama region	34
<i>Trenogin V. L.</i>	
I do not consider myself a Protestant	38

ARTICLES

<i>Glagolev V. S.</i>	
Civil unity of Russia: Tasks and Problems	43
<i>Pismanik M. G.</i>	
Reflections relatively the state national policy.....	51
<i>Silantieva M. V.</i>	
National idea as non-ideological project	59
<i>Suslov M. G.</i>	
Patriotic traditions of the fatherland	66
<i>Gavrilova V. V.</i>	
Education of patriotism in the modern Russian society.....	72
<i>Schukina R. I.</i>	
Social and philosophical analysis of national and patriotic aspects.....	78

<i>Kopylov O. V.</i>	
The ratio of religious and patriotic	85
<i>Paschak I. V.</i>	
The Values of Russian Culture in Civil Unity	89
<i>Dyukin S. G.</i>	
Russian as a State or Ethnic Notion: about the Problem of Nation or Ethnos	92
<i>Kulichkina G. V.</i>	
Russian language in the media and interethnic communication	99
<i>Goleva T. G.</i>	
Strengthening the civil unity of the representatives of the Komi-Permyak people	105
<i>Koval E. A.</i>	
The ambivalence of the Internet in the information war	109
<i>Goryunov D. V.</i>	
New missionary practitioners religious association «Jehovah's Witnesses»	116
<i>Zhdanova S. U. Pecherkina A. V.</i>	
Psychosocial technologies forming the adaptation of foreign students	120
<i>Lomova A. S.</i>	
Museum as an Institution of Social Memory in a Manipulative Society	126

SUPPLEMENT

<i>Smirnov A. V.</i>	
Recommendations for the Optimization of Civil Unity among Russian Muslims	131

Abstracts	140
------------------------	-----

List of Authors	157
------------------------------	-----

ОТ РЕДАКЦИИ

В настоящий номер журнала Пермского государственного института культуры (ПГИК) «Интегративная перспектива в гуманитарных науках» вошли доклады, выступления в дискуссиях, рекомендации и иные материалы двух связанных между собой научно-практических мероприятий, организованных ПГИК в сотрудничестве с Институтом философии Российской академии наук и Институтом этнологии и антропологии Российской академии наук:

1) Круглого стола ведущих отечественных экспертов по теме **«Российская культура и насущные проблемы гражданского единения»**. Круглый стол сопровождал работу III Всероссийского форума национального единства, Пермь, 21 октября 2016 года и

2) межрегиональной научно-практической конференции-диалога **«Актуальные проблемы укрепления единства российской нации** (философско-культурологические, этноконфессиональные и психолого-педагогические аспекты»), Пермь, 10–11 ноября 2016 года. К этому мероприятию ПГИК совместно с Институтом философии РАН и Институтом этнологии и антропологии РАН издали сборник материалов под названием «Проблемы гражданского единства Российской нации» (Пермь, 2016).

Вышеназванные мероприятия проведены при активной поддержке и содействии Администрации губернатора Пермского края в рамках региональной программы по реализации правительственной «Стратегии государственной национальной политики в Российской Федерации».

Редакционная коллегия

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

УДК 172.12

А. А. Гусейнов

ПАТРИОТИЗМ И ТРАДИЦИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Дорогие коллеги!

Тема моего выступления большая, и в коротком выступлении ее не охватить. Я попытаюсь ограничить ее таким образом, чтобы рассмотреть в свете тех вопросов, которые становятся предметом споров в современных дискуссиях о патриотизме. В центре этих дискуссий находится тезис, согласно которому патриотизм является объединяющей национальной идеей. Предполагается: патриотизм объединяет всех россиян, в отличие от других чувств и идей, которые выражают различие их социальных, политических, профессиональных и иных интересов, и которые в этом смысле можно считать разделяющими. Возникает вопрос: как патриотизм в качестве объединяющей идеи и чувства связан с другими разъединяющими чувствами и идеями? Является ли он их ограничением или получает продолжение в них и, соединяясь с ними, сам становится разделяющей силой?

Патриотизм существует на двух уровнях. Во-первых, как простое чувство Родины, выражающееся в привязанности к земле, языковой и культурной среде, к родному краю, к той общественной атмосфере, в которой мы выросли и чувствуем себя комфортно. Именно такое чувство имеет в виду поэт, когда он говорит: «И дым Отечества нам сладок и приятен». Во-вторых, патриотизм существует также и на уровне идеологии, в качестве принципа, которому придается нравственно-обязывающее значение. В этом случае он выступает в качестве требования служить Отечеству, интересы и блага Отечества ставит выше личных интересов и личного блага.

Здесь опять возникают вопросы. В чем заключается благо Отечества? Насколько справедливыми являются господствующие в нем порядки? И кто может судить о благе Отечества? Кому дано право выступать от его имени – от имени Отечества? Ясно, что эти вопросы допускают и даже предполагают различные ответы. Еще Платон говорил, что в каждом полисе существует два полиса: полис богатых и полис бедных.

С тех пор мало что изменилось в мире. И сегодня в каждом Отечестве есть много «Отечеств» – те же «Отечества богатых» и «Отечества бедных». И у них, разумеется, разные представления о благе. Значимость патриотизма в жизни человека и общества вырастает и обостряется тогда, когда речь идет об отношении своей страны и государства к другим странам и государствам. Есть известное определение Ленина, который говорит, что патриотизм (и я дальше цитирую) «есть глубокое чувство, закрепленное веками и тысячелетиями существования обособленных Отечеств». Патриотизм действительно сплачивает людей внутри Отечества и одновременно обособляет их от людей и ценностей других Отечеств.

Здесь также возникает вопрос: что означает это чувство обособления? В особенности в современном мире, который становится все более взаимосвязанным и единым. Какая схема с представителями других стран и государств вытекает из логики патриотизма? Схема «свои и другие» или схема «свои и чужие»? Давайте теперь, после этих предварительных заметок обратимся к традиции рассмотрения проблемы патриотизма в русской культуре.

Прежде всего, следует заметить, что вопрос о национальной идентичности России, ее исторической судьбе, и в этом контексте о патриотизме, о том, как выстраивать нравственно ответственные отношения человека к своему Отечеству – эти вопросы были одними из центральных, быть может, даже просто центральными в русской идейной полемике двух последних столетий. Именно эти вопросы в решающей степени обозначили водораздел между основными полемизировавшими между собой идейными течениями русской общественной мысли, которые тяготели к двум различным полюсам. Их традиционно принято называть: одних – «славянофилами», а других – «западниками».

Славянофилы, если отвлечься от свойственных им различий (порой, надо признать, весьма существенных), исходили из убеждения, что у России свой, особый путь развития, характерными чертами которого являются православная духовность, царская монархия, соборное жизненное начало, сыновья почтительность и жертвенность по отношению к государству. Судьба России воспринималась ими как миссия, призванная воплотить рисуемый ими общественный идеал. Воззрения славянофилов имели свою историософию. Она, в частности, получила выражение в концепции Николая Яковлевича Данилевского об автономных культурно-исторических типах, среди которых выделяется особо русско-славянский исторический тип. Историософия также отмечена ярко выраженной антизападной социально-политической заостренностью. А также акцентирована негативным отношением к реформам Петра Первого, к предпринятому им резкому развороту в развитии России.

Славянофилы в целом идеализировали допетровскую старину. Славянофилы – братья Аксаковы, Константин Сергеевич и Иван Сергеевич, Киреевский Иван Василь-

евич и другие – были людьми европейски высокообразованными. Знали хорошо Запад, и их позицию, конечно, нельзя считать выражением того, что обыкновенно именуется «квасным патриотизмом». Они отвергали для России западный путь из-за свойственного последнему индивидуализма, бессердечной рассудочности, буржуазного духа. Патриотизм славянофилов их противниками был клиширован как слепой и казенный. «Слепой», потому что он является не критическим, не критичным по отношению к своему Отечеству, и считает «свое» лучше, потому что оно свое. И «казенным», потому что культивирует послушание правительству. Это славянофилы.

Западники представляют противоположную линию. Они также явлены большим количеством великих имен русской культуры, среди которых, когда мы говорим о патриотизме, следует, пожалуй, особо выделить две фигуры: это Петр Яковлевич Чаадаев и Владимир Сергеевич Соловьев. Для их позиции характерно убеждение, что любовь к Отечеству органически сопряжена с критикой его недостатков, что вообще нельзя любить Родину с закрытыми глазами. Западники полагали, что «нация» не является последним словом истории. Ее надо рассматривать в более широкой перспективе единения человечества. Что поэтому заимствование всего ценного у других, в особенности у более развитых народов, является весьма благотворным процессом. Они полагали, что у правительства нет последнего слова в вопросах патриотизма. Западники стояли за европейское будущее России. Считали, что выбор, сделанный Петром Первым, является правильным выбором и счастливым для страны. Признавая отсталость страны от Западной Европы во многих отношениях (в том числе и в политическом устройстве страны), они считали необходимым учиться у Европы. Позицию западников в отношении своей страны и государства их противники считали недостаточно патриотичной: она-де, скорее, является точкой зрения космополитизма, чем патриотизма.

Так схематично выглядит отношение к патриотизму в русской традиции, если брать основные тенденции и основные полюса при рассмотрении этого вопроса. Однако в рамках нашей темы нельзя не сказать об особой, даже единственной в своем роде позиции Льва Николаевича Толстого, который считал патриотизм несомненным злом в современном мире. В последний год жизни он написал статью «Патриотизм и правительство», в которой называет патриотизм чувством неестественным, грубым, дурным, вредным, постыдным и безнравственным. Точку зрения Толстого следует рассматривать в контексте его религиозно-нравственного учения о непротивлении злу силой. Основной аргумент Толстого против патриотизма связан с тем, что он (и дальше я цитирую) «есть точно определенное чувство предпочтения своего народа или государства другим народам или государствам, и потому желание этому народу, то есть своему народу или государству, наибольшего благосостояния и могущества, которые могут быть приобретены и всегда приобретаются только в ущерб благо-

состоянию и могуществу других народов или государств». Позиция Толстого в этом вопросе, как и его учение в целом, впрочем, сегодня мало кто разделяет. Но тем не менее надо признать, что в мире есть свой резон, по крайней мере в той степени, в какой патриотизм может стать демагогическим орудием ненависти между народами, странами и государствами. И мы знаем, что он нередко становится таким орудием.

Суммируя сказанное, следует подчеркнуть: патриотизм в русской традиции рассматривается в неразрывной связи с общественным идеалом, с представлениями о справедливом жизнеустройстве, счастливом будущем для народа. Вот эту связку патриотизма и идеи социальной справедливости можно, пожалуй, считать характерной особенностью русской традиции. Но отсюда неизбежно следует, что в понимании патриотизма будут различия, которые вызваны искренним и глубоко участливым отношением к Отечеству, за каждым из которых стоит своя жизненная правда. Патриотическое единство народа, страны, государства достигается через многообразие усилий, позиций и подходов в борьбе за их процветание. Такой подход, среди прочего, означает, что ни у кого, будь то отдельные люди или институции, ни у кого нет патента на определение патриотизма. И еще меньше – на определение того, в чем он заключается здесь и сейчас.

Говоря об уроках рассмотрения патриотизма в традиции русской культуры, из указанной связки патриотизма с идеей справедливости, а также неизбежно сопряженным с этим многообразием в толковании патриотизма – можно сделать следующее заключение. Именно по этой причине каждый человек должен выработать свою собственную патриотическую позицию, взяв тем самым на себя ответственность за то, что происходит с его народом, его страной и с его государством.

Спасибо за внимание.

Дата поступления рукописи в редакцию 03.02.2017

УДК 28

А. В. Смирнов

ИСЛАМ ВООБРАЖАЕМЫЙ

В своем выступлении на Круглом столе «Российская культура и насущные проблемы гражданского единства» я хочу затронуть ту скрытую проблему, которая может помешать укреплению единства российской нации, выступить серьезным вызовом национальному единению и помешать успешному осуществлению нашей внешней политики. Проблема может стать темой солидной конференции или даже конгресса исламоведов. Тема «Ислам воображаемый» включает в себя массу аспектов. Я попытаюсь ее конкретизировать, связать с категорией «российская нация», которая лежит в центре дискуссий III Всероссийского форума национального единства и в нем проходящего нашего Круглого стола.

Ислам – это название религии, тесно связанной с национальной тематикой этого форума. Если говорить о России, то связь здесь прямая, потому что многие наши народы, которые традиционно исповедовали ислам, сегодня пребывают в поиске своей национальной, этнокультурной идентичности. И в этом поиске часто обращаются именно к исламу как своему отличительному признаку. Как раз в этом пункте имеет место смешение и слияние этнического и религиозного. Это смешение очень заметно, но оно не тотально. Вовсе не каждый, к примеру, татарин или башкир считает себя мусульманином. Но это весьма приметная тенденция, и ее невозможно отрицать.

Дело в том, что ислам привычно ассоциируется с культурным наследием этих народов. Кстати говоря, культура – очень коварное слово, употребляемое в разных смыслах и значениях. В первом значении культуру воспринимают как то, что подведомственно Министерству культуры, включает в себя сферу искусства и составляет объект научного исследования со стороны Государственного института культуры. Но можно понимать культуру в смысле мировоззрения, то есть того, что определяет целостный взгляд человека на мир, свое жизнеустройство, психологический склад, принадлежность к этносу, систему ценностей и т.д. Именно в таком смысле это слово понимается и трактуется в документе, излагающем основы культурной политики Российской Федерации. Кстати говоря, президент В. В. Путин настаивает именно на таком понимании культуры.

Когда происходит отождествление этнического и религиозного, то ислам используется как маркер этнической принадлежности. И чаще всего ислам воспринимается в значении культурного наследия, подведомственного Министерству культуры. То есть, как некие культурные артефакты, которые идут из прошлого (скажем, национальная одежда, килим татарский, подставка для Корана и пр.) и ассоциируют-

ся с исламом, то есть в первом понимании культуры. Но на этом деле никогда не заканчивается. За этими простыми артефактами исламской культуры следует нечто более сложное, связанное с самыми глубинными ее слоями. То есть с мировоззрением. Здесь и возникает очень серьезный вопрос для идентичности человека.

Россиянин – приверженец ислама – идентифицирует себя, прежде всего, как мусульманина. Разумеется, каждому нашему гражданину позволено как угодно идентифицировать себя, это его суверенное право. Но исламская идентичность по своей имманентной логике изначально предполагает трансграничную, трансгосударственную, транснациональную идентичность. В классическом понимании ислама существует лишь единая мусульманская умма, которая не признает никаких государственных границ и всегда подчинена своему единственному главе и управляется из одного центра. В силу этой логики исламская идентичность не может не вытягивать за собой соответствующих смыслов. Именно так устроен ислам, и здесь невозможно поставить некий барьер. Умма в глубинном понимании правоверного мусульманина не может стать этнической идентичностью, она существует только как всемирная религиозная общность.

Однако еще с дореволюционных времен получило хождение выражение «российская умма». Термин как будто противоречит имманентной логике ислама и, казалось бы, совершенно не оправдан с научной точки зрения, поскольку умма не может быть оторванной от своей всемирности и замкнута в российских границах. Но, никак не смущаясь этой кажущейся несообразности, сами наши граждане-мусульмане в громадном большинстве следуют российской идентичности и не противопоставляют себя ей. Это крайне важный и интересный феномен отечественной культуры. Его необходимо исследовать с точки зрения того, как он работает, как все это получается, как поддерживать и укреплять гражданскую позицию наших мусульман. Выражение «российская умма» остается действенным и устойчивым. Оно вполне жизненно и вполне в ходу как у исламоведов, так и у широкой общественности.

Примем во внимание, что в ходу у нас также термин «этнический мусульманин». Термин совсем уж с научной точки зрения не оправданный: не может быть этнического мусульманина, как не может быть этнического христианина. Потому, что ислам и христианство – это мировые религии, которые не имеют никаких этнических ограничений и этнических маркеров. К тому же: рожденный татарин, разве он обязательно станет мусульманином, а не христианином или же свободным от религии? Но термин «этнический мусульманин» применяется повседневно, как среди рядовых и высших деятелей ислама, так и в немусульманской среде. Термин указывает на очень тесное слияние религиозного и этнического начал в культуре.

Впрочем, слияние религиозного и этнического начал встречается и в политической жизни. Как при этом понимается сам ислам? Прежде всего, в качестве мировой религии. Но очень часто, говоря о российских мусульманах, мы воспринимаем ислам, прежде всего, как культуру, что вытягивает за собой известное противопоставление политического ислама исламу культурному. Так считают очень многие. И обычно не подвергают сомнению, что культурный ислам – это хорошо, он рождает

положительные коннотации. Это мирный ислам, с его знаменитыми культурными достижениями, составившими замечательную мусульманскую цивилизацию.

Политический же ислам, как считают, – это плохо, он всегда рождает негативные коннотации. Таковы пресловутое «Исламское государство», воинственные «Братья-мусульмане», экстремизм, терроризм и прочее. Потому культурный ислам следует развивать и превозносить, а с исламом политическим необходимо бороться. Один из выступавших на нашем Круглом столе утверждал, что оттуда, куда побегут поверженные боевики «ИГ», их вытеснят. Но так ли это? Как и куда же их вытеснят? Что в связи с этим нам делать? Как эффективно бороться с политическим исламом?

Я полагаю, что логика противопоставления культурного и политического ислама в своей основе порочна. Конфликт между ними неизбежен, он будет воспроизводиться и далее.

Все дело в том, что ислам уникально целостен. Расхожий тезис о целостности ислама постоянно повторяют исламоведы и сами мусульмане. И действительно, культурное начало и политическое начало в этой целостности органически взаимосвязаны и неотделимы.

Прибегну к метафоре, которая хорошо иллюстрирует такую целостность. Правда, иллюстрирует на примере христианства. Во многом и теперь оно определяет мировоззрение и систему ценностей тех, кто наследует культуру христианства. Но примем во внимание, что трансляция христианской культуры ныне преимущественно осуществляется через культурные, но не культовые механизмы. И согласимся с тем, что современные наследники христианской культуры отнюдь не обязательно становятся приверженцами христианского вероисповедания и культа.

Но обратимся к метафоре, связанной с известной фреской Рафаэля, где Платон и Аристотель стоят рядом, указывая, один – на небо, а другой – на землю. Это хорошо и примечательно: как небо и земля, так Платон и Аристотель взаимно связаны и неотделимы. А разнонаправленность их векторов метафорично напоминает о различии ориентаций ислама и христианства. Христианство – это вертикальная ориентация, это иерархизация неба и земли. Небо («град небесный») христианство однозначно ставит выше земли («град земной»). Именно поэтому христианство так легко было платонизировано в Средневековье.

Что же касается ислама, то он придерживается горизонтальной, земной ориентации. По имманентной логике ислама, в нем отсутствует иерархия (верховенство) земного или небесного начал. Начала, конечно, различаются, но они не иерархизированы: они сбалансированы. Таков этот имманентный баланс – не подавление (одно в ущерб другому), но уравнивание (одно без ущерба для другого). Именно таков, горизонтален, в исламе баланс души и тела, плотского и духовного. Все это – вещи фундаментальные, обусловленные той внутренней логикой культуры, которая пронизывает все свои сферы, их упорядочивает и привносит в них способность к взаимосвязи и органической целостности.

Но какое все это имеет отношение к культурному исламу и исламу политическому? Самое прямое, поскольку политическую сферу невозможно изъять из ислама,

исламского мировоззрения, исламского права, не разрушив сам ислам. Это все равно, что сказать человеку: «Вот, знаешь, справа ты красивый, а слева ты некрасивый. Так давай, я буду только на правую твою половину любоваться, а левая половина мне не нравится. Не поворачивайся ко мне ею». Как же на это отреагирует человек? Наверное, ему будет неприятно, он захочет и даже покажет свою левую часть... Примерно то же самое происходит, когда противопоставляют культурный ислам и ислам политический. Недопустимо и бессмысленно их раздирать и противопоставлять друг другу. Правильнее ставить вопрос иначе. Как сделать политический ислам цивилизованным? Не варварским и агрессивным, но именно толерантным, готовым к сотрудничеству с иными религиями и культурами, купирующим угрозу катастрофического столкновения цивилизаций. Вот тот разумный подход, который диктует острая тревога перед такой катастрофой.

Примем во внимание, что само разделение ислама на культурную и политическую составляющие внесено не извне, но изнутри этой религии. Идея такого разделения сложилась еще в начале минувшего века. В 1925 году была издана книга знаменитого египетского шейха Али Абд ар-Разика под названием «Ислам и основы правления». В ней были выдвинуты именно те идеи, которые позже стали называть культурным исламом. Шейх настаивал на том, что ислам – это именно религия, но отнюдь не государство. Али Абд ар-Разик подверг критике исторически существовавшие формы исламского халифата и предложил и вовсе отказаться от него, отменить как не предписанный в качестве обязательной формы исламским правом и вероучением ислама. Сам же ислам как религию необходимо вывести из сферы политики. Политика, в отличие от вероучения и культа, должна основываться на тех рациональных основаниях, которые уже проверены, выработаны и обкатаны западной цивилизацией. Таковыми являются принципы разделения властей, демократия и т.д. Именно они составляют наиболее эффективный способ устройства земной жизни.

Вот тогда-то, в ответ на книгу Али Абд ар-Разика, последовала бурная и мощная реакция со стороны исламских интеллектуалов. И именно тогда были написаны сочинения, которые позже стали использоваться как обоснование тех воинствующих идеологий, которые мы сегодня называем политическим исламом, вобравшим в себя амбициозную идею халифата. Затем возникают «Братья-мусульмане», а вслед за ними активизируются и другие радикальные исламские политические движения и институты. Сегодня же, спустя век, они вырождаются в «ИГ» и обретают уже не просто уродливое и даже не варварское свое выражение, но нечто столь устрашающее, что пребывает вообще за пределами каких-то человеческих классификаций. Таким образом, возникновение агрессивно-политического ислама было имманентной реакцией на попытку разрушить внутреннюю целостность этой религии, противопоставить небесное и земное, вытеснить ислам из сферы политики.

Что же из сказанного имеет отношение к названию моего выступления «Ислам воображаемый»? Все это имеет прямое отношение, поскольку мы все воображаем, будто все в исламе устроено по той же логике, которая известна нам в европейской и западной культуре. В западной культурной логике вполне допустимо противопос-

тавлять небесное и земное, светское и духовное. В исламе же их нельзя противопоставлять категорически. Здесь, хотя и есть, безусловно, различие этих сторон, но совершенно недопустимо их грубое противопоставление. И в свете имманентной логики ислама это чрезвычайно важно.

Какое касательство имеет это логическое рассуждение к чистой практике? Я полагаю – касательство прямое. Вряд ли принесет успех прямолинейная борьба с политическим исламом. Мы можем, находясь на собственной территории и разговаривая только друг с другом, а не с теми, кто нам противостоит, до хрипоты предавать анафеме политический ислам и превозносить ислам культурный. Но в этом мало толку, поскольку все мы готовы согласиться с этим. Не убеждать же друг друга в том, в чем мы и так убеждены. Однако наш противник находится на другой смысловой территории. Нам надо не просто говорить друг с другом; надо переубеждать и тем побеждать приверженцев идеологии политического ислама. И мы их не переубедим и не победим, если станем вытеснять ислам из сферы политики. Разумеется, необходимо энергично противостоять воинствующему экстремизму и нейтрализовать террористов. Но в то же время стоит понять, что следует прежде всего содействовать тому, чтобы политический ислам вернулся в цивилизационное поле.

Каким образом? Не утопична ли эта идея в силу ее чрезвычайной сложности? Пусть она утопична. Но это не означает ее ненужности. Именно утопичные идеи, если они соответствуют логике культуры, если они выражают, как говорил Г. С. Кнабе, «энтелехию культуры», способны определить вектор конструктивного движения на десятилетия и века. Конечно, у нас нет сегодня готового проекта, нет начертанного плана, как вернуть гармонию политического и культурного начал в исламской жизни. Об этом необходимо говорить, надо ввести эту тему в дискуссионное поле.

Россия в силу объективной логики сложившейся ситуации возвращается в качестве глобального игрока на мировую арену. Она активно участвует в противостоянии в политической и военной сфере. Но где наша мягкая сила, где идеологическое обоснование нашей позиции? Что же можем мы предложить в рамках этого идеологического проекта? Мы говорим: «Все, что происходит сегодня в Сирии, Ираке, Ливии и Йемене, является результатом насильственного экспорта западной демократии. Не экспортируйте (особенно на крыльях бомбардировщиков) демократию». Это правильно. Но ведь нас спросят: «А что экспортировать? Чего вы-то хотите? Вы выступаете защитниками диктаторских режимов? Что вы можете предложить взамен экспорта демократии?»

В том-то и дело, что у нас нет готового цивилизационного проекта, который можем сегодня положить на стол. Над этим и следует работать. Полагаю, что в качестве основ цивилизационного проекта для этих стран могут выступать только те, которые учитывают логику ислама и исламской культуры. Только тогда ислам воображаемый на наших цивилизационных картах уступит место исламу реальному.

Дата поступления рукописи в редакцию 15.01.2017

УДК 323.1

А. В. Рубцов

ИДЕОЛОГИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В своем выступлении эту тему я рассмотрю академично, в аспекте философии и политической науки. Как показывает опыт политической деятельности, многие практические проблемы не получают адекватного разрешения в реальной политике, отчасти потому, что мы не вполне адекватно представляем себе, с чем мы имеем дело. Особенно, когда речь идет о таких сложных, противоречивых, по-разному решавшихся в истории науки, философии и политики вопросах, как вопросы идеологии.

Необходимо констатировать, что проблемы идеологии и консолидации общества взаимосвязаны самым непосредственным образом. Идеология – это, прежде всего, мощнейший инструмент консолидации общества и, может быть, иногда единственный инструмент и почва, на которой общество может консолидироваться. Даже если какие-то социумы, социальные группы или некие массовидные образования консолидируются на почве каких-то реальных интересов, то эти интересы должны быть сформулированы в виде соответствующих идей. С этой точки зрения, идеология представляется практически универсальным инструментом консолидации. Соответственно, если мы смотрим на эту проблему с позиции конкретных практических задач консолидации общества, то точно так же мы приходим к необходимости понимания того, что происходит в сфере идеологических процессов, возможности их оптимизации и так далее.

Идеология на разных этапах развития общества, в том числе нашего Отечества, актуализируется по-разному, но всегда работает на полную силу. Просто не всегда это видно. Если взглянуть на то, что происходит у нас в последнее время, то увидим, что идеологические процессы и понятие «идеологическое», в самом широком смысле слова, – становятся сейчас гораздо более актуальными, нежели несколько лет тому назад. На нашей конференции преобладают ее молодые участники, но есть и те, кто прошел через школу марксистско-ленинской философии. Она очень долго мучила всех, сама мучилась и всех мучила так называемым «основным вопросом философии», который звучал так: «Что первично: материя или сознание?»

Смешно, но тем не менее на этот вопрос иногда приходится отвечать в жизни, на практике, в том числе и в политике. Если вернуться буквально на несколько лет назад, то мы вспомним, что в нашей официальной риторике и в том, что можно было

назвать идеологической работой, приоритетными были вопросы модернизации. Модернизация в этом плане представляется задачей, прежде всего, прагматически ориентированной на решение вполне понятных материальных проблем. В том числе проблем, решение которых следует проверять какими-то довольно простыми калькуляциями. Какую долю, скажем, в экспорте занимает высокочемкая продукция? Или, скажем, сырьевой экспорт? На каком уровне у нас находятся современные технологии развития? В конце концов, процессы модернизации можно оценивать даже на расчете финансовых потоков.

Буквально десять лет назад (я не случайно вернулся к теме «Основной вопрос философии») мы в одночасье стали по-другому отвечать на этот вопрос. Я имею в виду ту официальную позицию, которая обычно звучит с высоких трибун. В какой-то момент вопросы модернизации и всего, что связано с практическим, технологическим, экономическим развитием, отошли в официальной риторике на второй план. А ключевыми стали совершенно другие слова: идентичность, духовные скрепы, национальные традиции, ценности. Этот список можно продолжить. Как видим, это совершенно другой ответ на то, что, по официальной риторике, должно-де являться приоритетом в работе: не столько общественное сознание, сколько практика организации социальной жизни.

Я сейчас не обсуждаю, хорошо это или плохо, но просто констатирую факты и указываю на феномен столь фундаментального изменения этого социального приоритета, которое происходит словно бы в другой стране. Я бы поостерегся назвать этот феномен «идиократией». Но тенденции в этом направлении явно имеют место, и в этом аспекте идеология становится одной из ключевых позиций. Не случайно сейчас так много уделяется внимания (не только в науке и в философии, но и на уровне бытовой, повседневной политики!) вопросу о желательности и даже необходимости отменить конституционный запрет на государственную или обязательную идеологию. К этому вопросу постоянно возвращаются ученые-гуманитарии. Кстати: недавно слово в слово этот вопрос был будирован в качестве законодательного проекта. Однако выяснилось, что инициатор проекта не этот вопрос имел в виду, а всего-навсего хотел ввести новый праздник...

Тем не менее к этой теме мы постоянно возвращаемся, и у меня всегда возникает такой вопрос: откуда и на каком уровне появляются такого рода инициативы? Последнее время в нашей жизни возникают немало каких-то идей, связанных с установкой памятников, с канонизацией неких исторических персонажей. Но у меня всегда возникает вопрос к этим инициаторам: а как вот вы, сторонники отечественных, национальных традиций, относитесь к самой этой традиции, которая в истории нашего отечества почему-то этих широких жестов не делала? Я имею в виду всем понятные ситуации с установкой памятников и все, что с этим связано. Если посмотреть на нашу историю, на отношение ко многим персонажам и установке монументов таким, то мы увидим, что там все довольно сложно, напряженно и неоднозначно.

Вдумаемся в суть этой традиции – в ней есть глубокий смысл. И странно, когда сейчас люди, не очень знакомые с глубиной этой традиции, берут на себя миссию взять и в одночасье поправить весь российский народ и всю российскую культуру, которая до этого почему-то с этим не могла разобраться. Полагаю, в этом некоторое неуважение к нашим предкам, которые до сих пор почему-то вели себя не совсем так. Такая тенденция исправлять ошибки в нашей истории мне представляется не лучшим способом обращения с традицией. Я говорю об этом как раз в связи с отношением к идеологии. В стремлении что-то поправить в содержании и направлении идей, на мой взгляд, присутствует некоторое недопонимание всей глубины и сложности с ними связанных вопросов. Есть такие сферы жизни, в которых все являются специалистами: в медицине все разбираются, в архитектуре все разбираются. И все готовы советовать, выдвигать разные инициативы. Такое впечатление, что и в идеологии у нас тоже все и все понимают. Но на самом деле это явление очень непростое, крайне противоречивое, по-разному понимавшееся на разных этапах развития мысли и политики. Сейчас понятие «идеологическое» понимается в самом широком смысле, то есть несколько по-другому, чем раньше. И если мы это не будем учитывать, то будем и дальше выступать с такими несколько поверхностными и излишне смелыми инициативами.

Если определять понятие идеологии в самом широком смысле, то мы, во-первых, столкнемся с целой традицией, потому что по-разному все это воспринималось. Возникло это понятие как наука об идеях. В марксизме идеология трактовалась как ложное сознание, которое господствующие классы навязывают угнетаемым классам. Идеология это нечто, всегда связываемое с тем, что какие-то группы свой интерес представляют как всеобщий и всех заставляют работать в собственных интересах. Вот такое понимание идеологии, кстати, до сих пор господствует у нас. Потому, что и сам марксизм многими людьми воспринимается в советском, то есть не в самом лучшем его варианте. Правда, это ими не всегда озвучивается, хотя до сих пор они на деле являются носителями таких поверхностных представлений.

Но я бы посмотрел на эту ситуацию с позиции, с которой в свое время выступил немецкий мыслитель Карл Шмидт (1888–1985). Он действительно являлся очень глубоким философом и политологом, хотя был замечен в сотрудничестве с нацизмом, но избежал благополучно трибуналов. Это, впрочем, не отменяет того интересного хода, который К. Шмидт в свое время предложил для понимания политики. Он сказал примерно следующую вещь: «У политики нет своего определения, нет своего конституирующего основания, которое есть у всего остального». Так, в экономике это выгода или наоборот потери. В этике это добро и зло. В эстетике это прекрасное и безобразное. Вот везде есть свои позиции, которые конституируют каждую из этих областей культуры и деятельности. В политике же этого не было и нет.

Он предложил свою диспозицию, которая формулируется как взаимоотношение «друг/враг». На этом построено множество теорий, и сейчас является классикой.

Не будем в этом разбираться, но поймем, что идеология в этом смысле должна бы строиться на какой-то собственной диспозиции. Я в свое время, буквально в проходном варианте, без того, чтобы формулировать какие-то окончательные дефиниции, употребил такое выражение, что идеология – это вера в упаковке знания. Вот эта диспозиция «вера и знание» – она, на мой взгляд, могла бы быть одним из гипотетических рабочих вариантов того, что является конституирующим началом для такого сложного явления, как идеология. Причем здесь вот эти крайности «вера» и «знание» сочетаются самым сложным и очень противоречивым образом. Но внутренне они взаимосвязаны потому, что, с одной стороны, это вера, которая облекается в форму знания, а с другой стороны, это знание, которое должно приниматься как вера. И две эти крайности, две эти полярности – они в идеологии всегда присутствуют.

Кроме того, это не механическое соединение двух каких-то половин, а некоторый континуум, который представляет такой сложный переход: где-то на том конце мы имеем чистую веру, практически с нулевым составляющим знания. Но это в крайнем пределе, потому что даже в религии (я прошу извинения перед присутствующими представителями духовенства за эти смелые высказывания) тоже присутствует обязательный элемент знания, иначе, где бы была вся теология. Надо понимать, что теология – это тоже не какая-то отвлеченная наука. Подобно тому, как все мы являемся обыденными философами, да и сами являемся носителями каких-то философских представлений, которые мы не можем даже сформулировать. Но в подкорке они у нас сидят. Так же и вера всегда, на мой взгляд, содержит в себе элемент такой бытовой, повседневной теологии, которая есть у каждого нормального человека. Соответственно, на другом полюсе мы находим науку, в которой веры по идее не должно быть. В науке ничто не принимается на веру, но этот элемент абсолютного доверия у нас все-таки является тем, что наука конституирует и делает его особым видом освоенной действительности.

Но здесь мы тоже обнаруживаем довольно сложную историю трех стадий позитивизма, при которых пытались иллюминировать в науку элементы метафизики, онтологии и в широком смысле идеологии. То есть стремились разработать язык описания реальности, который не содержал бы никаких теоретических, концептуально нагруженных терминов. Понятно, что идея такого языка провалилась. Мы сейчас имеем совершенно другую картину и понимаем, что в науке тоже без идеологии не обходятся даже самые строгие представления. Там всегда есть слой аксиоматики и своеобразной научной догматики. Я сослался на эту историю, поскольку она, на мой взгляд, имеет и весьма важное практическое и политическое значение. Если вы заявляете, что хотите какую-то идеологию объявить государственной и обязательной, то тогда вы должны с таким же правом и с таким же успехом объявить государственной какую-либо одну из религий или же (что еще смешнее или страшнее) должны иметь возможность объявить государственной какую-то науку. С этим-то мы имели дело в свое время, а потому знаем, чем это кончилось для науки. Но раз для науки, то и для

развития страны. Вот почему мы обязаны учитывать эти сложные взаимоотношения. В том числе, когда мы выдвигаем разного рода инициативы.

Далее, я хотел бы затронуть то, что называется «деидеологизацией». Нам в какое-то время показалось, что с идеологией покончено. Таковым был эффект некоего вздоха, поскольку в советское время нас измучили этой официальной идеологией: парт-, политпросветом, разными курсами, экзаменами и прочими «приставаниями» (извините за это выражение), с требованиями проявить свою идеологическую лояльность. Здесь, казалось бы, общество, наконец, вздохнуло. Было такое ощущение, как сказал один известный человек: «При слове “культура” у меня рука тянется к парабеллуму». Так вот, у постсоветского человека при слове «идеология» рука тянется к тяжелому предмету, потому что, действительно, просто измучились. Но на самом деле: эта идея деидеологизации тоже оказывается достаточно поверхностной. Дело в том, что мы не находим идеологию там, где привыкли видеть: у нас нет идеологического отдела ЦК КПСС, не осталось и других институций той мощной системы идеологической обработки населения. Тем не менее в каких-то скрытых формах все это идеологическое остается и существует. И если мы этого не поймем, то будем терять возможность объяснить очень многие процессы, связанные с поведением людей.

В свое время Фрейд объяснил бессознательное как то, что мы можем предположить, судя по поведению людей. Так вот, точно так же в сознании и подсознании людей есть скрытая латентная идеология, о которой мы можем предположить, только судя по их поведению. У Канта была такая замечательная формулировка: «Как если бы». Применительно к идее деидеологизации эта формула тоже работает. Мы можем реконструировать некую идеологию групп, каких-то отдельных людей по тому, как они себя ведут. И мы можем реконструировать это идеологическое начало и даже его сформулировать, сказав: «Как если бы эти люди были носителями этой идеологии». Они этих слов не выговаривают, но ведут себя совершенно определенным образом. И если мы понимаем это скрытое идеологическое начало, то можем объяснить их политическое, социальное и прочее поведение.

С этой точки зрения очень важно понять, где собственно присутствует идеологическое. Здесь происходит примерно то же самое, что с такими сложнейшими, актуальнейшими проблемами, как проблема политики, проблема власти. Мы тоже привыкли понимать власть, как нечто локализованное в определенной совершенно ситуации. Ну что такое власть? Власть – это президент, это правительство, это Государственная дума и так далее. Вот это власть. Все остальное – это не власть. Но современные (точнее, постсовременные) представления рассматривают власть как нечто диффузное, как нечто существующее практически везде в самых тончайших материях, в самых мельчайших порах сознания и социальных отношений.

То же самое политика. Нам кажется, что политика – это то, чем занимаются политики. Но в реалии существует культурная политика, правовая политика, существует политика в сфере экономики, в сфере технологий. И существует политика просто

во взаимоотношениях между людьми. Это тоже своего рода политические взаимоотношения, вплоть до того, что это можно рассматривать как науку семьи, как проблему власти, проблему политики. И вот это все взаимосвязано единым образом.

Вот с этой реалистической точки зрения идеология тоже имеет примерно такое же свойство. У нас сейчас в чистых листах выходит книга, которую подготовил наш сектор Института философии. Она называется «Практическая идеология». Та часть книги, которую я буду издавать позже отдельным изданием, называется «Проникающая идеология». Следует понимать, что идеология – это вовсе не то, что говорится только с высоких трибун, но это именно то, что проникает практически во все поры наших взаимоотношений.

Теперь затрону то, что связано с консолидацией нашего общества. Здесь тоже очень интересный момент. С одной стороны, идеология это то, что консолидирует общество (я с этого начинал свое выступление) и это аксиома. Но вместе с тем мы видим, что идеология – это такие субстанции, которые и разрывают общество, которые противопоставляют одни группы людей другим. Идеология – это то, что стравливает целые нации, целые, я бы даже сказал, цивилизации. Я уже не говорю о внутренней политике и их более локальных взаимоотношениях. И вот то, как здесь идеология работает на интеграцию или дезинтеграцию, на связь или на разрыв – это тоже все очень сложные и неочевидные моменты.

Феноменологическая социология исходила из того, что общество интегрировано только за счет того, что люди каким-то образом понимают друг друга. Вот эта социология занималась этой герменевтикой, этим пониманием: как устроен вопрос, как устроен процесс между людьми. И если люди понимают друг друга, то значит общество консолидировано. Казалось бы, совершенно простая и очевидная истина. Но если посмотрим на то, как это было устроено в советское время, то мы увидим, что там, в том числе, работал прямо противоположный механизм, который я в свое время называл «интеграция через непонимание». Наши идеологические установки советского периода по-разному трактовались на разных этапах развития общества, потому что тот же самый марксизм в разные периоды советского развития столь сильно менялся, что в какие-то моменты становился даже не очень похожим сам на себя.

Это был очень интересный момент, потому что за это время в других странах философско-мировоззренческие парадигмы много раз сменились. Мы же все носились с одной и той же идеологией и в то же время как угодно ее модифицировали. Модифицировали в понимании разных социальных групп. Одни и те же экономические формулы воспроизводились в сознании членов политбюро, работников систем парт-, политпросвета и так далее, вплоть до обычных граждан. И я вас уверяю, что все они понимали эти формулы совершенно по-разному. Однако это разночтение было заблокировано. Все полагали, что они являются носителями и сторонниками одних и тех же идей, хотя на самом деле в общественном сознании эти идеи были

совершенно разными. Само же прояснение этих разночтений, как уже сказано, было надежно заблокировано, поэтому казалось, что общество интегрировалось.

Для блокирования общественного сознания надобно иметь особого рода механизмы. Таковые теперь исчезли, и сейчас мы не можем и не должны интегрировать общество за счет вот таких вот упрощенных систем. Поэтому возникает вопрос, в какой форме можно было бы работать с идеологиями, чтобы они все-таки воздействовали на консолидацию общества. Причем на демократическую, добровольную, нормальную, человеческую консолидацию общества, а не на силовую, которая консолидирует общество просто за счет того, что выбрасывает на периферию то, что кому-то не нравится.

Последнее, на что я хотел бы в этой связи указать, это еще на один интересный момент, связанный с проектами и запретами. Идеология, как правило, воспринимается как некое проектное начало. То есть, если люди выступают с идеологией, значит у них есть какой-то проект. Однако, если выясним, как устроено общество с их точки зрения, то увидим, что их проекты очень часто не консолидируют людей, а закладывают между ними баррикады, выстраивают границы, заставляют их бороться друг с другом. В то же время существуют и такие, казалось бы, негативные, а на деле же – конструктивные возможности, какие представлены в системе запретов. Если мы хотим предложить обществу его консолидирующий, правильный проект, то таковой должен работать и на разрыв.

Я поясню свою главную и, вероятно, дискуссионную мысль. Попытаемся спросить себя: а чего, прежде всего, мы все не хотим? От чего хотели бы освободиться в нашей стране, в нашем обществе? Тогда оказывается, что это и есть то, что гораздо чаще консолидирует людей, нежели какие-то недостаточно продуманные проекты. Можно конкурировать на уровне проектов, можно дискутировать и бесконечно их обсуждать. Система запретов в этом отношении гораздо более категорична, конкретна и даже конструктивна. Не случайно же мировые религии столь устойчиво построены как раз с позиции мною названной «проникающей идеологии». Они построены, прежде всего, на фундаменте запретов. Итак, если мы посмотрим в первую очередь на то, от чего хотели бы избавиться в нашей стране, в нашей конкретной ситуации, а также на то, куда двигаться дальше в своем собственном величии, то, может быть, мы гораздо быстрее достигнем прочной консолидации нашего общества.

Дата поступления рукописи в редакцию 03.03.2017

УДК 27

Митрополит Пермский и Кунгурский Мефодий

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ О НРАВСТВЕННОМ СЛУЖЕНИИ ОТЕЧЕСТВУ

Глубокоуважаемые представители государственной власти!

Дорогие братья и сестры!

В начале XXI века Россия встает на путь обретения себя через возрождение духовно-нравственных основ своего бытия: ценностей патриотизма, русской национальной идеи. Духовно-нравственное возрождение требует актуализации в общественном сознании универсальных духовных ценностей, и это не может быть спонтанным процессом, духовно-нравственное возрождение достижимо только как результат целенаправленного долгого труда в воспитании молодого поколения.

Когда мы говорим о нравственности, то подразумеваем три понятия: «этику», «мораль» и «нравственность». Но эти три понятия – есть одно и то же слово, только выраженное сначала греческим, потом латинским и под конец славянским корнем.

Содержанием нравственности является то высшее, что можно охарактеризовать словами «истина», «добро», «красота». Понятие «нравственность» происходит от слова «нравить», то есть любить (*Этимологический словарь русского языка Макса Фасмера*). В основе нравственности лежит любовь, не корыстная и эгоистичная, но любовь к истине, добру, справедливости. Следовательно, и нравственное служение предполагает жертвенность, сознательное бескорыстие, преданность и любовь к избранной сфере деятельности не *из страха наказания, но и по совести* (Рим.13:5).

Совість признается в Православии как внутренний закон, как голос Божий, благодаря которому человек может судить о положительном или отрицательном достоинстве своих поступков. Человек не подчинен голосу совести безусловно, он свободен в выборе, и этот нравственный выбор есть основа личностного бытия человека.

Апостол Павел свидетельствует о нерукотворности нравственного закона в любом человеке: «...Когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую» (Рим.2:14–15).

Издревле, с античных времен известно так называемое «золотое правило нравственности», которое звучит так: «Относись к людям так, как хочешь, чтобы от-

носились к тебе». У Аристотеля оно звучит так: «Как вести себя с друзьями?» – «Так, как хотелось бы, чтобы они вели себя с вами». В той или иной форме «золотое правило» встречается у Сократа, Платона, Аристотеля и Сенеки.

Христос также повторяет это правило в Своей проповеди. Однако Господь не останавливается на такой «взаимовыгодной» нравственности, а призывает человека подняться на большую высоту. Христос призывает нас к жертвенной любви, которая «долготерпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не гордится, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла» (1 Кор. 13).

Православный нравственный идеал – это Христос. Он в Самом Себе показал человеку идеал жертвенного служения, жертвенной любви, пойдя ради спасения человека на Крестную смерть. Он задает человеку необыкновенную нравственную высоту: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15,13).

Человек, обращенный к Богу, понуждает себя жить по евангельским заповедям. Свои действия и поступки он проецирует через призму Евангелия. В таком случае для него само понятие «служение», что бы оно ни затрагивало, будет означать необходимость подчинять свою жизнь чему-то более высокому и значимому, чем материальная обеспеченность и житейский комфорт. Служение предполагает, что человек должен жертвовать и своим спокойствием, и своим благополучием, а порою и жизнью, исполняя свой служебный долг. Немыслимо основать все это на системе ценностей потребительского общества, опорой и ориентиром здесь могут быть только духовно-нравственные ценности.

Святитель Филарет Московский писал: «Худой гражданин земного Отечества и небесного недостоин». Творческое сознательное служение Родине в любом качестве невозможно без любви к Отечеству, без воспитания у служащего патриотического чувства, которое должно переживаться совокупно с любовью к ближнему. Именно любовь снимает все противоречия между личностью и окружающими ее людьми, делая человека способным полностью реализовать свободу и одновременно заботиться о ближних и об Отечестве. В основе нравственного поведения человека Господь поставил любовь. Научиться любить, любить жертвенно, любить бескорыстно – есть главная духовная задача человека на Земле.

В заключение своего краткого выступления я приведу замечательные слова Николая Васильевича Гоголя, написанные в 1844 году в письме к графу Александру Петровичу Толстому:

«Без любви к Богу никому не спастись, а любви к Богу у вас нет. В монастыре ее не найдется; в монастырь идут одни, которых уже позвал туда Сам Бог. Без воли Бога нельзя и полюбить Его. Да и как полюбить Того, Которого никто не видал? Какими молитвами и усильями вымолить у Него эту любовь? Смотрите, сколько есть теперь на свете добрых и прекрасных людей, которые добиваются жарко этой любви и слышат одну только черствость да холодную пустоту в душах. Трудно полюбить Того, Кого никто не видал. Один Христос принес и возвестил нам тайну, что в любви к братьям получаем любовь к Богу. Стоит только полюбить их так, как приказал Христос, и сама собой выйдет в итоге любовь к Богу Самому».

Далее я особо выделю следующие, чрезвычайно знаменательные слова Николая Васильевича Гоголя:

«Идите же в мир и приобретите прежде любовь к братьям. Но как полюбить братьев, как полюбить людей? Душа хочет любить одно прекрасное, а бедные люди так несовершенны и так в них мало прекрасного! Как же сделать это? Поблагодарите Бога прежде всего за то, что вы русский. Для русского теперь открывается этот путь, и этот путь есть сама Россия. Если только возлюбит русский Россию, возлюбит и все, что ни есть в России.

К этой любви нас ведет теперь Сам Бог. Без болезней и страданий, которые в таком множестве накопились внутри ее и которых виною мы сами, не почувствовал бы никто из нас к ней сострадания. А сострадание есть уже начало любви. Уже крики на бесчинства, неправды и взятки – не просто негодование благородных на бесчестных, но вопль всей земли, послышавшей, что чужеземные враги вторглись в бесчисленном множестве, рассыпались по домам и наложили тяжелое ярмо на каждого человека; уже и те, которые приняли добровольно к себе в дома этих страшных врагов душевных, хотят от них освободиться сами, и не знают, как это сделать, и все сливается в один потрясающий вопль, уже и бесчувственные подвигаются.

Но прямой любви еще не слышно ни в ком, – ее нет также и у вас. Вы еще не любите Россию: вы умеете только печалиться да раздражаться слухами обо всем дурном, что в ней ни делается, в вас все это производит только одну черствую досаду да уныние. Нет, это еще не любовь, далеко вам до любви, это разве только одно слишком еще отдаленное ее предвестие. Нет, если вы действительно полюбите Россию, у вас пропадет тогда сама собой та близорукая мысль, которая зародилась теперь у многих честных и даже весьма умных людей, то есть будто в теперешнее время они уже ничего не могут сделать для России и будто они ей уже не нужны совсем; напротив, тогда только во всей силе вы почувствуете, что любовь всемогуща и что с ней возможно все сделать.

Нет, если вы действительно полюбите Россию, вы будете рваться служить ей; не в губернаторы, но в капитан-исправники пойдете, – последнее место, какое ни отыщется в ней, возьмете, предпочитая одну крупницу деятельности на нем всей вашей нынешней бездейственной и праздной жизни. Нет, вы еще не любите Россию. А не полюбивши России, не полюбите вам своих братьев, а не полюбивши своих братьев, не возгореться вам любовью к Богу, а не возгоревшись любовью к Богу, не спасетесь вам».

Давайте будем сообща, по призыву Николая Васильевича Гоголя, будем любить и беречь Россию.

Благодарю за внимание!

Дата поступления рукописи в редакцию 04.03.2017

УДК 323.1

А. А. Субботина

ГРАЖДАНСКОЕ ЕДИНЕНИЕ В МУНИЦИПАЛИТЕТАХ ПЕРМСКОГО КРАЯ

Уважаемые участники конференции!

Каждый регион нашей многонациональной страны имеет свои особенности по национальному составу, свою специфику по решению возникающих проблем. Но перед всеми субъектами Федерации ныне стоят общие, необходимые, чрезвычайно актуальные, долговременные и весьма сложные задачи по реализации государственной национальной политики и укреплению гражданско-патриотического единства российской нации. Правительственные программные документы последних лет определили четкую стратегию по разрешению этих задач в регионах и муниципальных образованиях Отечества.

Сегодняшний день сферы реализации региональной национальной политики в Пермском крае обладает давней предысторией. Прикамье стало одной из первых территорий в России, где с 1992 года в этой сфере начал применяться программный подход. За эти годы в нашем регионе проделана значительная работа по сохранению и развитию национальных языков и культур, по гармонизации межнациональных отношений. Нами также накоплен большой опыт поэтапного разрешения назревших в этой сфере практических задач. Таков результат совместных усилий общественности, краевой и муниципальных органов власти, а также активного содействия этой деятельности со стороны местных ученых-гуманитариев (особенно – пермской школы этнологов во главе с членом-корреспондентом РАН А. В. Черных).

Первые нами разработанные программы реализации национальной политики (1993–1998 годы) решали общие отправные и практические вопросы по возрождению национальных культур и формированию национально-культурных объединений в нашем регионе. Последующие программы (1999–2008 годы) уже были ориентированы на поддержку инициатив национальных общественных объединений, развитию средств массовых информационных и книгоиздания на родных языках, а также на организацию и проведение в регионе и муниципальных поселениях мероприятий, направленных на гармонизацию национальных отношений. В ходе реализации этих программ шли поиски, отработывались и апробировались наиболее эффективные подходы и методы в повседневной деятельности национальных объединений. При этом все более последовательно осмысливался, систематизировался и обобщался накоплен-

ный в муниципалитетах практический опыт гармонизации национальных объединений, формировался порядок планомерного обмена этим опытом. В 2001 году был образован региональный Координационный совет по межнациональным отношениям.

В программе на 2009–2013 годы впервые был опробован и применен «модульный» подход, при котором по отношению к каждой из этнических групп региона были рекомендованы и стали применяться уже опробованные и унифицированные в нашем крае приемы и методы. Очертим этот «модульный» подход подробнее. В его основе лежит **универсальный модуль**, содержащий в себе набор особенно эффективных и примерно одинаковых «инструментов» деятельности по сохранению и развитию национальных языков и культур, по гармонизации межнациональных отношений. Логика построения этого модуля тоже универсальна. Первичной в нем является исследовательская, научная часть, которая включает в себя наличие постоянного мониторинга (фиксация, анализ, разработка программы действий). Далее модуль включает разработку и реализацию комплекса развивающих мероприятий по следующим отраслям: а) народное искусство; б) образование на родном языке; в) народные виды спорта; г) книгоиздание на родном языке. За ними (с учетом особенностей и традиций этнических групп) следует комплекс популяризирующих мероприятий (в том числе в медийной области).

На новый качественный уровень эта деятельность в этнической сфере Прикамья была выведена после принятия 7 мая 2012 года указа президента России «Об обеспечении межнационального согласия». В том же 2012 году в нашем крае был существенно расширен диапазон действий в сфере национальной политики. Как следствие, в три раза выросло финансирование по соответствующей программе. Координационный совет по межнациональным отношениям теперь возглавил сам губернатор региона. Работа в этом направлении пошла более эффективно. В то же время мы чувствовали, что ей необходимо придать большую системность и, главное, активно вовлечь в эту деятельность органы местного самоуправления. Двадцать второго октября 2013 года Государственная дума внесла те изменения в федеральном законодательстве, которые позволили значительно более предметно и действенно подключить к реализации государственной национальной политики должностных лиц муниципальных органов власти.

Ныне действующая, рассчитанная на 2014–2019 годы, региональная программа нами разработана и теперь реализуется в полном соответствии с федеральными рекомендациями (в том числе с принятой 20 августа 2013 года федеральной целевой программой «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)»). Как известно участникам настоящей конференции, 19 декабря 2013 г. была принята «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». После принятия этого чрезвычайно важного правительственного документа мы разработали дополнительную подпрограмму «Реализация государственной национальной политики Российской Федерации в Пермском крае на 2014–2018 годы».

В своей вариативной части эти ныне действующая региональная программа и подпрограмма сохранили, углубили и теперь особенно последовательно реализуют «модульный» подход, поскольку практические методы деятельности в этнической сфере нами уже были многократно опробованы и отточены в ходе реализации предыдущих программ. Модульная система уже в течение ряда лет успешно способствует выявлению тех мест и направлений по реализации национальной политики в нашем регионе, где особенно необходимы как оперативные коррекции, так и методически-организационное содействие со стороны органов власти.

Позвольте ознакомить вас с основными этапами применения «модульного» подхода.

В 2012 году мы рекомендовали главам муниципальных образований определить ответственных за сферу межнациональных отношений. Такая мера позволила выстраивать работу отрасли «национальная политика» в каждом регионе. Данный этап был завершен к началу 2013 года.

Следующим шагом было создание общественных координационных советов по межнациональным отношениям в муниципальных образованиях. К началу 2014 года советы были сформированы во всех 48 территориях нашего региона. Системно построенная работа координационных советов позволила усилить и упорядочить их деятельность, сделать ее открытой, прозрачной и ориентированной на результат.

Для дальнейшей успешной реализации государственной национальной политики Администрация губернатора выработала рекомендации органам местного самоуправления по созданию подразделений во внутренней политике. Определена пилотная территория для внедрения данных рекомендаций. К 1 сентября 2014 года подразделения были сформированы на всех территориях. Тогда же начался процесс обучения новых специалистов и руководителей подразделений.

В конце 2014 года и первой половине 2015 года департаментом внутренней политики проводилась работа по созданию единой системы мониторинга межнациональных отношений в регионе. Одиннадцатого декабря 2014 года по инициативе экспертного сообщества и при поддержке Администрации губернатора был создан «Региональный центр мониторинга». Вслед за этим Администрация губернатора создала 48 муниципальных центров мониторинга и оснастила их необходимым оборудованием.

Программа – важнейший инструмент деятельности по реализации государственной национальной политики. В 2015 году на территориях края началась разработка конкретных муниципальных программ по реализации государственной национальной политики. Для стимулирования территорий Администрация губернатора разработала механизм софинансирования муниципальных программ из краевого бюджета (25 % на 75 %). Это решение послужило мощным импульсом к разработке и принятию муниципальных программ. Программы приняты уже в 35 муниципалитетах края. На сегодняшний день финансирование региональной программы составляет 33,8 млн руб. Суммарное финансирование муниципальных программ составляет 23,6 млн руб.

Я приведу некоторые примеры успешной реализации муниципальных программ на территории Пермского края.

Бардымский район. Второго июля 2014 года здесь создан муниципальный Координационный совет по национальным вопросам. Примем во внимание, что на территории Бардымского муниципального района также реализуется программа «Оказание содействия добровольному переселению в Пермский край соотечественников, проживающих за рубежом». Количество участников программы, проживающих на нашей территории, теперь составляет 16 человек. Все они получили разрешение на временное проживание, 9 человек дополнительно подали заявление на получение российского гражданства.

На высоком организационном уровне на Бардымской земле проводятся следующие национальные праздники: «Барда-зиен», «Навруз», «Сабантуй», «Дни татарского просвещения», фестиваль национальных культур «В дружбе народов единство края», фестиваль народного творчества «Родники души народной», V Ягафаровские чтения, фестиваль молодых исполнителей «Мелодии Притулвья», Дни Бардымского района в Кишертском районе, обрядовый праздник «Пух да перо – гусиное добро», Сурен-сугу – древний обычай, праздник урожая «Сюмбеля».

На Бардымской земле также проводятся праздники народов русскоязычного населения. Так, в Печменском и Шермейском поселениях традиционно проходят праздники: Рождество, Масленица, Пасха, День славянской письменности, Троица и т. д. С 2015 года на территории Бардымского района положено начало вещанию национальных программ радиостанции «Юлдаш» на частоте 105,4 МГц.

Городской округ Губаха. В округе сформирован положительный опыт проведения не просто разовых мероприятий, освещающих тему национальной политики, но целых акций, с охватом большого количества населения разных возрастов. Так, в 2016 году здесь реализованы два масштабных мероприятия. Девятого мая проведена масштабная акция «Губаха. Победа. Будущее», посвященная празднованию Дня Победы в Великой Отечественной войне. План этой акции был разработан на расширенном заседании Координационного совета по национальным вопросам и включал в себя мероприятия, проводимые на базе всех учреждений города в течение целого месяца. Четвертого ноября прошла массовая акция «Мы – россияне!», посвященная Дню народного единства.

По результатам проведения этих акций разработаны два печатных методические пособия, рекомендованные для образовательных учреждений. Организована также видеосъемка этих событий. Помимо того, в городском округе осуществлена съемка ряда других мероприятия по гармонизации межнациональных отношений: видеоролик о воспитании патриотизма (показан в рубрике «Национальный час» на телеканале «Т7 – Культура»); документальный фильм «Войну делили на троих» (показан в рубрике «Национальный час» на телеканале «Т7 – Культура»).

К особо ярким местным событиям 2016 года в сфере национальной политики следует отнести ежегодный межмуниципальный фестиваль национальных культур «Мы едины» (посвящен Дню народного единства), фестиваль «Мы – лучи одного

солнца», а также фестиваль северных народов «НордФест». Организовано участие жителей округа во всероссийской акции «Этнографический диктант». Проведен ежегодный национальный татаро-башкирский праздник «Сабантуй», устроены выставки «Культурный транзит» и экспозиция декоративно-прикладного творчества, национальных костюмов, национальных блюд. Для жителей города Губахи и поселения Углеуральский были даны концерты ансамбля татарской песни «Бэхет».

Закрытое территориальное образование «Звездный». С апреля 2014 года здесь осуществляет свою деятельность *Координационный совет по национальным отношениям при главе ЗАТО*. В Звездном реализуется муниципальная программа «Обеспечение взаимодействия общества и власти», в состав которой входит подпрограмма «Гармонизация межнациональных отношений». В ЗАТО утвержден план мероприятий по гармонизации межнациональных отношений.

На заседании координационного совета 5 ноября 2015 года было решено создать методический центр по межнациональным отношениям. Основными задачами центра стали проведение мониторинга в сфере национальных отношений, сбор успешных и интересных практик, организация семинаров и конференций. Особый акцент методического центра сделан на работу с молодежью и подростками. Ныне в ЗАТО выстроена система мероприятий, направленная на гармонизацию межнациональных отношений и формирование демократических механизмов разрешения национальных и межнациональных проблем.

В соответствии с утвержденным планом, при содействии учреждений образования, культуры и спорта уже организовано и проведено более 20 мероприятий: муниципальные конкурсы, викторины, тематические праздники, общегородские культурно-массовые, спортивные, гражданско-патриотические, просветительские и зрелищные мероприятия для населения ЗАТО.

Город Кудымкар. Здесь в 2015 году была разработана и принята программа «Укрепление гражданского единства и гармонизации межнациональных отношений» в муниципальном образовании «Городской округ – город Кудымкар». В рамках этой программы в городе проведены ряд фестивалей, нацеленных на развитие и популяризацию этнической культуры коми-пермяков. Назовем некоторые из этих мероприятий: межрегиональный фестиваль национальной игрушки и игровой культуры «Акань» (Кукла); межрегиональный детский творческий фестиваль «Силькан» (Колокольчик); окружной фестиваль игры КВН на коми-пермяцком языке «Пуксьы да ваксьы» («Садись и смейся»). Следует особенно отметить нарастающее внимания учреждений культуры и образования Кудымкара к задачам гражданско-патриотического воспитания сограждан.

Завершая свое выступление, хочу выразить надежду в том, что регулярно проводимые в Перми межрегиональные форумы, научно-практические конференции, Круглые столы ведущих ученых и экспертов будут и далее способствовать успешному решению задач укрепления гражданско-патриотического единства российской нации.

Дата поступления рукописи в редакцию 19.03.2017

УДК 323.1

Ю. А. Уткин

ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В КРАЕВОМ ЦЕНТРЕ ПРИКАМЬЯ

Уважаемые участники и гости конференции!

Пермь входит в число 15 городов-миллионников России. Ныне в краевом центре проживают представители более 130 народов, осуществляют свою деятельность свыше 30 национально-культурных и более 80 религиозных объединений – Русской Православной церкви, мусульман, иудеев и других конфессий. Как и в других муниципальных образованиях России, проблемы гармонизации этноконфессиональных отношений, поддержания и укрепления гражданско-патриотического единства находятся в центре особого внимания со стороны органов власти и ответственности нашего города.

Отмечу, что еще задолго до внесения сферы этнических и религиозных отношений в перечень компетенций местной власти органы местного самоуправления Перми периодически сотрудничали с этнокультурными и религиозными объединениями. Начиная с 2010 года работа стала более системной. В рамках работы в Пермской городской думе и Администрации Перми происходил обмен информацией, обсуждались текущие вопросы национальной политики, происходило согласование программ и планов по проведению совместных культурных, просветительных, образовательных и спортивных мероприятий, по реализации социально значимого проекта в рамках общегородского конкурса «Город – это мы».

Национально-культурные объединения и религиозные организации уже тогда получали муниципальные субсидии на реализацию социально-гуманитарной деятельности и проведения праздников, решались вопросы предоставления помещений и земельных участков. Ежегодно проходил городской фестиваль национальных культур «Многонациональная Пермь. В семье единой». В 2012 и 2013 годах совместно с религиозными и национально-культурными объединениями были проведены баскетбольные матчи «Спорт спасет жизнь». Вырученные средства от матчей были перечислены тяжелобольным детям и на другие социально значимые цели. Но отсутствие необходимых полномочий для деятельности в вышеназванной сфере серьезно ограничивало возможности муниципалитета по проведению последовательной и подкрепленной ресурсами государственной национальной политики.

© Уткин Ю. А., 2017

Отдельно следует отметить наше сотрудничество с Межконфессиональным консультативным комитетом Пермского края (МКК). Это негосударственная организация, в состав ее входят представители 7 традиционных для Пермского края религиозных организаций. МКК создан в 1998 году и по сей день функционирует для объединения усилий и координации деятельности религиозных организаций по укреплению духовно-нравственных основ общества, развитию благотворительности и милосердия, патриотизма и любви к Родине, обеспечения взаимодействия религиозных организаций с властными структурами и другими субъектами гражданского общества. В заседаниях МКК регулярно принимают участие представители органов государственной и муниципальной власти, содействуя решению задач, которые ставит перед собой межконфессиональный комитет. Глава города Перми и председатель Пермской городской думы ежегодно проводят встречи с представителями МКК, где обсуждаются не только общие вопросы духовного развития общества, но также решаются те конкретные вопросы религиозных организаций, которые входят в компетенцию муниципальной власти.

Как известно, 12 декабря 2012 года была утверждена «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Спустя полгода вышла федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)», а вслед за ней законодательство включило в компетенцию муниципалитетов вопросы межэтнической и межконфессиональной сферы. С этого момента стало возможным более предметно, системно и результативно осуществлять в этой сфере государственную национальную политику.

Двадцать восьмого марта 2014 года при Администрации и Городской думе был создан Совет по межнациональным и межконфессиональным отношениям. Одной из его задач было обозначено обеспечение реального участия общественности и гражданских экспертов в реализации государственной национальной политики. На паритетных условиях в состав этого органа вошли представители крупнейших национально-культурных и религиозных организаций Перми, органов власти, а также ученые-эксперты, работающие в сфере этноконфессиональных отношений, – всего более 60 членов совета. В состав президиума входило 15 человек. Председателем президиума, как и совета, является глава города Перми.

В рамках совета были созданы 3 рабочие группы: «Информационно-аналитическая группа», «Группа мониторинга реализации программы» и группа «Профилактика конфликтов». На заседаниях совета, президиума и рабочих групп рассматривались вопросы поддержки различных общественных инициатив, национально-культурного и духовного образования, профилактики межэтнической и межконфессиональной напряженности, социальной и культурной адаптации мигрантов и другие вопросы. Члены совета не только обсуждали мероприятия и знакомились с опытом коллег, но и являлись их организаторами, что повышало их ответственность. Таким образом, формируется культура взаимодействия общества и власти, реализуется общественный контроль. Была создана система адресной электронной рассылки. Более половины заседаний совета и его органов было проведено в выездном формате. За-

седания проводились на территориях Дворца молодежи города Перми, Пермской духовной семинарии, в муниципальных образовательных учреждениях, Пермском миграционном центре.

Одним из результатов работы совета в 2014 году стала разработка первой в городе Перми муниципальной программы «Укрепление межнационального и межконфессионального согласия в городе Перми» на 2015–2017 годы. Проект программы прошел через все стадии публичного обсуждения и был утвержден. Было решено создать информационную площадку и вовлечь в единое коммуникационное пространство все действующие крупные национально-культурные и религиозные организации Перми. Таким образом, в рамках муниципальной программы был создан сайт (<http://etnokonf.gorodperm.ru/>) о народах и конфессиях Перми, обеспечена адресная электронная рассылка сообщений о мероприятиях в этой сфере. Совет весьма плодотворно отработал до конца 2016 года. В связи с изменением структуры органов местного самоуправления и началом работы Пермской городской думы шестого созыва произошли некоторые перемены. На данный момент главой города Перми осуществляется формирование обновленного состава совета для дальнейшего эффективного разрешения задач государственной национальной политики в городе Перми.

Тем временем был создан цикл культурно-просветительских передач по телевидению под названием «В кругу друзей», раскрывающих особенности культуры народов, проживающих на территории города Перми. Ежегодно с 2015 года выпускается по 12 передач, по одной в месяц. Передачи прошли на телеканале «Россия 1», с повтором каждой передачи на телеканалах «Россия. Культура», «Россия 24». В эфире были показаны программы, посвященные русской, татарской, армянской, азербайджанской и другим культурам. Данный проект занял второе место на Всероссийском форуме национального единства. Следующий цикл мероприятий – издание научно-популярных, красочно иллюстрированных книг по истории и вкладу в культуру города и края ряда в нем проживающих этносов. В 2016 году изданы книги, посвященные коми-пермякам, евреям, корейцам, узбекам, башкирам и азербайджанцам. Готовятся издания, посвященные и другим народам, проживающим на Пермской земле.

Упомянем некоторые из недавно прошедших в Перми ярких и запоминающихся мероприятий. Таков, например, молодежный фестиваль национальных культур «Самобытная жизнь народов Прикамья», его организовал Молодежный совет при Пермской городской думе. Мероприятие собрало десятки коллективов национально-культурных организаций города и сотни зрителей. Другое важное мероприятие – «Международный день дружбы». Это праздник, утвержденный Организацией Объединенных Наций. Песни, музыка, национальная кухня и коллективные танцы стали его ярким итогом. Была также проведена вторая спартакиада национальных видов спорта «За дружбу народов». В марте 2016 года во Дворце молодежи Перми был организован общегородской праздник «Новруз» (день весеннего равноденствия), отмечаемый почти всеми тюркоязычными народами. Но в нем приняли участие представители всех национальностей и традиционных религий, представленных в Перми. Таким образом, этот календарный праздник стал площадкой-диалогом этнических культур нашего города.

Проведено мероприятие «День открытых дверей», где все граждане могли посетить храмы и молельные учреждения зарегистрированных религиозных объединений, ознакомиться с особенностями этих конфессий. В 2016 году в Перми состоялись ставшие традиционными мероприятия Пермской православной епархии: рождественские концерты и елки для детей, пасхальный фестиваль «Свет музыки – храм», выставка-форум «Православная Русь – 2016», Кирилло-Мефодиевские чтения, Дни славянской письменности и культуры. На площадке «Пермской ярмарки» состоялся очередной межрегиональный форум мусульманской культуры «Мусульманский мир», армянский «Зартонк», «Марийские встречи», еврейский Пурим, общегородская акция «Марш колясок», «День семьи». Несколько ранее в городе был проведен Сабантуй, фестиваль творчества татар и башкир «Пермь Талантлары».

Важным направлением национальной политики является социальная и культурная адаптация мигрантов. Этноконфессиональная ситуация в Перми имеет ряд особенностей вследствие значительной трудовой миграции. На миграционный учет в Пермском крае в 2015 году было поставлено почти 90 тыс. иностранных граждан. Около 65 тыс. – жители Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана, Азербайджана, Армении и Казахстана. Более половины из них остаются в Перми. В этом направлении организована работа общественных приемных по вопросам трудовой миграции, где мигранты в режиме «единого окна» могут получить как общую консультационную помощь, так и индивидуальные консультации по их личным жизненным ситуациям. Среди мероприятий по культурной адаптации мигрантов выделим содействие в изучении русского языка, проект по культурной адаптации мигрантов на базе муниципальных библиотек города Перми, а также цикл мероприятий для молодежи из семей мигрантов по изучению истории и традиций местного сообщества.

Еще одно важное направление государственной национальной политики у нас связано с профилактикой проявлений экстремизма и конфликтов в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений. В этом направлении мы эффективно взаимодействуем с экспертами и правоохранительными органами. Наиболее интенсивно профилактика экстремизма осуществляется в микрорайонах Перми со сложной конфессиональной или межэтнической ситуацией. В 2015 году в Перми прошел III Форум лучших муниципальных практик, в котором участвовали около 300 представителей из 50 российских городов. В рамках форума работала секция, посвященная укреплению межнационального и межконфессионального согласия. Опрос горожан свидетельствует, что 72,6 % положительно оценивают состояние межнациональных и межконфессиональных отношений в краевом центре, тем самым поддерживая усилия органов власти и широкой общественности по дальнейшей успешной реализации государственной национальной политики.

Завершая свое выступление, я пожелаю участникам конференции успешного обмена опытом по реализации государственной национальной политики в регионах и муниципалитетах нашего дорогого Отечества.

Дата поступления рукописи в редакцию 19.01.2017

УДК 279.12

В. Л. Треногин

НЕ СЧИТАЮ СЕБЯ ПРОТЕСТАНТОМ

Добрый день, дорогие участники конференции. Я являюсь старшим пастором церкви Евангельских христиан «Свет Истины». Могу сразу сказать, что не считаю себя протестантом. Может быть, кто-то из сидящих в зале воспринимает меня как представителя протестантской среды, но я себя таковым не считаю, хотя я разделяю основные идеи протестантизма. Я не отождествляю себя с протестантизмом, так как не вижу той связи и влияния, которые приписываются протестантизму в России различными светскими и религиозными историками. Напротив, я отождествляю себя с реальным русским Богоисканием, соединяющим меня с моими духовными наследственными корнями. Поэтому я называю себя Евангельским христианином. Я называю себя так еще и потому, что это единственное название, которое есть в Новом Завете. В послании церкви в Филиппах Св. Апостола Павла в 1-й главе 27-го стиха сказано, чтобы мы «подвизались за веру Евангельскую».

Поскольку религиозная идентичность, как и вера, не наследуется, а приобретается духовным трудом, то и мое Евангельское мировоззрение имеет свою историческую память. В отличие от протестантского мировоззрения, оно ориентируется в российском историческом пространстве между полюсами религиозного традиционализма и протестантского либерализма. В моем Евангельском мировоззрении я основываюсь на исторической памяти, которая соединяет современных христиан с их отдаленными предшественниками.

Хочу особенно отметить, что славяне, в отличие от многих других народов, изначально получили возможность читать Библию на понятном для них языке. В этом заключаются наша уникальность и, я бы сказал, особая благодать, пробудившая особую практику Богоискания среди славянских народов. Я полагаю также, что эта особая практика появилась, благодаря их исторически (по сравнению с западным миром христианства) более тесным связям с иудейским миром, так как в иудейской практике принцип познания Бога лежит через откровение Всевышнего, а не логические человеческие умозаключения. Благодаря этой практике такие понятия, как соборность и коллективизм, не были уничтожены протестантским индивидуализмом.

К сожалению, длительное время Евангельские христиане России имели достаточно смутное представление о своей предыстории. Связи с европейской Реформацией, казалось, были бы для них вполне очевидны, поскольку создавались церковными богословами, которым было проще объявить любое религиозное движение влиянием Запада. В дореволюционной России все религиозные инициативы

изображались церковными историками только как ереси и представлялись только в негативном свете. В советский же период у историков вообще не было возможности докопаться до истины. Лишь в конце XX века стали возможными изыскания, обнаруживающие доселе скрытые пласты альтернативной русской истории. Стали появляться из бездны забвения новые страницы российской религиозной жизни. Это время стало началом пробуждения у российских Евангельских христиан собственной исторической памяти, когда в условиях свободы от идеологических клише имперского византизма и светского марксизма Евангельский поиск русского народа стал обретать новые смысловые и ценностные очертания.

У Евангельских христиан появилась возможность увидеть свою укорененность в отечественной духовной истории и почувствовать, что даже несмотря на свою неправославность они находятся у себя дома не в качестве «чужих», но являются «своими», обладающими собственным, исконно русским духовным родословием. Можно с уверенностью сказать, что российское Евангельское движение с присущим ему Богоисканием нацелено на первородные истины Евангелия. Оно имеет глубочайшие национально-исторические корни, о которых многие сегодня либо не подозревают, либо не желают слышать. Эти корни уходят в глубины веков, в коренные пласты отечественной истории, русской национальной психологии и ментальности.

Евангелизм – основа первоначального апостольского Христианства, не искаженная никакими религиозными, политическими и национальными наслоениями. Стоять на позициях Евангелизма можно, будучи католиком, православным и протестантом. В каждом из этих трех религиозных направлений имеются его искренние последователи. Из православных представителей особо хочется отметить инока Нила Сорского, его сторонников и последователей, живших на рубеже XV–XVI веков. В начале XX века православный автор Б. Гречев писал: «Отличительной особенностью мирозерцания преподобного Нила Сорского является Евангельская духовность, проникающая собой весь Устав скитского жития. Учение Христа и Апостолов – краеугольный камень для всего нравственного мировоззрения преподобного Нила Сорского; он всегда и везде стоит на почве Евангельского учения, ни на шаг не уклоняясь от нее».

Я соотношу себя с теми русскими христианами, которые искали Бога, стремились читать Библию на своем, понятном, русском языке. Несмотря на все репрессии, они искали Бога и искали естественных, неформальных отношений со своим Создателем. Исторические формы русского Евангелизма всегда были связаны с Богоисканием различных социальных слоев общества, и они всегда были очень разнообразны. Самыми первыми заявили о себе протоевангельские движения стригольников и новгородско-московских реформаторов (жидовствующих) в XIV–XV веках. Это протоевангельское движение появилось на 200 лет раньше протестантского движения в Германии!

Затем ранние евангельские движения духоборов и молокан XVII–XVIII веков, и, наконец, третья историческая фаза – это зрелый Евангелизм XIX–XX веков, возникший в результате Богоискательских инициатив русского христианского сознания. Такие имена, как Семен Уклеин, Силуан Колесников, Иван Проханов, Иван Воронаев, Иван Каргель, навсегда останутся в исторической памяти Евангельских христиан как

наиболее ярких представителей Евангельского движения, хотя они и относятся к разным его ветвям.

Согласно историческим данным, в ранних евангельских движениях участвовали широкие массы русского населения, что говорит об активном и массовом духовном поиске русских людей и их острой социальной потребности в цивилизованных формах религиозно-гражданской жизни. Например, стригольничество фактически выдвинуло на передний план вопрос о свободе вероисповедания. На протяжении веков Евангелизм, не содержащий в себе ни малейших деструктивных компонентов, был постоянным внутренним оппонентом поначалу древнерусско-московского, а затем петербургско-имперского византизма. На стороне последнего была жесткая сила самодержавия, воспринимавшая Евангельское христианство как ересь и одну из форм религиозного инакомыслия, с которым надо беспощадно бороться.

Российское Евангельское движение имеет следующие вероучительные и богослужебные отличительные признаки:

1. Ориентация на поиск живого Бога, на первостепенное внимание к духовной практике личного Богопознания, стремление к обретению и расширению личного духовно-религиозного опыта, движимого любовью к Богу.

2. Неприятие ритуально-обрядового формализма, который господствовал в византийском христианстве, а затем проник в Россию.

3. Живой интерес к тексту Священного Писания как к источнику, наиболее авторитетному в решении вопросов христианской веры и христианской жизни.

4. Убежденность в необходимости такой организации церковной жизни, которая соответствовала бы принципам первой апостольской церкви.

Евангельские верующие никогда не противостояли Православной церкви физическими методами, не смотря на все перенесенные гонения. Евангельские христиане также не враждовали друг с другом. Их неправильно называть протестантами, потому что они никогда не враждовали и не убивали других христиан, в отличие от Европейских протестантов, которые за свою веру убивали как католиков, так и друг друга. Российские христиане духоборы никогда не сжигали на кострах христиан молочан, в отличие от христиан протестантов-кальвинистов, которые сжигали на кострах христиан протестантов-анабаптистов. Протестанты сжигали на кострах других протестантов! Такой практики невозможно себе представить среди Евангельских христиан России!

В среде Евангельских христиан России не было антисемитизма: Иешуа Мешиах является нашим Мессией, в которого мы верим. Равви Иешуа, имя которого звучит на греческом и русском как Иисус, является и нашим Мессией, в которого мы верим. У Евангельских христиан никогда не было антисемитизма, который был в среде протестантизма, византизма и папизма. Мартин Лютер давал письменные указания германским князьям о том, что им необходимо разрушить еврейские синагоги. Гитлеровский антисемитизм взял свое начало именно с немецких протестантских учителей.

Как русский человек, я являюсь наследником того великого духовного поиска, который был и есть в среде нашего народа, в среде тех людей, которые не удовлетво-

рялись официальными догмами, которые были навязаны им государством. Я сам коренной пермяк, родился в этом городе, мои предки родились на этой земле. Мы уроженцы Осинского уезда Пермской губернии: упоминание моей фамилии «Треногин» звучит в переписи с 1678 года. В 1774 году мои предки открывали ворота крепости Оса войскам Емельяна Пугачева. Никто не сможет назвать меня «нерусским человеком». Я пришел в церковь Евангельских христиан Пятидесятников в 1980 году не за «сникерсы» и не за жвачкой. Тогда еще и «сникерсов» в магазинах не было, а вместо жвачки гудрон жевали. Восьмидесятый год – мы все помним, какое это было время. Поэтому никто не может обвинить меня, что я в чем-то кому-то продался.

Даже при сильном желании это было просто невозможно сделать в закрытом для иностранцев городе Перми. Я пришел в Евангельскую церковь потому, что она дала мне то, чего не было в других общинах города. Это называется – общение, основанное на совместном искреннем желании понять великие христианские истины и самого Творца этого мира. По сегодняшний день я вижу, как Евангельские церкви, благодаря своему духовному потенциалу и способности своих прихожан к простому человеческому общению, состраданию и неистребимому стремлению к Богопознанию, были и остаются тем магнитом, который притягивает к себе людей разных сословий. Именно в Евангельских церквях есть то, чего не хватает людям, которые ищут Бога не в рамках религиозного традиционализма или либерального протестантизма.

Я вижу, как современные Евангельские общины продолжают служить людям нашей страны, принимая людей разных национальностей. Мы не привязаны именно к русским, хотя я являюсь русским. В нашей общине много татар, есть евреи, есть коми-пермяки и армяне. И все вместе они служат Богу и другим людям. Евангельская идея для нас является основной и центробежной. Для иллюстрации вышесказанного можно привести пример работы нашей общины в Пермском крае.

Начав свое служение с помощи людям, имеющим различные химические зависимости, мы показали обществу пример, как можно противостоять этой проблеме Евангельскими методами. Мы были первой общиной города, которая открыла Дом Милосердия, где мы помогали людям, имеющим различные химические зависимости. Мы не делали особой рекламы, но удивительно, как все наркоманы нашего города узнали про Евангельскую общину, которая помогает людям победить их зависимости от наркотиков и алкоголя. Удивительно, как люди месяцами ждали, чтобы получить возможность попасть в наш Дом Милосердия, так как в нем не было свободных мест, чтобы вместить всех желающих. Мы смогли найти и дать Евангельский ответ наркоманам, как победить свою зависимость. Этот ответ очень прост, мы считаем, что любую зависимость можно победить только другой, более сильной зависимостью. Поэтому мы говорили людям, обращающимся к нам за помощью: «Поменяй зависимость от наркотиков на зависимость от Бога». Мы не заставляем и не убеждаем людей, получивших от нас помощь, что отныне они обязаны оставаться в нашей общине. Мы помогали людям, не ожидая чьей-либо благодарности. Большинство из тех, кому мы помогли, не посещают никакую общину. Другие свободно идут в различные христианские общины города. Мы очень помогли православной общине нашего города.

Весьма интересно наблюдать, как на сегодняшний день почти весь актив православной молодежи Пермского края составляют бывшие выпускники наших реабилитационных центров. Мы не ревнуем по этому поводу, но это очень интересный факт, и я считаю, что это вполне нормально.

Теперь давайте посмотрим на общественные организации нашего города, которые работают с наркоманами или алкоголиками. В большинстве своем актив этих организаций также состоит из выпускников религиозных реабилитационных центров! Таким образом, Евангельские христиане безо всякого насилия и противостояния с кем-либо помогли нашему городу выстоять против страшной проблемы наркомании, обогатили православную общину трезвыми и верными людьми и помогли становлению многих светских общественных организаций, успешно работающих и признанных обществом!

Мы продолжаем служить обществу и стараемся дать Евангельские ответы на современные проблемы нашего общества. К сожалению, они в нашем обществе не заканчиваются. Одна из ужаснейших проблем, которая идет рядом с алкоголизмом и наркоманией – это разводы. В нашей стране 70 % разводов, вдумайтесь насколько страшная эта цифра! Евангельские христиане также нашли Евангельский ответ на эту проблему и успешно помогают людям сохранить свои семьи и выстроить супружеские отношения, основанные на вечных принципах. Я сам лично консультировал и помогал выбраться из сложных ситуаций десяткам семейных пар, которые были на грани развала. Теперь кто-то из этих людей ходит в общину, где я являюсь пастырем, а кто-то нет, но я абсолютно не печалюсь по этому поводу. Люди живут гармонично в этом мире, нормальной семейной жизнью, понимая принципы взаимодействия мужчины и женщины. У них рождаются дети, которые растут в полной семье, имея папу и маму, которые любят и заботятся о них.

Евангельская идея была, есть и будет очень близка к русской душе, это записано в наших генах, принято нами с момента принятия христианства. Это очень мощная и объединяющая идея для различных слоев нашего общества. Евангельская идея является таким мощным цементом, который, я верю, может помочь нашему обществу найти мир и гармонию внутри себя. Она может помочь найти общий язык с себе подобными, не унижая других, потому что кто-то другой имеет другой цвет кожи, говорит на другом языке или носит другую одежду. Я думаю, что именно Евангельское ДНК было также в основе советского интернационализма. Мы можем и должны жить в этом мире не как волки, но как люди, уважающие друг друга. Спасибо вам большое за внимание.

Дата поступления рукописи в редакцию 15.01.2017

СТАТЬИ

УДК 130.2

В. С. Глаголев

ГРАЖДАНСКОЕ ЕДИНЕНИЕ РОССИИ: ЗАДАЧИ И ПРОБЛЕМЫ

Потребность в гражданском единстве – настоятельное условие бесперебойного функционирования политико-государственной системы и любых форм современной общественно-государственной жизни. Оно включает доминирование в социуме сходных подходов и взглядов на большинство социально-политических, национально-государственных и социокультурных проблем, которые стоят перед общественным организмом и требуют систематического и последовательного разрешения. Поэтому состояние единства данного рода уже по самому своему определению не является статичным: это предполагаемая разность множественности идеалов, воли и действия, отмеченных своеобразием мотиваций и спецификой проявлений, создающих симфоническую целостность и последовательно приближающих общество к разрешению назревших и актуальных для него задач и направлений развития [Рубцов, 2012; Силантьева, 2011].

Нет методологически ничего более порочного, чем представлять гражданское единство в виде однообразных формул и монотонных повторений слоганов, клятвенно заверяющих о стабильности. Как, например, ритуальная формула «Народ и партия – едины!», сопровождавшая партийные мероприятия и другие общественные форумы и обнаружившая свое несоответствие реальным процессам и тенденциям, разорвавшим в конце концов политико-экономическое пространство и духовно-культурные идеалы Советского Союза на множество противостоящих друг другу «единств» сепаратистской направленности.

В основе действительного единства народа всегда существует некоторая мечта, являющаяся надеждой на обязательную реализацию – хотя бы в отдаленном будущем – некоего бесспорного и страстно ожидаемого идеала. Именно вера в необходимость последнего и страстное желание добиться его осуществления объединяет социальные, национальные, различные по уровню культуры большие группы людей вокруг конstellации харизматических лидеров, возглавляемых вождем, доверие к которому является безусловным. Разумеется, у такого лидера и его харизматичных

соратников есть оппоненты, предлагающие свои варианты движения на пути к реализации страстно чаемого идеала. С ними идут публичные и приватные споры, целью которых является, с одной стороны, убедить оппонентов лидирующей группы в общности стратегической линии деятельности и в возможностях интеграции ряда исходящих от них предложений и корректив в планы реализации и пошагового осуществления общей стратегии. С другой стороны, параллельно происходит осознание членами самой лидирующей группы тех или иных рациональных зерен в аргументации оппонентов и трансформация их существенных предложений и акцентов в общий план деятельности. Здесь, конечно, как в любой крупномасштабной политической акции, возможны недомолвки, недопонимание, а также «маленькие хитрости» представителей каждой из спорящих групп. Но пока они разделяют общие принципы и задачи, подобные споры и выяснения отношений являются нормальным делом в подходе к любой крупномасштабной задаче. Ведь к соучастию в ней требуется привлечь максимальное число соратников. А значит, избегать рисков противоборства и противостояний, ведущих к болезненным разрывам [Нижников, 2014]. Однако у доминирующего идеала народного единства всегда есть внешние противники и враги, коренная цель которых остается неизменной со времен традиционной политики древних римлян: «Разделяй и властвуй!». Соответственно, перед лицом опасностей расколов и конфронтаций требуется незаурядное хладнокровие, расчетливость, последовательность, твердая политическая воля и решительность, своевременное корректирование становящихся неудовлетворительными средств и тактик их использования. Поэтому народное единство является динамичным процессом и в отношениях с конфронтующими внутренними и внешними для государства силами, во взаимодействиях со множеством тех, кто пытается занять позиции бездеятельного нейтралитета или проявляет интерес к сторонникам народных идеалов в той или другой стране. «Диффузная идентичность» в этом случае становится реальной угрозой, размывающей национальное единство [Силантьева, 2012].

Симптоматичен в данном отношении, например, интерес, проявленный в определенных российских кругах к западным национал-традиционалистам и налаживание с ними в последнее время разнообразных контактов [Луценко, 2010; Силантьева, 2016а; Силантьева, 2016б; Глаголев, 2016] и форм сотрудничества (по крайней мере в их вербальных проявлениях). Определенную динамику руководство и широкая общественность нашей страны проявили и в плане ожиданий обновления политики США в связи с традиционной сменой президента этой страны. И, разумеется, каждое обновление партийного представительства в государственной власти и персональные изменения в составе их руководства содержат в себе возможности гибкого реагирования на эти инновации, даже если они поначалу и являются незначительными. Сохраняется мудрость народной поговорки: «Не плюй в колодец – пригодится воды напиться!». Правда, зависимость от «воды в чужом колодце» как условие собственной жизнедеятельности – большой риск. Сознание его проявляют в последнее время наши партнеры по сотрудничеству в газово-нефтяной энергетике, стремясь дублировать поставки из российских источников, а также из Азербайджана, Ирана и Цен-

тральной Азии использованием альтернативных нефтепроводов. Или по крайней мере демонстрацией своей готовности к их сооружению. При этом чувство нарастающей рискованной зависимости негативно сказывается и на доверии к компетентности собственного руководства, допустившего подобное положение дел. Их временный и вынужденный характер массовое сознание обычно не принимает во внимание, огульно обвиняя руководство в недалекости, односторонности, коррупционности, несистемности и остальных смертных грехах [Глаголев, 2011]. Такая ситуация типична для любого политика, принимающего ответственные решения. В результате подтачивается фундаментальное доверие к руководству как интегрированному обществу. Если лидер – например, российский президент В. В. Путин – пользуется, согласно социологическим мониторингам, высочайшей степенью доверия, то члены его команды (по данным из тех же источников) не могут похвастаться столь же высоким признанием. Между тем этот, казалось бы, второстепенный феномен на фоне сложностей, трудностей и проблем, стоящих перед страной, может стать одним из векторов на пути испытания на прочность доверия к команде руководителей и, как следствие, к ее главе. Предотвратить подобную тенденцию возможно, по-видимому, более обстоятельным освещением реальных достижений каждого из соучастников этой конstellации в доверенной ему сфере деятельности. Тогда создается впечатление успешно взаимодействующих между собой элементов управления, что вселяет надежду на конечные результаты в ходе реализации народных идеалов и чаяний [Рубцов, 2009].

Не будем скрывать: в России 2017 года главные приоритеты внутренней политики находятся в сфере социально-экономической жизни большинства населения многонациональной страны, где требование обеспечения культурного единства гражданского сознания не имеет альтернативы [Попков, 2013]. От того, как будут они реализовываться в ближайшие полтора года и в более длительный срок, зависит доверие к программам руководства страны и, как следствие, прочность консолидации населения вокруг ее руководства. Вместе с тем бесконечно разнообразие повседневной жизни российских граждан в разных регионах, в разных профессиональных, образовательных, культурных, религиозных и других легитимных сообществах (нелегитимные также в нашей стране составлены в большинстве из российских граждан). Попытки регулировать их социально-экономическую жизнь и поддерживать достаточный уровень культурно-духовного самочувствия из единого центра являются одним из проявлений древнего утопического сознания о царе-батюшке. Продолжение их воспроизводства стихийными силами социальной психологии и сознательными усилиями центральных и региональных СМИ не может привести ни к чему, кроме нравственно-психологической дистанции массы управляемых от кругов государственных служащих, выступающих олицетворением на местах тенденций и инструментов государственной политики.

Изменение такого положения возможно при стимулировании гражданских инициатив. Особенно – в тех областях, где наиболее болезненно дает о себе знать бедность, бюрократизм и формализм, социальное сиротство, неэффективность (не-

смотря на успокоительные рапорты) повседневных взаимоотношений населения со структурами здравоохранения и образования. Отметим, что в крупных городах к настоящему времени практика «единых окон» резко сократила множество ранее поистине бесчисленных процедур и операций. Люди стали покидать эти офисы с чувством облегчения и удовлетворенности. Далеко не всюду и не всегда достижение такого состояния возможно в отношениях, например: пациентов и больных; учителей и учащихся; исполнителей и начальствующих лиц на предприятиях и в учреждениях. Но разворот к гражданам, начатый с «Единого окна», необходимо продолжить, мобилизуя силы государства и возможности общественности. Например, до сих пор Русская православная церковь, да и ряд других конфессий, имеют значительный приток средств от благотворителей, располагающих различными финансовыми, «вещными», организационными и культурными возможностями [Глаголев, 2010]. Использовать их для поддержания остро нуждающихся, поощрять усыновление сирот, патронаж больных (в том числе и неизлечимых), организовывать пункты доверия (по аналогии со знаменитыми «телефонами доверия») – все это пути точечного снижения социальной напряженности. Но из точек, как известно, образуются линии, из линий – плоскости, а из плоскостей – объемы, способные создать взаимное дополнение политики и морали [Tenelle, 2013].

Развитие местных общественно-государственных инициатив в выделенных направлениях позволит, на наш взгляд, значительно улучшить микроклимат соседского, домового, квартального общения [Глаголев, 2015б]. Примером может служить норма взаимопомощи в «махале» – городских кварталах Средней Азии и других регионов. Там совместно строят дома погорельцам и молодоженам; там нет социальных сирот, а оставшиеся без родителей дети немедленно принимаются родственниками и соседями, даже если их собственные семьи очень велики. Ребенок воспринимается при этом «благословением Бога», и защита детской жизни является естественным нравственным порывом [Мишучков, 2015].

Повседневная работа в этих направлениях незаметна. Она требует много сил и внимания. Но ее результаты, облегчая самочувствие человека, исподволь меняют климат взаимоотношений во всех сферах повседневных контактов сограждан и, надеемся, расширяют зоны доверия их друг к другу. А это – один из путей национального единения [Рубцов, 2010].

Более сложным и не менее важным является развитие доверия сограждан к справедливости правовой системы [Глаголев, 2015а]. Вот, скажем, конфискация имущества по приговору суда у преступника, незаконно нажившего хоромы, яхты, располагающего шкафами, ломящимися от национальной и иностранной валюты и т.д. Конфискация, конечно, вызывает чувство удовлетворения у тех, кто еще не утратил веру в конечное торжество справедливости на Земле. Но эта справедливость безадресна. Если же конкретные суммы конфискованных ценностей обращать в адресное финансирование больниц и детских домов, школ и приютов для бездомных, в дополнительные выплаты людям с минимальным уровнем доходов, этот путь получит ре-

зонанс и послужит одним из векторов гражданской консолидации. Нельзя забывать о библиотеках, летних лагерях для детей и подростков, спортивных учреждениях и т.д.

Конечно, в цифровом отношении это сократит показатели поступлений в государственный бюджет. Но зато вырастут государственные показатели реальных расходов в социально-экономической сфере, связанной с повседневными нуждами и заботами людей.

Еще одна существенная проблема – резкий раскол в нашем обществе, поощряемый трендами, сложившимися в СМИ (и особенно на телевидении) в последнее время [Samoilenko, 2016]. За исключением канала «Культура», во множестве телевизионных передач доминируют сцены убийств, покушений на насилие, вымогательства, нанесение ущерба здоровью, обмана; обсуждение радикализма, корыстных мотивов в сексуально-матримониальных отношениях и другие, негативно оцениваемые процессы. На некоторых каналах они буквально заполнили экран, поделившись временем с новостями и навязчивой рекламой. Неужели в нашей повседневной жизни нет других проблем и забот? Конечно, есть. И часть из них имеет основательную проработанность в кинофильмах и телестановках советского времени, отличавшихся пристальным вниманием к разнообразным проявлениям гражданско-нравственных позиций [Рубцов, 1994]. В первую очередь, это относится к высокому качеству экранизаций отечественной и мировой классической литературы, а также произведений выдающихся советских писателей. Без возвращения этой классики на современный телевизионный экран невозможно обеспечение сознания исторической преемственности культуры прошлого и перспективных направлений российской культуры в настоящем.

Разумеется, достойное место в этих экранизациях занимают честные фильмы о войне. Например, такие, на наш взгляд, как фильм Виктора Трегубовича по одноименной повести Виктора Курочкина «На войне как на войне» (1968). Вместе с тем чрезмерно пафосные, с одной стороны, и натуралистические – с другой, сцены способствуют поляризации отношения к телевизионным трансляциям и тем самым негативно сказываются на оптике восприятия единых гражданских ценностей. Думается, данное соображение представляет интерес для энтузиастов местного телевидения, комплектования региональных телевизионных программ. Хотелось бы, понятно, быть услышанными и «генералами» центрального телевидения, установки которых с неизбежностью задают тон телевизионной политике на всех уровнях телевидения. Несомненно, важнейшее место телевидения в просвещении не может заменить собой образование, для которого патриотизм, основанный на идее гражданского единства российской нации, – одно из ключевых направлений воспитательной работы [Никольский, 2014].

Наш дом – природа. Природа России. Усилия по совместной репарации того вреда, который наносит ему современная производственная деятельность и неразумные социальные проекты, ошибки в обращении с нефтепродуктами, тяжелыми металлами, пластмассой и другими отходами ряда производств, – один из стержней консолидации народного единства. Здесь, в первую очередь, требуется то, что может

быть названо «культурой опрятности» в личной, общественной и производственной деятельности. Если первые две сферы не требуют, как правило, больших усилий (кроме планомерной рациональной утилизации отходов), то экология промышленности требует значительных капиталовложений. Так, в Южной Корее до 10 % сметных затрат на строительство и эксплуатацию металлургического производства предусмотрены на систему экологической безопасности. В результате во дворе завода растут сосны, что является наглядной и убедительной демонстрацией достигнутого экологического благополучия. В некоторых сферах (в той же металлургической, химической и ядерной промышленности) меры экологической безопасности требуют огромных и централизованных средств и усилий, иначе весьма вероятно – не дай Бог – повторение трагедий Чернобыля и Фукусимы.

Во всех странах промышленно развитого мира массовый характер приобретает практика «ресайкла», повторного использования утилизированного металла, стекла и даже некоторых химических компонентов. В Западной Европе отдельный сбор предусмотрен для светлой и темной стеклянной посуды, пластмассового мусора, использованной бумаги и металла. Помимо удобства сортировки, это способствует и формированию «культуры опрятности» поведения населения. В Берлине и Вене на всех газонах и в общественных парках выставлены объявления, согласно которым владелец собаки, который не убрал ее экскременты, платит штраф порядка полусотни евро. И каждый прохожий считает нормой заметить непорядок, если он имеет место. Для самого же владельца ежедневные прогулки в цивилизованном пространстве предусматривают наличие портативной лопатки и целлофановых пакетов.

Казалось бы, мелочи. Но они акцентируют внимание на нормах поведения и воспитывают необходимость их соблюдения. В этом проявляется одна из особенностей уважительного отношения к согражданам, которые создают исходные предпосылки содержательного обсуждения и удовлетворительных разрешений и более сложных вопросов. Для России, с ее гигантскими просторами, проблема замусоренности рискует обратиться в национальную катастрофу, что уже привлекает внимание зарубежной общественности. Появление на пляжах Дальнего Востока японских и других национальных волонтеров, убирающих мусор, демонстрирует ту разницу культурных планок, своей позиции в которой нашим соотечественникам в данном случае следует стыдиться, а не гордиться ею. И, конечно, сохранение текущего порядка вещей не может вызывать ничего, кроме равнодушия и того особого состояния, которое называется «опустились руки». Преодоление массового равнодушия и отчаяния – одна из элементарных, но совершенно необходимых задач «точечной» социальной политики на местах. Разумеется, при условии надлежащей системы утилизации отходов, становящихся выгодной сферой промышленных масштабов в окрестностях крупных городов, и надежной консервации их (может быть, до лучших времен) в маленьких городах и поселках. Опрятность повседневности – необходимое звено поддержания санитарной культуры тех многочисленных деревень, сел и поселков, в которых отсутствует центральная канализация. Налаживание элементарных удобств там, где еще живут трудоспособные люди молодого и среднего возраста

та, – пороговый старт развития и укрепления уважения к себе. А значит, и достоинства других людей.

Гражданское единение, включая в качестве обязательного условия взаимное уважение на бытовом уровне, должно также обязательно учитывать своеобразие обычаев, традиций и ценностей образа жизни различных этносов и народов нашей многонациональной страны [Иванова, 2016]. Каждый народ является драгоценной и незаменимой нитью в ткани гражданского единства, создаваемой усилиями всех, кому дорого благополучие, процветание и достойная жизнь граждан нашей Родины. Каждый из них неповторим в своей культуре, духовных сокровищах национальных языков, устремленности к взаимопониманию с другими и готовности сохранять основы своей собственной культуры. Переплетение национальных культур России создает ту плотную сеть взаимных «сдержек» и взаимодополнений, в результате которых они способны все вместе (а не каждая по отдельности) преодолевать сегодняшние трудности и своим трудом создавать предпосылки будущих успехов.

Литература

Глаголев, В. С. Метатеории в управлении: прагматические последствия философских раздумий / В. С. Глаголев // *Право и управление. XXI век.* – 2001. – № 1. – С. 33–41.

Глаголев, В. С. Перспективы национализма в глобализирующемся мире / В. С. Глаголев // *Современные глобализационные вызовы и национальные интересы.* – 2016. – С. 383–384.

Глаголев, В. С. Правовая культура в системе национальных ценностей / В. С. Глаголев // *Право и управление. XXI век.* – 2015а. – № 4. – С. 33–38.

Глаголев, В. С. Россия в современном мире: особенности социальной динамики / В. С. Глаголев // *Межкультурная коммуникация в условиях глобализации: проблема культурных границ в современном мире: материалы VIII Конвента РАМИ.* – 2015б. – С. 34–42.

Глаголев, В. С. Религиозно-культурное пространство европейской России: факторы динамики традиций и традиции динамики / В. С. Глаголев, М. В. Силантьева // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение.* – 2010. – № 2. – С. 131–140.

Луценко, А. В. К вопросу о философской критике современного неоязычества / А. В. Луценко // *Сборник III Всероссийской научно-практической конференции «Молодежь и наука: реальность и будущее», 3 марта 2010 г.* – Невинномысск, 2010. – С. 420–422.

Мишучков, А. А. Традиционные ценности в глобализирующемся мире / А. А. Мишучков // *Вестник ОГУ.* – 2015. – №3 (178). – С. 65–71.

Нижников, С. А. Проблемы современной демократии и гражданское общество / С. А. Нижников // *Альманах «Пространство и Время» [Электронное научное издание].* – 2014. – № 1. – С. 10. – URL : <http://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sovremennoy-demokratii-i-grazhdanskoe-obschestvo> (дата обращения 03.03.2017).

Никольский, С. А. Просвещение – гражданственность – патриотизм / С. А. Никольский // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. – 2014. – № 3. – С. 178–190.

Попков, Ю. В. Рефлексивная концепция интернационализации как методологическая основа национальной политики / Ю. В. Попков // ЗПУ. – 2013. – № 2. – С. 35–41.

Рубцов, А. В. Российская идентичность и вызовы модернизации / А.В. Рубцов // Отечественные записки. – 2012. – № 2 (47). – С. 296–320.

Рубцов, А. В. Приведение к современности: что такое модернизация в России? // Независимая газета. – 2010. – URL: http://www.ng.ru/ideas/2010-04-14/5_modernize.html (дата обращения 15.02.2017).

Рубцов, А. В. Политики на телевидении как научная проблема / А.В. Рубцов // Полис. Политические исследования. – 1994. – № 6. – С. 157.

Рубцов, А. В. Россия в начале XXI века: от идеологии к мегапроекту / А. В. Рубцов // Полигнозис. – 2009. – № 2. – С. 33.

Силантьева, М. В. Диффузная идентичность – современная версия гражданской идентичности / М. В. Силантьева // Вестник МГИМО Университета. – 2012. – № 2. – С. 173–179.

Силантьева, М. В. Компаративный анализ ревитализации национально-культурного мифа в религиозном измерении: Россия vs Западная Европа / М. В. Силантьева // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2016а. – Т. 16. – С. 48–64.

Силантьева, М. В. Национально-культурный миф в условиях современного трансцензуса: философский анализ / М. В. Силантьева // Гуманитарный вектор. – 2016 б. – Т. 11. – № 2. – С. 72–80.

Силантьева, М. В. Современная гражданская идентичность в пространстве российской культуры / М. В. Силантьева // Право и управление. XXI век. – 2011. – № 4. – С. 19–23.

Ivanova, S. Meaning of Russian ethnic identity in modern civil project / S. Ivanova // Научный альманах стран Причерноморья. – 2016. – №3 (7). – С. 31–34.

Samoilenko S. A. Media, Political Advertising and Election Campaigning in Russia / S. A. Samoilenko, E. Erzikova. – 2016. – URL: <http://s3.amazonaws.com/academia.edu.document> (дата обращения 03.03.2017).

Tenelle, J. P. Moral and political identity and civic involvement in adolescents / J. P. Tenelle // Journal of Moral Education. – 2013. – URL: <http://dx.doi.org/10.1080/03057240.2012.761133> (дата обращения 03.03.2017).

Дата поступления рукописи в редакцию 02.03.2017

М. Г. Писманик

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

При обсуждении вопросов национальной политики и непременно при этом обращении к категории «народ», нередко имеет место невольное или же спекулятивное смешение родственных этой категории терминов «нация» и «этнос». Их четкое разграничение весьма затруднено. Так, соотношение этнического и национального составляет одну из сложнейших проблем культурологии [Костина, Гудима, 2016]. Тонкие отличия в содержании этих терминов отчетливо явственны разве лишь ученому-этнологу. Профессиональная экспликация термина «нация» фиксирует в нем тот доминирующий гражданско-политический потенциал, который особенно значим для консолидации народа и государства. По определению В. А. Тишкова, «нация (лат. *nation* – народ) – широко распространенное в науке и политике понятие, которое обозначает совокупность граждан одного государства как политического сообщества... Члены нации отличаются общегражданским самосознанием (напр., американцы, британцы, испанцы, китайцы, мексиканцы, россияне), чувством общей исторической судьбы и единого культурного наследия, а во многих случаях – общностью языка и даже религии» [Тишков, 2001а, с. 41].

Термин же «этнос» В. А. Тишков эксплицирует следующим образом: «Под понятием "народ" или "этнос" в смысле этнической общности понимается группа людей, члены которой имеют одно или несколько общих названий и общие элементы культуры, обладают мифом (версией) об общем происхождении и тем самым обладают как бы общей исторической памятью, могут ассоциировать себя с определенной географической территорией, а также демонстрировать чувство групповой солидарности» [Тишков, 2001б, с. 483].

Конструктивной парадигмой национальной политики, осуществляемой в стране уже с самых истоков постсоветского общества, выступает идея о единой «российской нации». «"Российская нация" – это термин не гражданско-политический, а этнический», – замечает автор идеи проф. В. А. Михайлов. Он предложил разработать законопроект «О российской нации и управлении межэтническими отношениями», в котором бы «фигурировало понятие "этнос", не позволяющее оторвать российскую нацию как гражданскую от нации этнической. Таким образом, мы замыкаем единство гражданско-политической и этнической наций» [О российской нации..., 03.04.2017].

Идея о единой «российской нации» выявляет глубинный социальный смысл введенного в преамбулу Конституции РФ термина «многонациональный народ Российской Федерации». Термин, к сожалению, не эксплицирован в тексте самой Конституции. Его научное осмысление побуждает к использованию адекватного и более строгого понятия «российская нация», в котором заметно явственней отражено патриотическое единство наших многочисленных этносов. В понятии запечатлено и вытекающее из Конституции чрезвычайно важное положение о том, что равноправными субъектами нашего Отечества являются все в ней проживающие этносы. При осуществлении государственной национальной политики и формировании российской нации каждый из этносов вполне сохраняет свою исконную этническую идентичность. Эту идентичность, разумеется, сохраняют и члены этносов. Их гражданское единство фиксирует ныне становящийся все более популярным уже давно сложившийся в нашем языке термин «россияне». «Ни в коем случае, – более десятилетия тому назад, 5 июля 2005 года в интервью «Российской газете» призывал академик В. А. Тишков, – не надо из чувшей, русских, евреев, татар и других "делать новых людей", формировать единую российскую нацию. Причем под словом "единая" часто понимается "единственная". Это глубокое заблуждение. Чувши, русские, евреи, татары, якуты – уже давно многонародная российская нация. Для них принадлежность к стране намного важнее, чем принадлежность к этнической группе. Кроме тех, кто болен этническим национализмом и отвергает российскость».

Здесь уместно напомнить высказывание выдающегося исследователя русской культуры академика Д. С. Лихачева: «Несмотря на все уроки XX века, мы не научились по-настоящему различать патриотизм и национализм. Зло маскируется под добро. Патриотизм – это благороднейшее из чувств. Это даже не чувство – это важнейшая сторона и личной, и общественной культуры духа, когда человек и весь народ как бы поднимаются над самими собой, ставят себе сверхличные цели. Национализм же – это самое тяжелое из несчастий человеческого рода. Как и всякое зло, оно скрывается, живет во тьме и только делает вид, что порождено любовью к своей стране. А порождено оно на самом деле злобой, ненавистью к другим народам и к той части своего собственного народа, которая не разделяет националистических взглядов. Национализм порождает неуверенность в самом себе, слабость, и сам, в свою очередь, порожден этим же» [Лихачев, 2014, с. 6].

Именно националисты выступают против государственной национальной политики. В упомянутом интервью академик В. А. Тишков заметил: «Что касается России, то у нас сегодня главными противниками идеи российской нации являются русские националисты. Они считают, что нет такого понятия – россияне, что это чуть ли не марсиане... Подобный подход создает для России большие проблемы. Если русские, кстати, впервые после распада СССР составившие 80 процентов населения, будут "тянуть на себя одеяло", то так можно разрушить страну. В нашей стране русские не только составляют большинство, но их язык и культура безоговорочно доминируют, постоянно подвергая добровольной ассимиляции представителей малых культур в составе российского народа. Россию создал не русский

этнос, а российский многоэтничный демос с доминирующей русской культурой и русским языком. На этом Россия стояла и будет стоять».

Смешение и спекулятивная подмена терминов «этнос» и «нация» стали обычными в тех шумных дискуссиях, которые провоцируют противники государственной национальной политики. Как правило, это именно приверженцы национализма, возносящие свой этнос над иными. В основу экзальтированной полемики националисты, как правило, закладывают категоричную тезу: интерес своего этноса (группы) важнее государственного (общенародного) интереса. Для негативного склонения обывателей ораторы используют «ужастик»: «Всякого из вас государственная политика заставит стать русским и православным». Обычно эти ораторы выступают от имени «всего народа». На деле же – подрывают необходимую для единения россиян их общую гражданскую самоидентификацию. «С точки зрения государства, – констатирует В. Ю. Зорин, – гражданская идентичность должна быть базовой у граждан России, что не означает отмены других самоидентификаций (этнической, родовой, религиозной, социальной, профессиональной, корпоративной и пр.). В этом заключается мощный потенциал общегражданской солидарности. Цель любой национальной политики – это удовлетворение конституционных прав наших граждан, этнических и профессиональных, а также обеспечение общественно-политической стабильности» [Зорин, 2011, с. 12–13].

Свою же этническую самоидентификацию в многоэтничной стране националисты возносят над другими народностями, тем самым политизируя отношения между ними. Собственную приверженность национализму некоторые из них демонстрируют открыто. Другие же вуалируют сей групповой интерес, спекулятивно подают его как патриотический и общенациональный. Рядовой обыватель, как правило, не улавливает лукавой подмены, благосклонно внимая тем и другим ораторам. Обыденное сознание психологически наивно. Некритичное и чувственное, оно принимает собственное, этническое и групповое как единственно **Свое** (близкое, родное, важное). В этом настрое, все находящееся вне собственного этноса и группы, оно воспринимает как **Чужое** (дальнее, не свое, неважное).

Но на самом деле, вопреки субъективному настрою обыденного сознания, в реальной жизни государства над этническими (групповыми) интересами объективно господствуют более важные, государственные (общенациональные) интересы. Реализуемая с начала становления постсоветского общества государственная национальная политика ни в коем случае не игнорирует, не умаляет насущные групповые проблемы и интересы российских этносов. Что особенно важно: эти, более частные, но насущные интересы и проблемы могут быть позитивно разрешены именно в контексте этой политики. Однако ее дальнейшая успешная реализация осуществима лишь при заинтересованном, непосредственном содействии и активной помощи со стороны всех этносов Отечества и широкой общественности. Потому так важно тактично, умело и деятельно способствовать массовому сознанию в позитивном восприятии, понимании и поддержке как самой ныне осуществляемой государственной национальной политики, так и тех, с нею связанных новых приоритетов и принципов,

которые, сменяя вчерашние, довлеют сегодня в противоречивых реалиях нашего постсоветского общества.

«Принципы советской национальной политики, – напоминает В. Ю. Зорин, – базировались на идеологии развития и сближения социалистических наций, интернационализма и дружбы народов, а не на государственностроительстве на основе гражданской общности. У этой во многом пропагандистской и умозрительной идеологии были свои серьезные риски по части стимулирования не только "национальных форм", но и потенциального изоляционизма, сепаратизма и антироссийскости» [Зорин, 2011, с. 4].

Постсоветское общество давно внесло кардинальные коррективы в эту, для некоторых и поныне еще влиятельную идеологию. Но уже в принятой в 1996 году (при президенте Б. Н. Ельцине) первой **«Концепции государственной национальной политики Российской Федерации»** мы читаем: «Концепция учитывает необходимость обеспечения единства и целостности России в новых исторических условиях развития российской государственности, согласования общегосударственных интересов и интересов всех населяющих ее народов, налаживания их всестороннего сотрудничества, развития национальных языков и культур». Как видим, на первый план концепция вынесла задачу обеспечения единства и целостности российского государства. И признаем: несмотря на имевшие место в начальный постсоветский период вспышки сепаратизма и даже вооруженных конфликтов, Российской Федерации удалось сохранить государственную целостность и поддержать единение многонационального общества.

Ряд основных, особенно конструктивных и демократических тезисов первой концепции позднее были более глубоко осмыслены. Они и легли в основу действующей с 19.12. 2012 года «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (далее – Стратегии). Исходные идеи этого важного документа, а также в нем означенная система современных приоритетов, целей, принципов, основных направлений и задач государственной национальной политики легли в основу всех последующих решений и конкретной деятельности в этой сфере. В общей, начальной части этого документа сказано: «Стратегия разработана в целях обеспечения интересов государства, общества, человека и гражданина, укрепления государственного единства и целостности России, сохранения этнокультурной самобытности ее народов, сочетания общегосударственных интересов и интересов народов России, обеспечения конституционных прав и свобод граждан. Стратегия основывается на принципах построения демократического федеративного государства, служит основой для координации деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов и органов местного самоуправления (далее также – государственные и муниципальные органы), их взаимодействия с институтами гражданского общества при реализации государственной национальной политики Российской Федерации. Стратегия направлена на активизацию всестороннего сотрудничества народов Российской Федерации, развития их национальных языков и культур».

В 2013 году в развитие и для конкретной реализации Стратегии была принята первоначально рассчитанная на семь лет **«Федеральная целевая программа укрепления единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 годы)»** (далее – ФЦП). Целями и задачами ФЦП были означены: «Укрепление единства многонационального народа Российской Федерации (русской нации); содействие укреплению гражданского единства и гармонизации межнациональных отношений; содействие этнокультурному многообразию народов России». Документ особо тщательно готовился ведущими отечественными учеными-гуманитариями. В ФЦП впервые был представлен программно-целевой метод единения российской нации. Основательно и глубоко концептуально насыщенная программа в то же время была достаточно практически обоснована, поскольку опиралась на конкретные предложения субъектов РФ, федеральных органов исполнительной власти, национально-культурных организаций, национальных объединений и экспертного сообщества.

Здесь, в частности, были обозначены и основные негативные факторы, препятствующие безопасности и единению россиян, определены необходимые для их преодоления мероприятия и ресурсы. В ФЦП содержались важные индикаторы и показатели единения, а также ряд исходных идей и ориентиров для обеспечения системной и планомерной деятельности по консолидации сограждан Российской Федерации. Документ весьма способствовал мотивации и повороту массового сознания к вопросам реализации национальной политики. Главное же – ФЦП наделила широкую общественность, активистов и чиновников, ответственных за осуществление Стратегии, – удачно «сбалансированным», явственным (отчасти, даже детализированным) пониманием путей, подходов и инструментов дальнейшей деятельности по укреплению единства российской нации. ФЦП успешно действовала три года. Но постановлением правительства от 29 декабря 2016 года ФЦП утратила силу официального документа. На наш взгляд, основные концептуальные и содержательные положения ФЦП все же остаются вполне действенными ориентирами для дальнейшей практической реализации государственной национальной политики. Ряд этих ориентиров вобрала в себя новая, теперь более обстоятельно организационно оснащенная и рассчитанная на 9 лет государственная программа **«Реализация государственной национальной политики»**, утвержденная вышеназванным постановлением правительства.

Обновленная государственная программа была разработана действующим с 31.03. 2015 года **Федеральным агентством по делам национальностей** (далее – ФАДН). На ФАДН возложены функции по дальнейшей реализации государственной национальной политики; по осуществлению мер, направленных на укрепление единства российской нации; обеспечению межнационального согласия, этнокультурного развития народов Российской Федерации; защиты прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов Российской Федерации. Новая государственная программа несколько уточнила и пополнила цели национальной политики: гармонизация национальных и межнациональных отношений; обеспечение равенства прав и свобод человека и гражданина, независимо от расы, национальности, языка,

отношения к религии и других обстоятельств; успешная социальная и культурная адаптация и интеграция мигрантов; сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России; укрепление общероссийского гражданского самосознания и духовной общности российской нации.

Таким образом, чрезвычайно назревший замысел национального единства Отечества, наконец, обрел завершенное концептуальное и организационное оснащение. Но сама обновленная и целенаправленная деятельность по реализации замысла, реально началась и продолжается уже с момента утверждения Стратегии. Начальные итоги четырехлетней деятельности по ее реализации получили положительную оценку президента В. В. Путина на состоявшемся 31.10.2016 года в Астрахани заседании президентского Совета по межнациональным отношениям. Эта позитивная оценка была высказана в связи с осуществленным за это четырехлетие и четко зафиксированным в социологических исследованиях энергичным поворотом массового сознания россиян к замыслу национального единения. На означенный момент уже около 80 % сограждан воспринимают сложившиеся взаимоотношения между разными национальностями в стране как доброжелательные или же нормальные. Таким образом, массовое сознание положительно реагирует на усиливающуюся деятельность по осуществлению Стратегии.

К этой деятельности активно подключаются регионы и муниципальные образования. К ней приобщаются широкие слои российской общественности. В федеральных округах формируются площадки по обобщению и регулярному обмену межрегиональным опытом реализации Стратегии. Одной из таких межрегиональных площадок стал город Пермь, в котором начиная с 2014 года ежегодно проходят форумы и научно-практические конференции по обмену опытом реализации Стратегии и разрабатываются рекомендации в адрес органов власти и общественности по дальнейшей реализации государственной национальной политики.

Вместе с тем учтем, что на упомянутом заседании в Астрахани президент В. В. Путин признал крайне низким и не эффективным взаимодействие и координацию органов власти, реализующих государственную национальную политику. Президент также констатировал, что в этих вопросах не налажено постоянное сотрудничество с научными и экспертными организациями. И действительно, ряд регулярно возникающих, особо сложных проблем реализации Стратегии в сфере противоречивых этнических и религиозных отношений нуждаются в глубоком осмыслении ученых и экспертов. При этом

В. В. Путин обратил особое внимание на развитие законодательства в области государственной национальной политики. На этом заседании профессор В. А. Михайлов внес идею подготовки научно оснащенного **проекта закона о российской нации и управлении межэтническими отношениями**. В данной статье уже говорилось о понятии «российская нация». Оно уже адекватно закреплено во многих официальных документах, а в социальных реалиях постсоветского общества российская нация продолжает укрепляться и консолидироваться. Но воинствующие националисты проект закона восприняли в штыки. Отвергая идею консо-

лидации общества и понятие «российская нация», они выставляют их как дикий замысел зачать новый этнос...

Но против принятия закона о российской нации, помимо воинствующих националистов, также выступили казачество, представители православной церкви, а также некоторые этнические сообщества. Судя по сообщениям в Интернете, дискуссии в регионах и в научном сообществе по поводу разработки закона не утихают по сие время. В спорах об единстве экзальтированные националисты еще энергичнее размахивают «ужасником»: «Нас всех сделают русскими и православными». И одновременно устрашают этнически русских: «Вас лишают русскости». Воинствующие представители казачества требуют ввести в закон пункт о «государствообразующей роли» русского народа, означить особый статус этнически русских и принять федеральную программу по их поддержке. Глава синодального Отдела по взаимоотношениям Русской православной церкви с обществом и СМИ В.Р. Легойда высказал опасение в том, что принятие закона принесет ущерб «Русскому миру». Под ним В. Р. Легойда, по-видимому, имеет в виду православный мир в России и за ее пределами.

Судя по наблюдениям и исследованиям в Пермском крае (где этнически русские составляют громадное большинство, и лишь очень немногие из них склонны к воинствующему национализму), идею российской нации поддерживает подавляющая часть общественности, в том числе мусульмане, другие нерусские этносы, а также все автономные национально-культурные сообщества. На наш взгляд, такова ситуация и в других русскоязычных регионах страны. Но в национальных регионах ситуация подчас отлична, что сказывается и на отношении к законопроекту о российской нации.

Так, глава Дагестана Рамазан Абдулатипов заявил, что такой закон «в природе существовать не может», поскольку формирование нации – это "объективный исторический процесс", а закон "лишь может регулировать те или иные отношения между людьми и социумами". Р. Абдулатипов напомнил, что 10 лет назад он внес в Госдуму законопроект "О правовых основах развития межнациональных отношений в РФ". Однако законодатели, по его словам, "все еще не могут прийти к консенсусу и принять такой закон, в котором будет предусмотрен и раздел о российской нации". Депутат Госсовета Чувашии Виктор Ильин воспринял подготовку закона как попытку нарушения ст.3 Конституции РФ, в которой "четко сказано, что носителем суверенитета и единственным источником власти в РФ является ее многонациональный народ". В. Ильин также высказал, что абстрактное обобщение в этой очень тонкой сфере может привести к потере национальностями своей уникальности и самобытности.

Учитывая опасения представителей различных этнических групп, разработчики законопроекта приняли решение переименовать его в закон «Об основах государственной национальной политики». «Так спокойнее», – поясняет руководитель рабочей группы академик В. А. Тишков. «Оказалось, что общество не очень подготовлено к восприятию такого понятия, как единая нация, объединяющая все национальности. Учитывая, что и президент предложил переложить стратегию госнацполитики на язык закона, мы решили изменить его название». Согласно обновленной концепции

законопроекта, в нем будут прописаны: понятийный аппарат; механизм разграничения полномочий между федеральной, региональными и местными органами власти. Кроме того, будут также прописаны мониторинг этноконфессиональных отношений в субъектах РФ, политика государства в отношении малых и коренных народов, а также принципы этнологической экспертизы законопроектов. «Российской нации, – отметил В. А. Тишков, – будет, скорее всего, посвящен специальный раздел».

Работа над законопроектом, по нашему глубокому убеждению, ни в коем случае не должна затормозить дальнейшей активной реализации Стратегии в регионах и муниципалитетах Отечества. Отчетливы исходные идеи этого действующего важного документа и в нем означенные система современных приоритетов, принципов, основных направлений и задач государственной национальной политики. Дальнейшую деятельность по осуществлению Стратегии и гражданско-патриотической консолидации Отечества четко направляет обстоятельно организационно оснащенная и рассчитанная на многие годы, уже вступившая в силу государственная программа **«Реализация государственной национальной политики»**.

Литература

В спорах об единстве [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.interfax-russia.ru/print.asp?id=813338&type=view> (дата обращения 07.03.2017).

Зорин, В. Ю. Государственная национальная политика в России и современность / В. Ю. Зорин // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – М. : ИЭА РАН, 2011. – Вып. 225. – 33 с.

Костина, А. В. Культурная политика современной России: соотношение этнического и национального / А. В. Костина, Т. М. Гудима. – 3-е изд., доп. – М.: URSS, 2016. – 256 с.

Лихачев, Д. С. Заметки о русском // Лихачев Д. С. Избранные работы в трех томах. – Л. : Худож. лит., 1987. – Т. 2. – С. 418–494.

О российской нации и управлении межэтническими отношениями [Электронный ресурс]. – URL : <https://life.ru/925148> (дата обращения 03.04.2017).

Путин, В. В. Россия: национальный вопрос / В. В. Путин // Независимая газета. – 2012. – 23 января.

Тишков, В. А. Этничность / В. А. Тишков // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М. : Мысль, – 2001б. – Т.4. – 606 с.

Тишков, В. А. Нация / В. А. Тишков // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М. : Мысль, – 2001а. – Т. 3. – 694 с.

Дата поступления рукописи в редакцию 01.04.2017

УДК 130.2

М. В. Силантьева

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ КАК ВНЕИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

Обращаясь к рассмотрению темы национальной идентичности применительно к современному состоянию гражданского общества и политического процесса в России, неизбежно приходится иметь в виду историческую подоплеку философского осмысления этого вопроса в России. А именно ту дискуссию, которая более чем полтора столетия занимала умы выдающихся русских мыслителей и общественных деятелей, выразившись поначалу в противостоянии позиций славянофилов и западников, а затем переместившись в полемику евразийцев и их оппонентов. И сегодня большинство точек зрения по вопросу о перспективах развития России в свете выбора ею пути и цели можно по-прежнему в той или иной мере отнести к одной из перечисленных групп. Иначе говоря, вопрос об идентичности, позволяющей человеку в культурном, гражданском и политическом смысле называть себя русским и относить себя к русской культуре, по-прежнему остается предметом обсуждения и уточнения. В новейший период отечественной истории в дискуссию включились такие выдающиеся философы и деятели культуры, как А. А. Гусейнов, А. В. Смирнов, В. М. Межуев, В. Н. Сагатовский, С. А. Никольский и многие другие.

Очевидно, что одним из толчков к упомянутой дискуссии в философском ключе послужила позиция Г. В. Ф. Гегеля, создавшего учение о государствах – выразителях воли мирового духа («национальная идея») [Гегель, 1977, с. 74, 371]. Остальные народы (и славянские народы в том числе) оказались при этом в ряду «негосударственных» – то есть тех, для которых собственной национальной (то есть консолидирующей в государственное целое) идеи нет. Напомним: в философии то, у чего нет идеи, не существует. А в философии Гегеля – скорее «недо»-существует», представляя собой эфемерное образование, готовое расплыться по ходу времени.

Подобный приговор, однако, не следует путать с констатацией наличия проблем, характеризующих развитие государственности. По Гегелю, как известно, развитие всегда происходит через противоречие, а значит, проблемность – скорее показатель динамизма развития, а не симптом упадка.

С этой точки зрения, сложность современного состояния государственных процессов в государственно-политических организациях, имеющих отношение к славянскому фактору, вполне может быть интерпретирована в позитивном ключе [Гла-

голев, 2015б]: Россия все еще находится «в ожидании идеи» [Рубцов, 1997, с. 4] – в том смысле, что социально-организующая работа всегда нуждается в дополнительной философской рефлексии. При этом многие исследователи проблем этого типа выделяют, прежде всего, «дифференцированный и смешанный характер» современной российской культуры [Омеличкин, 2015], ее неоднородность в силу полиэтничности, полирелигиозности и т.д. [Evans, 2011; Gilbert, 2012; Belokurova, 2011; Rlmskii, 2008; Силантьева, 2012; Силантьева, 2011]. Наличие сложной структуры и в силу этого гетерогенный характер общекультурного целого во внутривполитической среде, в свою очередь, ставит дополнительные вопросы о природе единства российской нации, ее национальной идеи.

Нельзя не согласиться и с той мыслью, что для России невозможно достижение полного совпадения ее политических и культурных границ [Гибадуллин, 2010], хотя бы в силу того, что политические границы не могут вобрать в себя культурную диаспору, «внешнюю» внутривполитической организации. Вместе с тем существует необходимость формализовать рамки культурного единства, которое можно отождествить с государственной принадлежностью. Подобная формализация предполагает на современном этапе опору на концепт «гражданственности», введенный в правовое поле [Глаголев, 2015а.] и включенный таким образом в идентификационный механизм [Giddens, 1991; Giddens, 1994], – сравним, например [Якушина, 2014]. Цель функционирования подобного механизма во внутривполитическом пространстве – единство, солидарность, свобода как условие целостности национально-культурной государственности [Старостенко, 2010], объединяющей в формализованном правовом поле гетерогенные культурные поля (этнические, религиозные и т.д.); причем дополнительный акцент в подобные процессы вносит наличие миграционных потоков. Присутствие последних ставит вопрос о путях интеграции. В том числе с философской точки зрения, то есть – с точки зрения ценностей и смыслов. Здесь протекающие в России процессы оказываются во многом параллельными происходящим в других регионах мира [Дианина, 2014а; Дианина, 2014б], однако имеют и свою специфику. В частности – богатый опыт совместного мирного проживания народов, имеющих разных культурный уклад, на одной территории и конструктивного общегражданского взаимодействия между ними.

Отметим: формализм – принцип, который лежит в основе идеи гражданственности. Еще П. Бурдьё, говоря об идентичности, указывал на тот факт, что ее установление связано с «магией официальной номинации» [Бурдьё, 2007, с. 241]. В этом формализме есть объединяющая сила и вместе с тем – разъединяющее бездушие. Не случайно, думается, ряд исследователей российской культуры на полном серьезе пишут о кризисе концепта гражданской идентичности в России, для которой, по мнению защитников данной позиции, «"свойственна общинность и соборность", а не гражданственность» [Кравченко, 2015; Перунова, 2013, с. 166–177]. Их оппоненты подчеркивают, что для российской нации соборность – не противостоящая граждан-

ственности категория, а реальное *единство* людей как личностей друг с другом, общества – с властью и т.д., что исторически обеспечивалось в нашей стране образованием [Поповкин, 2016] и воспитанием [Еремина, 2012; Беленцов, 2014].

П. Бурдьё в свое время показал близость понятий «идентичность» и «национальный характер» [Бурдьё, 2007, с. 233]. В данном контексте важно обратить внимание на наличие внеинституционального компонента гражданской идентичности – о нем, собственно, и ведут речь критики «официоза». В определенной степени можно отождествить тот формализм, о котором шла речь выше, с идеологизацией концепта гражданской идентичности, время от времени воспроизводящейся в общественном сознании [Рубцов, 1996; Рубцов, 2009].

Подобная идеологизация, с одной стороны, представляет собой реализацию вполне понятного желания повысить управляемость сложных и неоднозначных процессов, создать своего рода «приводной ремень», который позволил бы контролировать ситуацию и снижать возможные риски. С другой стороны, нельзя забывать, что глубинные идентификационные механизмы «упираются» в сознании в «культуру как способ смыслополагания» (А. В. Смирнов); а этот способ смыслополагания, в свою очередь, – на свободу [Гегель, 1977, с. 323–327, 351–355]: «*Субстанция, знающая себя свободной, в которой абсолютное *долженствование* есть в такой же мере и *бытие*, обладает действительностью как дух народа*» [Гегель, 1977, с. 339].

Как следствие, насилие над личным выбором (например, как возможность принятия того или иного способа смыслополагания) воспринимается как одна из худших форм насилия. Вот почему насилие в языковой и религиозной сферах (а именно здесь реализуется способ смыслополагания в наиболее очевидной форме, а гражданская идентичность находит свое содержательное воплощение) является одной из худших форм насилия. В то же время знакомство с иными культурами именно как с другими, не похожими на твою собственную – путь к формированию уважения не только к ним, но и к самому себе [Афанасьева, 2014] в рамках не только онтологии, но также социальной и психологии личности [Глаголев, 2014; Глаголев, 2016].

Напомним: «природный дух», по Гегелю, «распадается прежде всего на *всеобщие* различия человеческих народов и рас, и в духе отдельных народов достигает различия, которое имеет форму *обособления*» [Гегель, 1977, с. 74], формирующее «дух народа» [Гегель, 1977, с. 365] и на «местных духов»; а они, в свою очередь, очень похожи на то, что понимает Бурдьё под словом «габитус»: форма повседневной жизни, воспринявшая их телесность и ее переживание. Это интимное переживание раскрывает в обыденности глубочайшие корни свободы – народный дух, который делает этот народ самим собой. С одной стороны, он целиком и полностью – наследие предков и тех внешних форм культуры, которые формируют человека. С другой – принадлежность к нему исходит из глубин самости и является, таким образом, реализацией свободы, ее экстерииоризацией. Это – «*дновременный выбор*», но именно выбор, как ни парадоксально это звучит. Включение идеологии в качестве

внешнего механизма формирования данной глубоко интимной структуры, отвечающей за осознание своей принадлежности к конкретной национально-культурной общности людей, – неизбежное следствие гражданской социализации как осознания принадлежности к конкретному государству. Которое, по Гегелю, «обладающая самосознанием нравственная субстанция» [Гегель, 1977, с. 350], «высшее проявление объективного духа». Таким образом, сущность государства реализует себя на основе идеи, но действует не только внутренним, но и внешним образом; однако немецкий философ в данном случае ведет речь о господстве права, а не идеологии.

Более того, прямое навязывание одной-единственной идеологической призывы – всегда, по определению, является упрощением, которое лишь переводит тонкие смыслы макрогрупповой идентификации на язык легко усваиваемых слоганов и формул. Навязывание таких слоганов и формул, в свою очередь, требует безоговорочного их принятия как демонстрации лояльности к социальному целому. Как убедительно показала философия и практика XX века, таков удел государств, либо прямо тоталитарных, либо сползающих к тоталитаризму. Отличительная черта тоталитаризма – как раз наличие единственной и непогрешимой идеологии. В случае формирования подобной стратегии со стороны государства практически неизбежным становится возникновение протестных движений граждан [Соколов, 2014], которые сегодня активно используются в политических целях (в том числе и силами, далекими от реально конструктивных позиций по вопросу о гражданском единстве).

Национально-культурная идентичность, выраженная в «национальной идее» как объединительном социальном проекте, представляет собой «особенное» [Гегель, 1977, с. 365] – антропологическую матрицу «среднего уровня», которая соединяет не только по принципу географии и климата (выделяемых, кстати, и Гегелем [Гегель, 1977, с. 365]) «единичное» («персональность») и «всеобщее» («человек как таковой»). Государство при этом – «непосредственная действительность *отдельного* и по своим *природным* свойствам определенного народа» [Гегель, 1977, с. 364].

Со стороны государства есть, в принципе, два пути поддержания своего национального единства своих граждан: «имманентный» и «трансцендентный». «Имманентный» способ включает в себя практики, «органически» присущие стратегиям формирования идентичности, а именно – солидарные действия граждан в решении непосредственных общественных задач (в сферах экономики, управления и т.д.). Такой способ предполагает установление отношений между властью и обществом по принципу симметрии, т.е. взаимозаменяемости. Он выражается в стратегиях воспитания, образования и просвещения, опирающихся на личностный фактор.

«Трансцендентный» механизм поддержания гражданского единства, напротив, основан на асимметрии власти и общества, их принципиальном метафизическом «разведении» и противопоставлении. Воспитание, образование и просвещение, в данном случае, исходят из опоры на безличный источник (который мыслится оторванным от народа и нередко проходит латентную процедуру сакрализации со сто-

роны власти, в свою очередь легитимирующую полномочия власти). В этом случае действует, как правило, моноидеология, распространяющаяся не только на сферу политики, но также на религию и искусство. С этим сопряжены определенные риски – в области действия, казалось бы, непобедимой безальтернативной идеологии возрастает вероятность развития «коммуникативной глухоты» и, соответственно, перерождения перечисленных выше сфер в исключительно симулятивное пространство.

Стоит подчеркнуть, что в реальном социальном пространстве «работают» (точнее, конкурируют) оба описанных приема поддержания гражданской идентичности – как «имманентный», так и «трансцендентный». Однако перекося в сторону последнего нередко приводит к разложению исходного единства. Или, по крайней мере, его переформированию – как это показала ситуация, связанная с распадом СССР. Модное сегодня в некоторых кругах предположение о сугубо внешнем воздействии, вызвавшем его, не выдерживает критики – если бы это и было так, насколько слабым следовало бы считать исходное единство...

Таким образом, выделяя ключевые элементы структуры национально-культурной идентичности, необходимо иметь в виду: 1) «способ смыслополагания», выраженный в языке и мышлении; 2) особенности среды обитания, формирующие культуру повседневности и, как следствие, национальный характер; 3) осознание общих смысложизненных целей в рамках исходного социального единства (Гегель называет этот вопрос «нравственным»); 4) раскрытие такого осознания, как должностования, то есть реальной свободы в социальном пространстве – правовая упорядоченность в рамках государственного целого; 5) реализацию исходного внутреннего единства во взаимодействии с представителями единств других социальных целостностей (международные отношения).

В заключение имеет смысл поставить вопрос о том, что в историко-философском ракурсе понятие «национальная идея» представляет собой комплексный концепт, имплицитно утверждающий связь человека со свободой. Само использование данного понятия предполагает, что возможность существования национально-культурных целостностей увязывается с реализацией содержательных установок личностного развития как единства уникального и всеобщего в рамках *особенного* – национально-культурного государственного целого. В этом случае национальная идея изначально толкуется как внеидеологический проект, способный координировать свои проекции с идеологическим уровнем социокультурного проектирования и вместе с тем противостоять моноидеологическим стратегиям форматирования социального пространства как гражданского единства определенного – то есть тоталитарного – типа.

Литература

Афанасьева, Н. Д. Русский язык в станах ближнего и дальнего зарубежья на современном этапе / Н. Д. Афанасьева // Актуальные проблемы преподавания русского языка как иностранного в вузе: материалы III Международной научно-методической конференции / сост. М. В. Беляков. – М. : МГИМО, 2014. – С. 9–16.

Беленцов, С. И. Гражданское воспитание в зарубежной реформаторской педагогике конца XIX начала XX в. / С. И. Беленцов // Вестник ПСТГУ. Серия 4: Педагогика. Психология. – 2014. – №2 (33) – С. 53–64.

Бурдые, П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля / П. Бурдые // Социология социального пространства / пер. с франц.; общ. ред. перевода Н. А. Шматко. – М. : Институт экспериментальной социологии; СПб. : Алетейя, 2007. – С. 220–254.

Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Мысль, 1977. – Т. 3. – 472 с.

Гибадуллин, Р. М. Постсоветский дискурс нации как проблема межэтнического единства России / Р. М. Гибадуллин // Власть. – 2010. – №1. – С. 74–78.

Глаголев, В. С. Религиозно-этническое наполнение образов «свой» и «чужой» в динамике политической конъюнктуры / В. С. Глаголев // Диалог культур и партнерство цивилизаций: XIV Международные Лихачевские научные чтения. – СПб. : СПбГУП, 2014. – С. 362–365.

Глаголев, В. С. Психологические аспекты гражданского единства / В. С. Глаголев // Проблемы гражданского единства российской нации: материалы к межрегиональной науч.-практ. конференции-диалогу «Актуальные проблемы укрепления единства российской нации (философско-культурологические, этноконфессиональные и психолого-педагогические аспекты)». – Пермь, 2016. – С. 167–174.

Глаголев, В. С. Россия в современном мире: особенности социальной динамики / В. С. Глаголев // Межкультурная коммуникация в условиях глобализации: проблема культурных границ в современном мире: материалы VIII Конвента РАМИ. – 2015б. – С. 34–42.

Глаголев, В. С. Правовая культура в системе национальных ценностей / В. С. Глаголев // Право и управление. XXI век. – 2015а. – № 4. – С. 33–38.

Дианина, С. Ю. Интеграция как социально-философская проблема / С. Ю. Дианина // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции: в 7 ч. – М.: ООО «АР-Консалт», 2014а. – Ч. 2. – С. 31–34.

Дианина, С. Ю. Ценности ислама в освещении СМК Северной Европы: парадоксы межкультурного диалога / С. Ю. Дианина // Вестник МГИМО Университета, 2014б. – № 2 (35). – С. 264–266.

Еремина, И. С. Сущность проявления феномена гражданственности в структуре личности / И. С. Еремина // Современные исследования социальных проблем. – 2012. – № 9 (17). – С. 61–82.

Кравченко, Н. Ю. Кризис концепта гражданской идентичности: социологическое измерение / Н. Ю. Кравченко // Известия Саратовского ун-та. Серия: Социология. Политология. – 2015. – №3. – С. 14–18.

Омеличкин, О. В. Гражданская культура России: проблемы формирования / О. В. Омеличкин // Вестник КемГУ. – 2015. – № 2–2 (62). – С. 76–80.

Перунова, Н. В. Ценностно-архетипический комплекс: структура и типология / Н. В. Перунова. – М. : Директ-Медиа, 2013. – 184 с.

Поповкин, А. В. Уроки истории: новый гуманизм как основание гражданского единства / А. В. Попкова // Россия и АТР. – 2016. – № 1 (91). – С. 107–114.

Рубцов, А. В. В ожидании Идеи. Заметки на полях дискуссии / А. В. Рубцов // Независимая газета. – 1997. – 4 ноября. – С.4.

Рубцов, А. В. Какой не должна быть идея для России, уже известно / А. В. Рубцов // Коммерсант. Деньги. – 1996. – С. 27.

Рубцов, А. В. Россия в начале XXI века: от идеологии к мегапроекту / А. В. Рубцов // Полигнозис. – 2009. – № 2. – С. 33.

Силантьева, М. В. Диффузная идентичность – современная версия гражданской идентичности / М. В. Силантьева // Вестник МГИМО Университета. – 2012. – № 2. – С. 173–179.

Силантьева, М. В. Современная гражданская идентичность в пространстве российской культуры / М. В. Силантьева // Право и управление. XXI век. – 2011. – № 4. – С. 19–23.

Соколов, А. В. Гражданская мобилизация: механизмы реализации в современной России / А. В. Соколов, А. В. Соловьев // Власть. – 2014. – №9. – С.19–24.

Старостенко, К. В. Государственная национальная политика в России в условиях этнополитического многообразия / К. В. Старостенко // Вестник БГУ. – 2010. – № 14. – С. 294–299.

Якушина, О. И. Идентичность в социологической теории Э. Гидденса / О. И. Якушина // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – №. 2. – С. 694.

Дата поступления рукописи в редакцию 04.03.2017

УДК 172.12

М. Г. Суслов

ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ОТЕЧЕСТВА

Слово «традиция» (от лат. *traditio* – передача) может означать передачу умений, навыков, обычаев и прочего, что идет из прошлого, от других поколений. Поскольку сегодня стали обращать пристальное внимание на проблемы патриотизма, то можно говорить и о патриотических традициях России.

Что такое патриотизм? Если судить по мнению авторов и различных документов, то «патриотизм» имеет достаточно широкую трактовку. В точном переводе с греческого «*Patriotes*» (*πατριώτης* – земляк, соотечественник) и «*Patris*» (*πατρίς* – Родина). Это понятие возникает в древнегреческих городах-полисах и отражает возникшую общность традиций, обычаев, привязанность к своей земле, своей территории.

По мере формирования и развития государств в понятие патриотизма стали вкладывать другие смыслы: «Малая Родина», «Отечество», «любовь к Отечеству». В настоящее время патриотизм предполагает гордость достижениями и культурой своей страны, желание сохранять ее характер и культурные особенности, идентификацию себя с другими членами народа.

Глубинные корни современного патриотизма связаны с землей, с жизнью и работой на земле. Многие сотни лет крестьяне тяжким трудом возделывали свою землю. Она отвечала им урожаями. Крестьянин воспринимал свою землю как мать-кормилицу, которая позволяла ему содержать и кормить свою семью, которая давала ему достаток. Крестьянин любил не только землю как мать-кормилицу. Он любил деревню, в которой была его земля, он любил край, в котором была его деревня, он любил страну, в которой был его край. Так от любви к земле-кормилице крестьянин поднимался до любви ко всему Отечеству.

Патриотично в дореволюционной России было и дворянство. Природа дворянского патриотизма своими корнями так же уходит в землю. Достаток дворян всецело зависел от того, сколько у них земли, какова эта земля и где она находится. Именно привязанность к земле, зависимость от земли породила естественные и глубинные чувства патриотизма. Особенно это относится к России и россиянам. Поскольку Россия до середины XX века оставалась по преимуществу аграрной крестьянской страной, то естественные глубинные истоки патриотизма очень долго сохранялись здесь в первозданном виде, оказывая очень сильное влияние на формирование и проявление чувств патриотизма у простых крестьян и именитых дворян.

Патриотизм как феномен возникает задолго до появления мировых религий, т.е. имеет очень глубокие исторические корни. Патриотизм как древнейшее явление, присущее всем народам, формировал и свои патриотические традиции. У каждого народа патриотические традиции имели свою специфику.

Что же можно отнести к патриотическим традициям в России? К числу основных и давних традиций следует отнести отношение к государству. Если на Западе уже много столетий главной ценностью для народа становились свобода, демократия, права человека и сам человек, то в России это никогда не было главной ценностью. Это сегодня пытаются навязать россиянам западные ценности как главные ценности, но и сегодня это не очень получается, хотя частью российского общества они воспринимаются как важные или главные ценности.

В реальности на протяжении многих веков в России главной ценностью было государство. И это не потому, что Чингисхан и монгольские завоеватели подарили нам восточный деспотический тип государства, а потому что России не повезло с местоположением. Россия открыта с трех сторон. По границам России нет своих Гималаев, через которые не могли бы пройти чужеземные войска, нет двух океанов, как у Америки, которые бы отбили желание евразийских народов воевать с США.

Если не было естественных рубежей защиты, то было много желающих приходить к нам не с добром, а с мечом. Многочисленные нашествия и нападения на Россию вынуждали ее по 55 лет из каждых ста воевать. Иногда Россия вела сразу 16 войн. Перманентная и серьезная военная угроза российским народам очень давно начинала заставлять каждого человека осознавать и признавать, что только сильное централизованное государство с сильной властью способно защитить его, его семью, его деревню и его государство.

Осознание этого приводило к формированию патриотической традиции ценить не только свой клочок земли, но и государство как важную, а потом и как главную ценность. О том, насколько простые люди ценили государство, можно судить по тому, как проявляли себя защитники государства Российского на войне. А история знает много ярких примеров героизма и мужества простых и именитых защитников Отечества в многочисленных войнах. Впервые об Отечестве говорится в 1481 году в «Повести о стоянии на Угре». Там содержался призыв: «Потрудитесь, чтобы спасти свое отечество, Русскую землю» [Памятники литературы, 1982, с. 514–521].

Традиция сохранять и защищать государство как ценность, а потом и как главную ценность сохранялась до конца XX века. В постсоветский период эту традицию пытались изживать, но в настоящее время она хотя и ослаблена, но не изжита. В связи с нависающей над нашей страной новой военной угрозой эта традиция вновь возрождается и усиливается.

К числу патриотических традиций можно отнести и то, как высоко ценили защитников Отечества, его рубежей, границ и территорий. Награды, почести и памятники живым и павшим защитникам Отечества, а также помощь государства и народа увечным воинам хорошо иллюстрируют эту традицию вплоть до наших дней.

Давней традицией стало также использование патриотизма как орудия защиты государства и народа. Многие века власть признавала и признает патриотизм как грозное и мощное оружие в борьбе за независимость, за сохранения российской государственности [Черная, 1989, с. 42].

До конца XIX века у власти не было проблем с использованием патриотизма как оружия в борьбе с врагами нашего государства, поскольку в России было два основных класса – дворяне и крестьяне. Оба класса обладали патриотизмом как своей классовой чертой, порожденной одними и теми же причинами – связями с землей, зависимостью своего благополучия от земли.

В начале XX века ситуация усложнилась развитием рынка и капитализма. К двум традиционным основным классам прибавилось еще два основных класса – буржуазия и рабочие. Оба класса имели свой набор классовых черт и качеств. Рабочему классу был присущ интернационализм, а буржуазии – национализм в сочетании с другими чертами и качествами.

В конце XIX–XX веке дала о себе знать интеллигенция. Как особая социальная группа она обладала своей собственной социальной чертой – космополитизмом. Космополитизм интеллигенции порожден также образом жизни и характером труда. Так как интеллигенция обеспечивала себя за счет идей, знаний, интеллекта, то для нее не важно было, в какой стране ей будут платить за знания или реализацию идей. Правда, следует оговориться, что первые поколения российской интеллигенции были выходцами по преимуществу из дворян или крестьян, и потому они долгое время сохраняли черты патриотизма.

Поскольку в царской России оказалось четыре основных класса и интеллигенция, которым были присущи патриотизм, интернационализм, национализм и космополитизм, то это влияло на остроту социальных противоречий, на глубину раскола российского общества и первые признаки утраты «имперского патриотизма» [Найда, Ростовский, 2012]. Последнее проявилось уже в годы Русско-японской войны 1904–1905 годов, когда либеральная часть российского общества поздравляла японского императора с победой над Россией.

Еще ярче это проявилось в годы Первой мировой войны, когда интернационалисты выступали за поражение своего правительства в войне и превращение войны империалистической в войну гражданскую, а патриоты, не щадя своих жизней, воевали с германцами. Последствия этой расколотости общества отразила статистика. Два миллиона солдат дезертировали из царской армии, а полтора миллиона оказались в немецком плену. Значительная часть тех и других не хотела защищать свое Отечество даже при наличии реальной военной угрозы.

В годы советской власти ситуация изменилась. Не стало буржуазии и помещиков, т.е. двух основных классов, и власть перешла в руки большевиков. Несмотря на то что большевики были интернационалистами, и интернационализм они сделали государственной идеологией, уже в начале 1918 года советское правительство стало

делать ставку на патриотизм. Обращения, воззвания, листовки: «Социалистическое Отечество в опасности!», «На защиту социалистического Отечества!» и т.п., показывали, что большевики не только осознали то, каким серьезным оружием является патриотизм, но и максимально использовали его в борьбе с интервентами и внутренними врагами советской власти.

Позднее ими была налажена система патриотического воспитания, которая оказала очень существенное влияние на победу в Великой Отечественной войне, на укрепление вооруженных сил и решение задач послевоенного мирного строительства [Стрельников, 2003].

Следует отметить еще одну традицию – сочетать патриотизм с дружбой народов. Сотни лет в царской России как власть, так и народы проявляли высокую терпимость в межнациональных и в межконфессиональных отношениях. Это было связано с пониманием того, что ни один народ в России в одиночку не мог выжить, выстоять и победить в многочисленных войнах, набегах и нашествиях.

Что касается советского времени, то без преувеличения можно утверждать, что в Советском Союзе была дружба народов. Это хорошо показала Великая Отечественная война, когда все народы вносили свой посильный вклад в общее дело борьбы с врагом.

Однако в самом конце XX века обозначился отход от многовековых патриотических традиций, когда стали сносить памятники советской эпохи, переименовывать города и улицы, вузы, дворцы и заводы. В средствах массовой информации стали появляться антипатриотические утверждения: «Патриотизм – последнее прибежище негодяев!».

Началось и до сих пор не закончилось активное переписывание истории, переоценка ценностей. Особый упор делается на дегероизацию советского периода, когда ставят под сомнение героические подвиги и примеры самопожертвования людей в годы Великой Отечественной войны, замалчивают самоотверженный героический труд миллионов людей в мирное время.

Еще хуже имеющая место демонизация персонажей истории – А. Невского, И. Грозного, Ермака, Сталина и многих других. На протяжении 30 лет автором на первом занятии по истории и ряду других дисциплин проводились анкетные опросы студентов разных вузов. В анкете был вопрос: «Какая историческая личность вызывает Ваши антипатии?». В 90-е годы самыми несимпатичными личностями для студентов были Сталин, Ленин, Гитлер, Зюганов и др. В первой половине 2000-х годов Ленин исчез, а Сталин и Гитлер уравнились. К концу 2000-х и сегодня на первое место вышел Гитлер, а потом Сталин.

Студентам задавался также вопрос: «Как бы Вы оценили поступок Павлика Морозова?». Почти все студенты отвечали: «плохо», «отрицательно», «негативно». Некоторые выражались резче: «подлец», «подонок», «гнида» и тому подобное. На второй вопрос: «А что он сделал?», до сих пор отвечали и отвечают: «выдал», «предал», «папу заложил», «немцам сдал». Поражали ответы студентов: «Папу убил», а некоторые уточняли: «Топором зарубил». Полагаю, что никто, нигде и никогда не писал, что

Павлик Морозов папу убил или топором зарубил, но идейно-пропагандистское воздействие современной идеологической машины настолько мощно, что в сознании молодежи непроизвольно формируется убеждение о Морозове как об убийце.

Что удивительно и тревожно. Ребенок, которому не было 14 лет, по ненависти у значительной части современной студенческой молодежи устойчиво занимает второе место после Сталина. И что еще хуже – за 30 лет опросов не было не одного случая, чтобы хотя бы один студент осудил родственников-убийц, которые убили не только Павлика Морозова, но и его брата Федю, которому было всего 9 лет. Уж не по морали ли преступного общества начинает жить Россия? Есть над чем задуматься...

Утешает то, что в последнее время государство начинает уделять проблемам патриотического воспитания молодежи все больше внимания [Вырщиков, Кусмарцев, 2006, с. 172]. Легко ли будет сохранить патриотические традиции Отечества? Нет, нелегко, а будет и еще труднее. Почему?

В настоящее время идет процесс глобализации, что приводит и будет приводить к усилению давления Запада на все слои и сферы жизни российского общества и, прежде всего, на молодежь в насаждении и навязывании западных образцов и ценностей. Либеральные круги и элементы современной России хорошо показывают, насколько успешно идет продвижение и насаждение угодных Западу стандартов и ценностей.

С приходом рынка и капитализма в Россию неизбежно появление крупных личных, групповых, классовых, национальных и прочих интересов, которые будут подтачивать и разрушать патриотические скрепы государства и его патриотические традиции.

Расслоение общества на бедных и богатых, которое несет рынок, поставит много вопросов, на которые будет непросто отвечать:

– есть ли свое Отечество у рабочих? Марксисты до сих пор утверждают, что рабочие при капитализме не имеют Отечества;

– надо ли защищать Отечество богатых и сверхбогатых «новых русских»?

– каким патриотам сегодня следует отдавать предпочтение: патриотам, которые любят и ценят царскую Россию; патриотам, которые любят советскую страну или тем, которые любят только современную Россию? Между разными патриотами не всегда наблюдается взаимопонимание, поддерживаются мирные дружеские отношения, что разрушает единство патриотически настроенной части общества.

Отказ от государственной идеологии [Конституция Российской Федерации, 2016] и провозглашенный в Конституции Российской Федерации плюрализм дал предельную свободу людям для выражения своих взглядов на многое, в том числе и на прошлое. Это хорошо, но историками подняты вопросы об опричнине, сталинских репрессиях, депортациях, голодоморах, притеснениях и многих других негативных и трагических страницах истории, что будет вести к реанимации копившихся веками обид и будет приводить к разъеданию и разрушению многовековых патриотических традиций.

Есть много других факторов, которые будут оказывать влияние на возрождение патриотических традиций в современной России. Однако с 2000 года были приняты и реализовывались три государственные программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» на 2001–2005 годы, на 2006–2010 и на 2011–2015 годы. В настоящее время в России реализуется государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы». В субъектах Федерации принимаются свои долгосрочные целевые программы [Об утверждении долгосрочной целевой программы...] и проводится работа по их реализации, что дает надежду на возрождение, сохранение и развитие патриотических традиций в современной России.

Патриотические традиции будут возрождаться еще и потому, что все чаще и больше говорят о третьей мировой войне, все явственнее над Россией нависает военная угроза. Во все времена внешняя опасность вела к сплочению россиян, к проявлению патриотизма отдельных людей и патриотических традиций российских народов.

Литература

Вырщиков, А. Н. Патриотическое воспитание молодежи в современном российском обществе: монография / А. Н. Вырщиков, М. Б. Кусмарцев. – Волгоград: НП ИПД «Авторское перо», 2006. – 172 с.

Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. // Гарант. – 2016. – Ст. 13.

Найда, О. А. Патриотизм и военно-патриотические традиции России / О. А. Найда, В. Ю. Ростовский. – Волгоград, 2012. – 244 с.

Об утверждении долгосрочной целевой программы «Патриотическое воспитание жителей Пермского края на 2013–2017 годы»: постановление правительства Пермского края № 382-п от 6 мая 2013 г. [Электронный ресурс]. – URL: permkrai.info (дата обращения 06.02.2017).

Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века / пер. Я. С. Лурье. – М., 1982. – С. 514–521.

Стрельников, В. Патриотизм – важнейший фактор укрепления Вооруженных Сил РФ / В. Стрельников // Ориентир. – 2003. – № 1. – С. 48–50.

Черная, Л. А. От идеи «служения государю» к идее «служения отечеству» в русской общественной мысли второй половины XVIII – нач. XIX вв. / Л. А. Черная // Общественная мысль: исследования и публикации. – М., 1989. – Вып. I. – С. 42.

Дата поступления рукописи в редакцию 09.03.2017

УДК 37.035.6

В. В. Гаврилова

ВОСПИТАНИЕ ПАТРИОТИЗМА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Среди вопросов, обсуждаемых в рамках образовательных процессов, часто говорится о патриотическом воспитании в России. К данной тематике примыкают и вопросы этнические и конфессиональные [О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, 2012], а также об этом свидетельствует и федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годов)». Участвуя в форуме «Проблемы укрепления и поддержания гражданского единства в регионе: философско-культурологические, искусствоведческие и религиоведческие аспекты», прошедшем осенью 2016 года в Перми, мы также обратили внимание на взаимосвязь проблем патриотического воспитания и состояние межконфессиональных и межэтнических отношений в стране. Сегодня более половины всех сограждан относят себя к православным, традиционным приверженцам Русской православной церкви (далее РПЦ). Она внесла наиболее значимый вклад в становление российской государственности, в историю, культуру и патриотические традиции Отечества. Исследования свидетельствуют, что РПЦ пользуется наибольшим авторитетом среди других исповеданий. И, действительно, РПЦ особенно активно стимулирует воздействие религии на нравственность и едва ли не на все остальные сферы жизни постсоветского государства, в том числе – на изменение государственно-церковных отношений в стране. Социальная позиция и социальная концепция РПЦ находят непосредственное отражение в позициях и концепциях других влиятельных религий страны (прежде всего, ислама, протестантских конфессий и иудаизма). Ввиду изложенного, нельзя опрометчиво игнорировать религиозную составляющую в жизни российского общества. Со времени принятия «Основ социальной концепции Русской православной церкви» прошло 16 лет, и РПЦ заняла достаточно активную позицию в разработке и реализации своей социальной программы, в выстраивании конструктивных государственно-церковных отношений. Другие конфессии, последовав примеру РПЦ и изложив свои социальные воззрения, заняли, на наш взгляд, более сдержанную позицию в данных направлениях.

К числу своих приоритетных направлений РПЦ относит задачу организации духовного образования. Выступая на Архиерейском соборе в августе 2000 года патриарх Алексей II заявил: «Сегодня, в начале нового этапа возрождения православной церковности, наибольшее внимание должно быть уделено духовному просвещению»

[Патриарх Алексий, 2000, с. 20]. Как известно, светская система государственного и муниципального образования в стране не допускает внедрения в учебный процесс как религии, так и атеизма. Социальная концепция РПЦ возглашает: «Церковь полагает полезным и необходимым проведение уроков христианского вероучения в светских школах» [Основы социальной концепции Русской православной церкви, 26.01.2017]. РПЦ ведет планомерную политику внедрения предмета «Основы православной культуры» в школьный курс. Предметы школьного курса предполагают знакомство с ними и систему оценки знаний, изучение степени освоенности предмета. Преподавание Закона Божьего в дореволюционных российских школах предусматривало это. Современные представители РПЦ полагают, что курс должен носить ознакомительный, безоценочный характер. Какие критерии должны быть при ведении уроков по православной культуре? Формирование религиозного мировоззрения? Возрождение? Получение новых знаний?

Но знания о религии могут и должны быть получены учениками при изучении курса обществоведческих дисциплин. Обучение религиозной вере – это функция воскресных, субботних и иных приходских школ, а также конфессиональных и негосударственных религиозных учебных заведений. Система государственного и муниципального образования содержится на деньги налогоплательщиков, среди которых десятки миллионов граждан относят себя к неверующим. «Отступления от принципа светской школы нарушают конституционные основы жизни нашего светского государства, противостоят модернизации отечественной системы образования. ...Принимая с благодарностью стремление религиозных организаций способствовать выходу общества из духовного кризиса, не следует перелagать на них эту тяжкую задачу и передавать им монополию на вопросы образования и воспитания» [Писменик, 2004, с. 207, 218]. В светском государстве необходима свобода мировоззренческого самоопределения. Только так возможно сосуществование множества конфессий и этносов. Социальная концепция РПЦ затронула очень важный момент современного образования – потерю духовных и нравственных корней в системе образования и воспитания. Она предложила свой вариант решения проблемы. Он не совсем приемлем для светской школы. Но нравственный и духовный потенциал, благородные стремления, опыт церкви для выработки новых подходов, идей образования и воспитания очень ценен.

Как показывают исследования многих участников форума, сложно выстраивать диалог на базе религиозной и этнической идентификации граждан. Более удобной платформой для единения страны является все же светская культура и этика. Она вобрала в себя не только гуманистические идеалы Просвещения, но и гуманистический потенциал религий и национальных культур. Думается, что выражением светских представлений в большей степени является система образования.

В программных документах, указанных в начале статьи, прямо указывается на значимость русского языка как языка государственного и изучение истории Отечества для формирования единства нации. Следовательно, в зону внимания должна попасть система образования. Чтобы любой школьник и любой студент не только имел представление, но и знал важнейшие моменты истории и культуры своей страны. В нашем представлении любовь к Родине не должна превращаться в «квасной патрио-

тизм». Гражданин должен понимать и осознавать свою принадлежность к стране, ее историческому пути, ее культурному своеобразию.

Для формирования всех этих знаний необходимо время, заложенное в программы и учебные планы. На первый взгляд, время это заложено: историю Отечества изучают в школе, в среднеспециальных учебных заведениях, изучают и в вузе. Казалось бы, главные вехи истории должны запомниться, «застрясть» в голове. В реальной ситуации школьники и студенты зачастую лишь слышали о чем-то подобном, но не могут проанализировать события, объяснить их сущность. История страны, столь много изучаемая, не приводит к пониманию сути явлений и даже к их запоминанию.

Что же происходит в голове школьника и студента во время занятий, что мешает усваивать знания по истории собственной страны? Является ли это проявлением патристических чувств, нежеланием изучать собственную историю? Было бы нелепо объяснять все эти проблемы подобным образом. На наш взгляд, часть проблемы кроется в том, каким образом выстроены современные программы и учебные планы. В большинстве случаев, в учебных планах не выстроены межпредметные связи. В программах дисциплин говорится об этих связях, но на практике они слабо реализуются. Ученики и студенты не представляют себе единство мира, изучая предметы курса. Новое знание не встраивается в ранее полученные знания. А те сведения, которые не актуализируются, теряют свое значение. Зачем знать историю, если человек не собирается быть историком?! Зачем грамотно писать, если я не учитель русского языка?! Зачем знать законы термодинамики и механики, если я не собираюсь стать инженером?!

Сложно объяснить детерминированность мира на словах. Нужна кропотливая и неустанная работа по созданию подобного представления. Вот здесь и пригодится система межпредметных связей. Изучаем какую-либо тему по истории, а на литературе знакомимся с писателями, поэтами и литературными стилями этой исторической эпохи, на физике и математике изучаем законы, открытые в этот период. Задействуем знания, полученные на одних предметах, при изучении других дисциплин. Отдельному учителю и преподавателю сложно выстроить подобную систему. Необходима согласованность именно учебных планов.

В учебных планах вузов появилось и появляется много новых дисциплин. При знакомстве с ними выясняется, что подобные темы и вопросы ранее изучались в других предметах. Так, вопросы культурологии затрагивались при изучении истории и философии. Сейчас культурология стала самостоятельным предметом, а часы на изучение истории и философии сократились. В чем смысл подобного деления в непрофильном вузе? Предметы и их содержание состоят из модулей. Но эти модули плохо связаны друг с другом.

Изменилось содержание программ дисциплин. Объем информации, которую должен усвоить ученик и студент, возрастает, а времени на изучение и формирование представлений не прибавляется. Может быть стоит вернуться к опыту советской школы, особенно в части формирования понятий и представлений? Программы по изучению истории и литературы часто составлены как ознакомительные. Если раньше на изучение какой-либо темы отводилось несколько занятий, то сегодня, в лучшем случае одно, а в худшем – несколько минут. В вузы приходят студенты, которые

получили полное среднее образование, но при этом они плохо знают историю, литературу своей страны. Они лишь «что-то слышали» о чем-то, но не знают подробностей и сути. Была какая-то революция, а почему была, чем закончилась, кто ее участники – неизвестно. Вторая мировая война студентами уже воспринимается как Троянская. Имена поэтов и писателей еще частично могут вспомнить, а прочитать стихотворение на память затрудняются. Литературные произведения прочитываются в кратком изложении. О творчестве художников, скульпторов имеют весьма отдаленное представление, а зачастую и совсем не имеют. Фильмы, рассказывающие о нашей истории, культуре студентам неведомы. Невозможно за 2–4 часа «изучить» Великую Отечественную войну или творчество писателя. В подобных случаях не останется времени на формирование устойчивых представлений, понятий и знаний по предмету изучения. Это «скольжение» по избранным темам и героям не формирует знаний, а носит информативный характер. «Клиповое» мышление, в котором часто винят современную молодежь, формируется не само по себе, а благодаря современной системе образования. Система образования должна не только и не столько информировать своих участников, но и учить их. Обучение же – это длительный процесс. Образованный человек должен не только иметь представление, но и знать. В противном случае, мы будем постоянно сталкиваться с проблемой информационного потока, который захлестывает и топит своих участников. Французский просветитель Клод Антуан Гельвеций говорил, что «знание некоторых принципов легко вмещает незнание некоторых фактов». Сегодня мы наблюдаем, как в образовании утверждается принцип знания фактов, но не принципов. Оценка знаний путем тестирования очень удобна и экономична, но в меньшей степени позволяет оценить знание принципов, законов. Она не направлена на развитие мышления. Человеческое мышление не может носить абсолютно стандартизированный характер, оно является динамичным процессом. Стандартизируя процесс обучения в части его оценивания, мы заставляем молодое поколение не размышлять, а заучивать многочисленные подробности. «Мозаичная» массовая культура проникает в систему образования. Образование должно поддерживать и развивать отнюдь не массовую культуру, которая направлена на удовлетворение удовольствий, развлечений, нацелена на извлечение прибыли. Образование же имеет более серьезные цели. Оно непосредственно и традиционно связано с воспитанием и формированием личности, которая должна усваивать и осваивать культуру духовности.

Сравнительно недавно существовала система фильмотек. Они работали со школами, и их фонды были скомплектованы и организованы в соответствии с программами школьных курсов. Появилось много новых фильмов, да и старые материалы могут еще пригодиться. Почему бы не учесть все эти материалы, не включить их в методические рекомендации? В советских учебниках по истории для средней школы были списки художественных произведений по изучаемым темам. Почему не вернуться к этой практике, не дополнить эти списки новыми произведениями? Здесь будут выстроены связи истории, литературы, художественного творчества, документальных материалов. Имена писателей, художников, поэтов, ученых приобретут новое звучание, уже историческое. Богатство российской культуры откроется на конкретных примерах.

Следует критично воспринимать прежнюю систему образования, но она формировала общий для страны «культурный код». Бывшие ученики могли говорить друг с другом на одном языке, так как усваивали общую систему ценностей, знаний и представлений. Современное и не только российское общество сильно дифференцировано. Расслоение россиян по уровню доходов, образования приобретает все больший и больший размах. Но процессы глобализации и интеграции заставляют задуматься о формировании культурного единства в рамках государства. Размывание культурной, этнической, языковой идентичности приводит к «растворению» народов в других мирах и культурах. История знает немало примеров исчезновения культур и цивилизаций. Формирование патриотических устремлений призвано противостоять этим процессам. Исчезнувшие народы и их культуры не знали системы всеобщего образования, у них не было инструментов формирования единства на основе знаний. Их единство основывалось на полисной принадлежности, религиозных представлениях и национальных предпочтениях. Информационная эпоха создает иную базу для единства. Светское образование, вобравшее в себя все проявления культуры, является, на наш взгляд, одной из таких баз.

Патриотическое воспитание невозможно без знакомства со знаменитыми местами нашей страны. Внутренний туризм должен учитывать и образовательные программы. Подобные программы должны быть доступны любому школьнику и студенту. Сегодняшние предложения туристических фирм, затрагивающие «знаковые» места нашего Отечества, просто неприемлемы для большинства учащихся по своим ценам. Поездка даже к ближайшим историческим памятникам наталкивается на финансовые трудности. Зачастую путешествие по родной стране для рядовых граждан невозможно из-за отсутствия приемлемых предложений. Кому, как не государству, заинтересованному в патриотическом воспитании граждан, курировать данный вопрос?! Внутренний туризм нельзя понимать только как сферу действия бизнеса. Если понимать объективно, то бизнес должен извлекать прибыль, это его основная задача. Не стоит навязывать бизнесу решение других задач. Отдельные представители бизнеса сознают свои гражданские обязанности, принимают на себя социальную ответственность, но это действие человеческого субъективного фактора. Внутренний туризм связан и с задачами воспитания граждан страны. Поскольку образование и воспитание у нас является делом государственным, то кому, как не государству, формировать стратегию внутреннего туризма?! Туризм не может носить только развлекательные цели. В туризме заложен огромный образовательный и воспитательный потенциал. Знакомство с другими городами и весями, ландшафтами и памятниками расширяет кругозор человека. Издавна люди, побывавшие в других местах, вызвали неподдельный интерес у своих соседей. Расширение кругозора оживляет и мыслительные процессы. Человек – существо из материального мира: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Никакой Интернет не восполнит личного присутствия и участия. В Пермском крае внутренний туризм потихоньку развивается. Очень многие маршруты, предлагаемые туристам, связаны с посещением храмов и православных святынь (это характерно не только для нашего края). Здесь чувствуется благотворное влияние РПЦ. Но почему не составлять «светские» маршруты? В ис-

тории нашей страны существуют и другие культурные страницы. Местные краеведы знают об этом немало. Таким образом, развивая внутренний туризм, необходимо объединять усилия многих его участников, координировать их действия и создавать систему, работающую на решение патриотических задач.

В современном российском обществе вопросы конфессиональной и этнической принадлежности относятся к частной сфере интересов граждан. Религиозная и национальная идентификация гражданина способна консолидировать его с представителями «своих» групп, но не с обществом в целом. Какой бы значимый вклад не внесла в историю и культуру та или иная конфессия, она не должна получать преимущества перед другими религиозными организациями. Образовательные учреждения в светском государстве не должны быть ареной борьбы между религиями. Государство должно проводить очень взвешенную конфессиональную политику. Нельзя отдавать на откуп негосударственным организациям сферу воспитания патриотизма. Принимать их помощь необходимо, но не «уходить» из этой сферы, полагаясь на религиозный авторитет и традиции. Задачей патриотического воспитания является объединение граждан страны. Единство должно оформляться на уровне сознания граждан. А для формирования этого сознания система образования подходит более других. Нам нужны общие базовые представления, которые могут и должны быть сформированы в образовательном светском поле.

Литература

Гаврилова, В. В. Философский анализ социальной доктрины Русской православной церкви в 20 веке [Текст]: дис. ... канд. филос. наук: (09.00.11) / В. В. Гаврилова. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 2005. – 136 с.

О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента РФ № 1666 от 19 декабря 2012 г. ... [Электронный ресурс]. – URL: <http://президент.рф/news/17165> (дата обращения 26.01.2017).

О федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этно-культурное развитие народов России (2014–2020 гг.)» постановление № 718 от 20 августа 2013 г. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://government.ru/media/files/41d4862001ad2a4e5359.pdf> (дата обращения 26.01.2017).

Основы социальной концепции Русской православной церкви [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.russian-ortodox-church.org.ru/sd00r.htm> (дата обращения 26.01.2017).

Патриарх Алексей Второй Выступление на Архиерейском соборе, август, 2000 / Алексей Второй, Патриарх // Журнал Московской патриархии. – 2000. – № 9.

Писманик, М. Г. Проблемы преподавания религиоведения / Писманик М. Г. // Религия в изменяющейся России: материалы II Российской научно-практической конференции (11–12 мая 2004 г.): в 2 т. / под ред. проф. В. А. Кайдалова, проф. М. Г. Писманика. – Пермь: Изд-во ПГТУ, 2004. – Т. 1. – С. 207–218.

Дата поступления рукописи в редакцию 28.02.2017

УДК 177

Р. И. Щукина

НАЦИОНАЛЬНОЕ И ПАТРИОТИЧЕСКОЕ В АСПЕКТЕ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

Актуальность исследования соотношения национального и патриотического обусловлена рядом факторов объективного и субъективного характера. К объективным факторам стоит отнести в первую очередь полиэтничность множества стран как глобальную и универсальную характеристику современного мирового сообщества. И это подтверждается историей более чем двухсот государств, существующих сегодня на планете. По экспертным оценкам, лишь около двадцати из них формировались как гомогенные. Социально-экономические и культурные факторы, определяющие динамику современного мира, обуславливают и специфику проявления этнической идентичности и этнокультурных процессов. В науке появилось понятие «новой этничности», обусловленное такими особенностями, как культурная фрагментация и ослабление устойчивости этнических ценностей. Несмотря на то что этнокультурные процессы в настоящее время характеризуются амбивалентностью, неоднозначностью, симбиозом современных норм и архаики, за счет их во многом поддерживается связь поколений, сохраняется стабильность социума. Размытость базового аксиологического ядра, неустойчивость духовных скреп в российском обществе, значимость которых отмечалась еще в начале XX века отечественными философами, обуславливает обращение к национальной культуре, традиционным ценностям. Эти явления нивелируют достаточно распространенную в науке точку зрения о том, что значение этничности в современном социуме ослабевает, и гражданское общество обретает этнически «нейтральные» черты. При этом академический дискурс включает множество концепций и гипотез развития мироустройства в условиях глобализации: «конец истории» (Ф. Фукуяма), «столкновение цивилизаций» (С. Хантингтон), в контексте которых патриотизм предстает несколько архаично. Вместе с тем антиглобализационные тенденции актуализируют важнейший вопрос: отношение человека к таким смысловым понятиям, как «Отечество», «Родина», «Отчий дом».

Для современной России осмысление понятий национального и патриотического обрело особую важность: сохранение целостности страны, укрепление гражданского и духовного единства нации обозначено в ряде законодательных документов как приоритетная ценность и цель государственного строительства на современном этапе [Стратегия государственной национальной политики, 05.02.2017].

«Духовные скрепы, патриотизм, память о подвиге народа – не интернет-мемы, это не повод для сарказма и лицемерных усмешек. Это базовые составляющие нашего национального сознания и государственного устройства!» – пишет Петр Толстой [Толстой, 02.02.2017]. В этом контексте патриотизм является одним из базовых онтологических понятий, определяющих сущность бытия человека, отношений в социуме. Он выступает социально значимой составляющей экзистенциального мира человека, определяющей смысл его жизни и являющейся одной из главных духовных ценностей (убеждения, поведенческие установки, гражданская позиция, доминирование общественного над индивидуалистическим и т.д.). По мысли русского философа И. А. Ильина, «идея Родины предполагает в человеке живое начало духовности. Родина есть нечто от духа и для духа...» [Ильин, 1996, с. 236]. В этом плане патриотизм – один из высших критериев проявления духовности.

В условиях макросоциума (страна, общество, народ), исходя из контекста современной ситуации, в отечественной науке патриотизм рассматривается именно в рамках социального пространства, с одной стороны, как некий нравственный, социальный и политический принцип, с другой стороны, объединяющее социальное чувство, содержанием которого является любовь к Родине и готовность пожертвовать своими интересами ради нее. Важно, что содержание этого понятия предполагает не просто слова, но и определенные действия (активность, действенность) человека, способствующие его социализации. Патриотизм базируется на гордости достижениями своей Родины, служения ей, готовности защищать и сохранять ее интересы.

Аксиологическая значимость этого понятия как важнейшей составляющей национального самосознания для российского народа подчеркивается президентом страны В. В. Путиным: «В России не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма. Это связано с общим объединяющим началом. Если мы хотим жить лучше, нужно, чтобы страна была более привлекательной для всех граждан, более эффективной. Это и есть национальная идея» [Патриотизм – это и есть национальная идея, 02.02.2017]. Важно, что эта идея не обусловлена какой-либо идеологией и политическими постулатами.

Однако в практике социального общения фиксируется различное понимание понятий «патриотизм», «национализм», при этом разные трактовки сущностного содержания патриотического и национального вызывают дискуссии, зачастую не приводящие к консенсусу российского социума. Различия в интерпретации провоцируют политические спекуляции, межэтническую напряженность. Деление на «патриотов», «национал-патриотов» и «непатриотов» обуславливает появление сепаратистских настроений среди населения, которые зачастую усиливают существующие социальные противоречия, проявляющиеся на разных уровнях. Обусловлены эти противоречия, с одной стороны, особенностями развития системы социальных отношений в ее регионах и стране в целом и проявляются на уровне социума. С другой стороны, противоречия становления и развития отдельных социальных групп и слоев порождают неоднозначность осознания и применения этих понятий в социальной практике. Кроме того, вероятностны и внутриличност-

ные противоречия, характеризующие экзистенциальный мир человека и отражающиеся в соотношении личного и общественного.

Эти противоречия, как представляется, объясняют природу появления в социальном пространстве различных объединений, организаций, движений, в большинстве своем молодежных, информация о которых мгновенно распространяется через социальные сети. Примером может служить бренд «Боевая Русь», цели которого, на первый взгляд, патриотичны: «Боевая Русь возрождает символику и историю Руси. Впервые на российском рынке представлен отечественный бренд, реализующий продукцию для спортсменов и поклонников смешанного стиля одежды, которые чтут историю России» [Бренд «Боевая Русь»..., 02.02.2017]. Обоснование этого проекта весьма логично: рынок переполнен различными западными брендами с продукцией, насыщенной принтами с черепами и англоязычными надписями, смысл которых не понятен большинству россиян. Вместе с тем ортодоксальная ориентированность этой организации может способствовать эскалации социальной напряженности в регионах, о чем свидетельствует предотвращенная 21 марта 2015 года в г. Березниках массовая драка с участием молодежных объединений. Ряд источников приписывал инициативу «разборки» именно местной «Боевой Руси». Однако есть и другие точки зрения: «Про "Боевую Русь" источникам "Иной газеты" в Березниках известно крайне мало. Предположительно это – группировка ультранационалистической направленности» [В Березниках случился беспорядок..., 02.02.2017]. Внутриличностными противоречиями можно объяснить ситуацию с 31-летним жителем Верещагинского района Пермского края, в отношении которого в сентябре 2015 года судом вынесен приговор: признан виновным за то, что, согласно материалам дела, был «приверженцем националистических идей». Создав в социальной сети открытую группу «КОНР/РОА Русская Освободительная Армия» и разместив информацию о ней на своей персональной странице в социальной сети «ВКонтакте», он предлагал всем желающим вступить в созданную им группу [В Пермском крае..., 02.02.2017]. Необходимо подчеркнуть, что конфликтогенные факторы, имеющие видимость патриотизма, могут проявиться не только в сфере этнических отношений. Общественное противостояние может возникнуть в любой социальной сфере, о чем свидетельствует ситуация о передаче Исаакиевского собора Русской православной церкви в безвозмездное пользование с сохранением музейно-просветительских функций, которая вызвала неоднозначный общественный резонанс в январе-феврале 2017 года в г. Санкт-Петербурге.

Таким образом, современный мир обуславливает формирование патриотизма как сложного многоаспектного социального феномена, доминанта содержания которого заключается в том, что это базовый фундамент общественного и государственного обустройства России, опора ее жизнеспособности и стабильности. «К числу базовых оснований единения людей, кроме исторической памяти, смыслов и ценностей культуры, относится патриотизм» [Никольский, 2014, с. 28]. Такая трактовка этого понятия имеет глубокую историческую традицию. И идея единства российского народа как важнейшей ценности и главного смысла нашего государства, очевидно, не реализуема вне контекста патриотизма. Поэтому главная цель национальной поли-

тики – формирование гражданской нации и обеспечение гражданского согласия с учетом этнокультурного разнообразия народов и этнических групп.

Однако формирование гражданской нации и укрепление гражданского единения – сложный и продолжительный процесс с точки зрения механизмов внедрения в социальную практику: «Реальное, а не утопическое и мечтательное единство должно быть не изобретено человеческими силами, но опознано, узнано в окружающем нас мире, лишь тогда оно будет объективным» [Гнатенко, 2013, с. 107]. Очевидно, что необходимо обновление содержание социального пространства с целью формирования гражданского самосознания. Представляется, что продуктивность решения данной проблемы обусловлена рядом тенденций. С одной стороны, современными реалиями востребована актуальная рефлексия феномена патриотизма и этнического ренессанса. С другой стороны, социально значимы некие созидательные духоподъемные концепты-символы, в теоретическом и практическом плане способствующие консолидации российской нации, основанием которых может быть именно патриотизм. Одним из таких концептов стал праздник День народного единства, который отмечается в нашей стране в честь подвига ополчения Минина и Пожарского с 4 ноября 2005 года. Беспрецедентной патриотической акцией единения россиян является всероссийское движение «Бессмертный полк», символизирующее общность личного и государственного, несгибаемость духа предков и память о родных, воевавших за Родину и победивших. Пермский «Бессмертный полк» влился в эту акцию в 2013 году, в 2015 году в его колонне прошли более 30 тысяч человек, в 2016 году – около 40 тысяч человек [Бессмертный полк..., 19.01.2017].

Данные примеры позволяют сделать вывод, что при культивировании чувства патриотизма в общественном сознании необходимо учитывать его интегральную природу, включающую различные уровни. Во-первых, это знаниевый уровень: получение знаний, представлений, которые формируются за счет когнитивных навыков, то есть способностей человека к обретению информации, ее переработке, анализу за счет разных эмоциональных оценок. Поэтому второй уровень обусловлен эмоциональным состоянием личности, ее чувствами, отношением. Однако наиболее значим третий уровень – поведенческие установки человека: способность к конкретным действиям, конкретным поступкам, объединению.

Вопросы гражданского единения, которые дискутировались в различных форматах (в том числе и на всероссийских форумах национального единства в 2014–2016 годах в Пермском крае), нашли отражение в предложении президента страны В. В. Путина о проработке закона о российской нации. Также глава государства поддержал идею провести Год единства российской нации как большое знаковое консолидирующее событие для народов России [Путин, 02.02.2017]. Подобные факты свидетельствуют, во-первых, о сложности и многогранности трактовки и соотношения понятий патриотического и национального, во-вторых, о том, что проблемное поле этих категорий необходимо осмысливать не только как теоретический конструкт, но обосновывать их прагматическую государственно-правовую, социальную направленность и значимость. Критерием соотношения национального и патриотического может вы-

ступать принцип приоритетности каждого из понятий. Проблемные вопросы сущностного содержания национального и патриотического, дискутируемые сегодня, могут быть достаточно разнообразны:

- какое из понятий шире;
- есть ли у них точки соприкосновения;
- позитивное или негативное смысловое содержание они несут;
- какое значение эти понятия имеют для практики государственного и социального обустройства России, ее народов и т.д.

В этом контексте стоит акцентировать социально-философский и психологический аспекты общности этих терминов как определенных форм национального сознания, которые характеризуются рядом позиций. Во-первых, оба эти понятия проявляются отнюдь не в младенчестве, а формируются на основе осознания человеком социальных потребностей и являются продуктами этих потребностей в самореализации, принадлежности к определенному сообществу, социальной группе, а также возможности доминирования в них. Во-вторых, оба понятия имеют общие истоки – преданность и привязанность к социальной (этнической или какой-либо другой) общности. Однако в зависимости от того, как эта преданность раскрывается и преломляется в ценностных ориентациях, принципах, поведении и конкретных действиях людей, могут формироваться на основе разных социально-этических установок различные отношения в тех или иных сообществах. С одной стороны, внутригрупповые отношения могут определять солидарность, согласие, взаимоуважение и партнерство, с другой – отношения могут выстраиваться на принципах национального, этнического превосходства, конфронтации, недоверия и даже насилия, которые определяют и характер отношений с внешней средой. В-третьих, оба понятия зарождаются в сфере чувственного познания, однако их сущностное содержание может проявляться контрастно. Патриотизм – осознанное и проявляемое социальное чувство любви к своей родине, месту, где родился, привязанности к отчему дому, готовности к осознанной жертвенности в их защиту. Патриотизм рождается на положительных импульсах личности, на признании ценности этнических сообществ и самобытности культур. Национализм же чаще соотносится с проявлением эгоистических импульсов превосходства.

Кроме того, понятия национального и патриотического выполняют социальную функцию идентификации личности. Универсальным маркером (признаком) этнической, национальной принадлежности наукой признано *самоотнесение* человека к той или иной этнической группе. При этом другие признаки могут не действовать. Так, человек может фиксировать общность языка, культуры, но сам он может не осознавать эту общность и не относить себя к той или иной этнической группе. Таким образом, этническая идентификация человека происходит на субъективном уровне в рамках субъективного подхода, обоснованного Максом Вебером [Вебер, 1990, с. 346]. Этот подход, с учетом критерия самоотнесения, применим и к понятию патриотизма. Поэтому одна из его трактовок – это самоидентификация: особое эмоциональное переживание своей принадлежности к стране, к своему гражданству, языку, традициям,

отождествление себя с какой-либо своей общностью (земляки, россияне и т. д.) с учетом готовности к взаимообогащению совместно с другими сообществами.

Значимость данного подхода в том, что он не ограничивает права человека на социализацию и позиционирование себя в социуме. Вместе с тем он порождает разное толкование понятий. Ряд мыслителей трактует национализм как патриотизм. Так, в понимании отечественного мыслителя И. А. Ильина «национализм – это не проповедь национального превосходства. Национализм – это воля нации к самоутверждению. Национализм – это врожденное стремление народа сохранить свою собственную суть, свою духовно-почвенную самобытность, свою национальную культуру» [Ильин, 1996, с. 146]. В отличие от И. А. Ильина, Н. А. Бердяев, рассматривая категорию «национальность как ценность», в статье «О современном национализме» утверждает: «Национализм есть прикрытая форма эгоцентризма, гордости, и самопопроком для отдельного человека, признается добродетелью для мнения, чванства и бахвальства» [Бердяев, 19.01.2017]. Сегодня отечественными исследователями национализм (осознанное культивирование превосходства, исключительности, тщеславия) сближается с шовинизмом, при этом отмечается его негативное значение для социума: «На современном этапе развития человеческой цивилизации национализм, безусловно, не может считаться нормой, националистические настроения сегодня считаются явлением нациопатическим и свидетельствуют о том, что мы "имеем дело с социальной гиперинфантильностью"» [Баранов, 19.01.2017]. Национализм в содержательном плане сопоставим с этноцентризмом (от греч. *ethnos* – народ, *kentron* – средоточие) – убежденностью в превосходстве этнической или культурной группы, на основе которого культивируется пренебрежение, отчужденность, враждебность и агрессивность по отношению к другим сообществам.

Необходимо подчеркнуть, что содержательная многоплановость понятий патриотизма и национализма обуславливает то, что они являются объектом изучения многих общественных наук: этнологии, философии, социологии, истории, политологии, социальной психологии. Междисциплинарной проблематикой обусловлены разные подходы к изучению этих понятий, которые включают различные трактовки содержания, охватываемые проблемы, функциональное назначение, а также социально-нравственные оценки этих понятий.

Однако, несмотря на различные подходы, именно патриотизм рассматривается как мощнейший фактор интеграции, главный внутренний резерв социума, консолидирующий народы страны в единую нацию и обеспечивающий целостность и единство России. Противодействуя активизации в обществе деструктивных группировок, патриотизм содействует сохранению и взаимообогащению духовной и социокультурной самобытности народа; укрепляя духовные связи человека с его культурой, историей, обеспечивает условия для самореализации человека, его социальной ответственности, преемственности и гражданского единения поколений.

Литература

Баранов, Е. Г. Нациопатия – источник конфликтов [Электронный ресурс] / Е. Г. Баранов. – URL : http://ecsocman.hse.ru/data/386/718/1216/006_NATIONALNYE_OTNOSHENIYa.pdf. (дата обращения 19.01.2017).

Бердяев, Н. А. О современном национализме [Электронный ресурс] / Н. А. Бердяев. – URL : <http://www.odinblago.ru/sov1> (дата обращения 19.01.2017).

Бренд «Боевая Русь» возрождает символику и историю Руси! [Электронный ресурс]. – URL : <http://mmaoctagon.ru/news/boevaya-rus-vozhrodenie/> (дата обращения 02.02.2017).

В Березниках случился беспорядок. Массовый [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.beriki.ru/2015/03/23/v-bereznikakh-sluchilsya-besporjadok-massovyi> (дата обращения: 02.02.2017).

В Пермском крае осужден создатель группы «КОНР/РОА Русская Освободительная Армия» [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.sova-center.ru/racism-enophobia/news/counteraction/2015/09/d32922/> (дата обращения 02.02.2017).

Вебер, М. Избранные произведения: пер. с нем. / М. Вебер; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.

Гнатенко, Е. А. Единство народа как научная и нравственная проблема / Е. А. Гнатенко // Проблемы российского самосознания: патриотизм, гражданственность и отечественная культура. – М.; Белгород : БелГУ, 2013. – С. 107–108.

Ильин, И. А. Собрание сочинений: в 10 т. / И. А. Ильин; сост., вступит. ст. и коммент. Ю. Т. Лисицы. – М.: Русская Книга, 1993–1999. – Т. 1. Путь духовного обновления; Основы христианской культуры; Кризис безбожия. – М.: Русская книга, 1996. – 400 с.

Никольский, С. А. Современное российское самосознание, национальное единение и патриотизм / С. А. Никольский // Интегральная перспектива в гуманитарных науках. – 2014. – №1. – С. 26–34.

Путин, В. В. Патриотизм – это и есть национальная идея [Электронный ресурс] / В. В. Путин. – URL : <http://tass.ru/politika/2636647>. (дата обращения 02.02.2017).

Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 года: Указ Президента РФ № 1666 от 19.12. 2012 г.; Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 года: Указ Президента РФ от № 53712.05.2009 г. [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70339260/#ixzz2trWQCG05> (дата обращения 05.02.2017).

Толстой, П. Нужно запретить шутить над патриотизмом [Электронный ресурс] / П. Толстой. – URL: <http://www.kurer-sreda.ru/2016/11/05/260804-tolstoj-xochet-zapretit-shutit-nad-patriotizmom> (дата обращения 02.02.2017).

Дата поступления рукописи в редакцию 26.02.2017

СООТНОШЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО И ПАТРИОТИЧЕСКОГО

Для раскрытия темы статьи необходимо определить термины «религиозность» и «патриотичность». Начнем с «патриотичности». Это свойство и качество человека либо социальной группы, связанное с патриотизмом. Патриотизм же в политическом отношении состоит в любви к своему Отечеству и в верности к своему народу [Орачева, Подвинцев, 1998]. В более широком, то есть в социальном обзоре, этот термин отражает глубокую приверженность к природе, истории, обычаям, традициям и ценностям, свойственным понятию «Родина» [Тощенко, 2003а]. В рамках культурологической парадигмы патриотизм предстает в единении духовного мира граждан и социальных групп с доминирующими социокультурными ориентациями Отечества. Таким образом, понимание патриотичности зависимо от корреляции с идеологическими, философскими, мировоззренческими либо религиозными взглядами, отражая отношение граждан и социальных групп к своему Отечеству и социальному окружению.

Придерживаясь принципа объективности и пытаясь минимизировать индивидуальные, групповые, идейные и мировоззренческие предпочтения, мы не можем в обилии взглядов выделить те, которые могли бы категорично трактоваться как единственно правильные либо же совершенно неправильные выражения патриотичности. Правильнее под патриотичностью следует понимать континуум непрерывности свойств и качеств, связанных с ценностной ориентацией духовного мира личности (или социальной группы) по отношению к своей стране, державе, народу и нации. Такой континуум представлен между двумя крайними позициями. Первая являет собой культурно-политическую убежденность, опирающуюся на принципы диалога, защиту интересов и развитие своей Родины, страны и народа. В этом случае действительный патриот усматривает несовершенства в своей стране, стремится их устранить в диалоге и сотрудничестве с согражданами и властью. При этом обнажаются проблемы, рассматриваются оптимальные пути их разрешения собственными усилиями, принимаются во внимание реальные позиции и интересы других стран.

В основе другой позиции (якобы тоже патриотичной) лежит иной подход, чуждый культуре. Он исключает диалог с общественностью, критический анализ ситуации в своей стране, готовность и волю к ее совершенствованию собственными усилиями. Этот подход основан на амбициозной и воинствующей установке об исключительном превосходстве своего государства и нации над другими государствами и нациями. Такая установка провоцирует неприязнь и презрение в отношении иных этносов и стран, порождает уверенность в праве на осуществление собствен-

ной этнической и государственной политики за счет чьих-то других национальных интересов. За видимостью патриотичности здесь камуфлируется и претворяется в жизнь махровый шовинизм [Тощенко, 2003б].

Теперь обратимся к термину «религиозность». Этот термин в социологии и культурологии используется для обозначения меры воздействия религиозных ценностей, сакрального предмета веры на сознание (как на уровне индивида, так и на уровне социальной группы). Чем сильнее такое влияние, тем сильнее религиозность [Элбакян, 2008; Хоруженко, 1997]. Опираясь на мнение выдающегося российского мыслителя, историка религии А. Меня, укажем на две крайности: открытая и закрытая формы религиозности. «Открытая форма религиозности» – это свободное, гуманное воздействие религиозных ценностей на сознание. Ей присущи терпимость, восприимчивость, чуткость к иным традициям, уважение к личности, диалог с миром и людьми, поиски общечеловеческого единства. «Закрытая религиозность» оказывает косное, унижающее влияние на человека либо социальную группу. Приверженцы закрытой формы религиозности везде возводят ментальные стены и баррикады, представляя себя духовными пограничниками, которым везде мерещатся ереси, секты, уклоны, сатанизм [Мень, 2008].

Как становится ясно из данных определений, позитивное соотношение религиозности и патриотизма возможно, если национальные, гражданско-патриотические идеи, организации, символы и традиции поддерживаются религиозными институтами и воспринимаются верующими в качестве законных и приемлемых ценностей. На наш взгляд, патриотическая позиция традиционных отечественных конфессий весьма способствует реализации гражданского единения россиян. Впрочем, и подавляющее большинство приверженцев так называемых «новых религий» не сомневаются в законности и приемлемости отечественных гражданско-политических установлений. Крайнее исключение составляет мировоззренческая позиция конфессии Свидетели Иеговы, в которой национально-государственные идеи, символы, знаковые формы, организации и другие российские политические реалии воспринимаются приверженцами конфессии как противоречащие сакральным ценностям и объектам веры. Такая позиция наталкивается на резкое осуждение со стороны патриотической общественности.

Наиболее глубокое соотношение религиозности и патриотичности имеет место в социоцентрических религиях, сакрализирующих социальные объекты. К социоцентрическим исповеданиям можно отнести культы государства, вождя, народа, этноса и др. В структуре этих религий сложилась система социоцентрической сакрализации, которая формирует религиозные ценности. В эту систему входят:

- 1) сумма священных для данного общества базовых идей (идеология);
- 2) психологические приемы и средства убеждения приверженцев в безусловной истинности этих идей;
- 3) специфичные знаковые формы воплощения святынь, сакраментальных и враждебных символов;
- 4) особая организация (например, правящая партия);
- 5) специальные практические действия, обряды и церемонии (культ) [Пивоваров, 2015].

Яркий образец социоцентрической религии описан американским социологом Робертом Беллой на примере так называемых «гражданской религии» США. Особенностью таковой выступает единство ценностных ориентаций в социокультурной области, общность политических идеалов при сохранении плюралистического разнообразия вероучений, культовой практики и организационных форм деятельности. При этом Р. Белла говорил о гражданской религии не в виде единообразия вероучений и культовой практики, а в качестве единого измерения религиозной жизни и согласованной основы единства общества, когда гражданская религия выступает в качестве основы государственных ритуалов и обрядности [Белла, 2014].

Но корреляция религиозности и патриотичности наблюдается не только в социоцентрических религиях, соотношение таковых проявляется и в государственно-конфессиональных отношениях. Существует шесть моделей таких отношений. В трех из них соотношение религиозности и патриотичности обязательно присутствует.

Симфония конфессии и властей: отношения, где конфессия и государство выступают в обоюдное сотрудничество, взаимно поддерживают друг друга и взаимно несут ответственность, без вторжения одной стороны в сферу исключительной компетенции другой. Здесь конфессия претендует на роль величайшей национальной святыни.

Теократия: общественно-государственное устройство, когда единственным принципом управления выступают религиозные догматы, каноны и мораль.

Государственная религия, где конфессия выступает в качестве государственного института наравне с другими светскими институтами власти. В данной модели государственно-конфессиональных отношений религиозные ценности совмещаются с этактистскими («этат» (фран.) – государство), формируя синкретическое религиозно-этактистское мировоззрение.

В остальных трех моделях государственно-конфессиональных отношений корреляция религиозности и патриотичности зависит от личной позиции гражданина.

В модели, когда **конфессия пребывает вне закона**, некоторая корреляция религиозности и патриотичности может существовать только в случае, если в вероучении есть установка на принятие любой власти. Так, в христианском Новом Завете содержатся наиздания апостола Павла: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены». Поэтому даже в исторических ситуациях, когда христианство выступало не угодной для власти религией, можно было наблюдать проявления патриотизма со стороны граждан, приверженных христианству.

В модели, когда **конфессиональный институт выступает как корпорация публичного права**, она получает возможность на формирование публичного права. Так, конфессиональное вероучение в государственных школах преподается за счет казны, а самой конфессии позволено производить регистрацию гражданственных состояний, с последователей вероучения взимаются налоги на содержание конфессии и др. В такой модели государственно-конфессиональных отношений корреляции религиозности и патриотичности возможна в том случае, когда этот выбор осуществляет сам последователь конфессии.

Аналогичная ситуация отношения личности к патриотичности и религиозности имеет место и в модели *отделения религии от государства*, которая предполагает обоюдное невмешательство религии и государства в дела друг друга [Цыпин, 2002].

В заключение констатируем, что в зависимости от описанных нами полюса патриотичности (культурно-политический или шовинистический) и формы религиозности (открытая или закрытая) корреляция религиозности и патриотичности формируется в разнообразные типы взаимоотношений между гражданами и в отношении между государствами, народностями и нациями. Диапазон этих взаимоотношений широк – от политической толерантности до агрессивного этноконфессионального фундаментализма. И только в ситуации диалога можно достичь определенной совместной цели. Ведь диалог, являясь особой формой коммуникации, создает ситуацию, в которую вступают два разные, свободные субъекта. Признавая друг друга равными и будучи уверенными в том, что другая сторона не будет воздействовать силовыми, административными методами. В диалоге стороны не стараются достичь или породить истину, как это происходит в процессе агрессивного спора. Диалог направлен на достижения цели путем совместного содействия, сотворчества в производстве духовных, культурных, социальных и политических норм.

Литература

Белла, Р. Гражданская религия в Америке / Р. Белла; пер. с англ. С.Б. Веселовой, В.А. Егорова // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2014. – Т. 15. – Вып. 3. – С. 162–182.

Мень, А. Трудный путь к диалогу / А. Мень. – М. : ИД «Жизнь с Богом», 2008. – С. 60–61.

Орачева, О. И. Политическая мысль в терминах и лицах: учеб.-метод. пособие / О. И. Орачева, О. Б. Подвинцев. – Пермь: Перм. ун-т; Зап.-урал. ин-т экономики и права, 1998. – С. 174–175.

Пивоваров, Д. В. Социоцентрические религии: монография / Д. В. Пивоваров. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 137 с.

Тощенко, Ж. Т. Социология. Общий курс / Ж. Т. Тощенко. – М. : Юрайт-Издат, 2003а. – 511 с.

Тощенко, Ж. Т. Этнократия: История и современность. Социологические очерки / Т. Ж. Тощенко. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003б. – 432 с.

Хоруженко К. М. Культурология: энциклопедический словарь / К. М. Хоруженко. – Ростов-н/Д. : Изд-во «Феникс», 1997. – 639 с.

Цыпин, В. Курс церковного права / В. Цыпин. – Клин: Изд-во фонда «Христианская жизнь», 2002. – 703 с.

Элбакян, Е. С. Религиозность / Е. С. Элбакян // Энциклопедия религий / под ред. А. П. Забияко, А. Н. Красникова, Е. С. Элбакян. – М. : Академический проект; Гаудеамус, 2008. – 1065 с.

Дата поступления рукописи в редакцию 24.02.2017

УДК 32.019.5

И. В. Пащак

ЦЕННОСТИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ В ГРАЖДАНСКОМ ЕДИНЕНИИ

В условиях современного информационного, техногенного общества решающую роль будут играть духовные (ментальные) ценности, продуцируемые духовной культурой, в частности философией, моралью, наукой, религией и правом. Духовные ценности – это фундамент, стержень отечественной культуры, которые поддерживают и сохраняют консолидацию, жизнеспособность, устойчивость социального «организма». На наш взгляд, к традиционным, особенно разделяемым российской культурой ценностям, следует отнести доброжелательность, совестливость, терпеливость, чувство достоинства, милосердие, стремление к свободе, правде и справедливости, любовь и преданность к Отечеству. По нашему убеждению, четкое представление об этих ценностях, выкристаллизованное в соответствующие моральные принципы и следование им – это залог не только нравственного здоровья, но также и выживания в глобализующемся мире, в «эпохе смятения» (термин выдающегося философа Х. Ортега-и-Гассета).

Но мы вынуждены считаться и с тем, что в постсоветском обществе стали господствовать рыночные отношения, его атмосферу пронизывает дух меркантилизма и делячества, и многое измеряется критериями экономической или материальной выгоды. Самые престижные и востребованные профессии сейчас – это не врач, педагог или космонавт, а менеджер, маркетолог, бизнесмен или банкир. К сожалению, в постсоветском обществе довольно распространено поклонение тому, что именуется «золотым тельцом». Ситуация, конечно, не случайна, она является одним из следствий рыночной экспансии в нашу экономику и в другие сферы жизни постсоветской России.

Но подлинный россиянин, воспитанный на возвышающих ценностях отечественной культуры, ощущает себя не столько участником рыночных отношений, покупателем или заурядным потребителем, сколько, в первую очередь, именно гражданином-патриотом. Бесспорно, материальные факторы и ценности важны, игнорировать их невозможно, однако приоритетное погружение в них, принятие принципа утилитаризма (примата выгоды или материальной пользы) подавляют личность и отчуждают в ней бесценные духовно-нравственные начала. Истинная личность в своем моральном выборе отдает приоритет духовным ценностям, опасаясь безликого, серого существования, лишённого полноценного бытия в культурном и прогрессирую-

щем социуме. Выдающийся психолог и философ Э. Фромм в сочинении «Иметь или быть?» констатирует: «Модель нового общества должна включать в себя требования к созданию неотчужденного индивида, ориентированного на бытие, а не на обладание» [Фромм, 2016, с. 265].

Начальное приобщение к духовным ценностям формируется в лоне семьи. Однако ориентация на полноценное бытие требует осознанного приобщения самой личности к стержневым, общечеловеческим духовным ценностям. Тому чрезвычайно способствует налаженная в обществе система нравственно-патриотического просвещения и воспитания, свободного от навязчивости и понуждения. Предметное освоение и научное постижение духовных ценностей осуществляется в средней и высшей школе. Особую функцию и почетную привилегию в формировании мировоззрения и приобщения к духовным ценностям следует, на наш взгляд, отдать таким предметам, как философия, история, этика, эстетика и культурология. Именно эти гуманитарные дисциплины закладывают необходимый духовный, моральный и культурный фундамент молодым людям, вступающим во взрослую жизнь.

У Ортеги-и-Гассета есть труд с говорящим названием «Почему мы вновь пришли к философии?». Труд был написан в первой половине XX столетия, но он чрезвычайно актуален и сегодня, поскольку современная эпоха породила великое множество сложнейших духовных, мировоззренческих и социальных проблем, требующих нового, особенно углубленного научного осмысления. В другом труде «Тема нашего времени» этот философ отмечает: «В итоге создаваемая ныне наука есть магический кристалл, в который нужно заглянуть, чтобы увидеть отблеск будущего... Наше поколение, если оно не хочет повернуться спиной к собственной судьбе, должно ориентироваться на общий характер современной науки, а не сосредотачиваться на внешней политике, являющейся анахронизмом и простым резонансом умирающего мироощущения. От сегодняшней мысли зависит завтрашняя жизнь на площадях» [Ортега-и-Гассет, 1991, с. 11–12].

Вышеупомянутые духовные ценности отечественной культуры способны быть надежными скрепами, для столь необходимого единения российских граждан. Культурная политика государства, поддерживая и защищая наши духовные ценности, активно содействует консолидации общества и выступает действенной альтернативой проявлениям националистической отчужденности и эгоистического индивидуализма. Прочная консолидация постсоветского общества нуждается в диалоге и тесном взаимодействии общественности и власти, в стимулировании социально-творческой инициативы соотечественников, поддержании их тесного гражданского сотрудничества. В то же время культурная политика должна оперативно противостоять иногда возникающим в обществе деструктивно-экстремистским проявлениям, а также негативным вызовам глобализации.

Духовные ценности, помимо своего просветительского и воспитательного предназначения, способствуют и «самоочищению» культуры. Их успешное функционирование предотвращает меркантилизм, «дегуманизацию общества», потерю уважения к правам, свободам и достоинству сограждан. Что способно противостоять

меркантилизму? Разумеется, этому противостоянию активно способствуют истинная человечность, толерантность и милосердие. Однако в наибольшей мере разобщенности и «дегуманизации общества» противостоят гражданственность и патриотическая мужественность.

Эти качества, по нашему глубокому убеждению, органически присущи российской нации и вошли в ее менталитет. В подтверждение этой убежденности нужно обратиться к отечественной истории. Она, разумеется, не знает сослагательного наклонения. Были в отечественной истории темные страницы (как и у каждой страны!) и страницы прославленные. Историческая необразованность просто опасна в современном мире. В течение многих войн, когда на карту были поставлена независимость, целостность страны, а то и просто физическое существование России, наш народ проявлял настоящий героизм, мужество, стойкость. Историческими испытаниями для Отчизны были монгольское нашествие, Отечественная война 1812 года и, в особенности, Великая Отечественная война. Примем во внимание, что побеждая в войнах, Россия зачастую спасала от порабощения многие другие народы. При этом русским людям в самые суровые годы лишений не были чужды милосердие, сострадательность, великодушные даже по отношению к противнику (например, к мирному населению Германии в годы Великой Отечественной войны).

Названные моральные, ментальные качества россиян ныне им особенно необходимы в отношениях к внешнему миру, другим народам в условиях мирового кризиса, террористических угроз, глобальных вызовов. Однако цивилизованный мир в последние десятилетия столкнулся с нашествием безумной, бесчеловечной, в сущности – звериной жестокости в лице террористических организаций, среди которых наиболее чудовищен Россией запрещенный так называемый «ИГИЛ». С террористами совершенно неприемлемы какие-либо диалоги и конвенции, в отношении них необходимо вести войну до победного конца. Успешная и справедливая карающая политика нашего государства по отношению к террористам отвечает требованиям защиты духовных ценностей и критериям патриотической мужественности, органически присущей нашему народу.

Литература

Ивлиев, Г. П. Культурная политика и развитие законодательства о культуре в РФ / Г. П. Ивлиев. – М., 2012. – 240 с.

Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет. – М., 2001. – 509 с.

Ортега-и-Гассет, Х. Почему мы вновь пришли к философии? / Х. Ортега-и-Гассет. – М., 1997. – 464 с.

Ортега-и-Гассет, Х. Тема нашего времени / Х. Ортега-и-Гассет // Самосознание европейской культуры XX века. – М., 1991. – С. 265–267.

Фромм, Э. Иметь или быть? / Э. Фромм. – М., 2016. – 320 с.

Дата поступления рукописи в редакцию 21.02.2017

УДК 130.2

С. Г. Дюкин

РОССИЙСКОЕ ИЛИ РУССКОЕ: О ПРОБЛЕМЕ НАЦИИ И ЭТНОСА

Одним из залогов устойчивого и гармоничного развития страны может являться стабильная этнонациональная ситуация. Речь идет об уравновешенном соотношении этнической и национальной идентичностей в культурном пространстве данного общества. Подобная ситуация не является проблемной в гомогенном социуме, где этническое и национальное самосознание совпадают (в полной мере в современном государстве такая ситуация невозможна). В полиэтничной же среде установление гармонии между *этнокультурными* и *национальными* проявлениями становится проблематичным процессом в любом случае. В отдельных вариантах, к каковым относится Россия, выстраивание идеального соотношения между обозначенными категориями выглядит заведомо невозможным, и всякие очередные попытки решения данного вопроса словно превращаются не более, чем в риторические упражнения. Однако при детальном рассмотрении положения дел ситуация выглядит следующим образом.

Первым уровнем данной проблемы может стать ментальная неопределенность социума, возникающая вследствие терминологической неопределенности в рамках обозначенной проблемы. В отечественной традиции нормой стала взаимозаменяемость понятий *этнического* и *национального*. Мало того, термин «*национальность*» и его производные еще с советского времени превратились в официальные обозначения любых этнокультурных проявлений. Достаточно ярким примером этого служит наличие графы под названием «*Национальность*» в паспорте советского образца, в которой предполагалось вписывание этнической идентичности гражданина, обязательно связанной с его происхождением.

Подобная путаница способна внести серьезный дисбаланс в структуру идентичности человека. В такой ситуации этническое самосознание (татарин, удмурт, калмык, и т.д.) вытесняет национальную идентичность (россиянин). При этом субъект официального дискурса обращается к населению как к россиянам, что вызывает определенное недоумение, термин «россияне» начинает восприниматься как один из элементов государственного канцелярита. «Я, честно говоря, ни разу не задумывался, почему говорят: “россияне”. Это что-то еще от Ельцина. Я знаю, что я русский, ну и все. Ну, еще другие в России живут. И пусть живут. Остальное мне не интересно», –

делится своими соображениями на сей счет респондент Владимир (журналист, 41 год), подчеркивая активную индифферентность в отношении различия этнонациональной терминологии [Интервью № 1].

Таким образом, обозначение нации становится дисфункциональным. Термин «россияне» превращается в избыточный в рамках дискурса *этнического и национального*. По сути места для нации, в конечном счете, не остается. В этих условиях ее нишу начинают занимать этнические образования. В особенности этот процесс проявляется там, где этносы связаны с сильным самосознанием (народы Северного Кавказа, татары, башкиры), либо с определенной территориально-культурной изоляцией (народы Северного Кавказа, калмыки, тувинцы, народы Алтая и т. д.).

Появление на месте нации многочисленных этносов пребывает в состоянии перманентной диалектической взаимозависимости с фактором этничности российского самосознания. Речь идет о важности для россиян этнонационального измерения социальной реальности. «Конечно, я знаю, кто какой национальности из моих знакомых или коллег. Спрашивать, разумеется, не спрашиваю. Это же неприлично. Но про себя обязательно отмечаю: кто русский, а кто нет, ну, скажем, татарин, или еврей, или армянин. Только не подумайте, что я потом к ним как-нибудь по-разному отношусь. Нет», – говорит один из респондентов (Александр, дизайнер, 43 года) [Интервью № 2], обозначая обыденную этническую идентификацию объекта. Если учесть, что этническая принадлежность под маской национальности указывалась в советских паспортах, то традиция ставить на человека идентификационный штамп вряд ли подлежит вырождению и забвению в ближайшее время.

Проблема обостряется на теоретическом уровне, когда в дискурс современных этнических отношений проникают идеи советской официальной этнологии. С точки зрения главы этой школы, покойного академика Ю. Бромлея, нацией называется любой этнос, находящийся на современной стадии развития [Бромлей, 1983]. Если принять данную теоретическую установку, то на статус нации может претендовать целый ряд этносов, проживающих в России и имеющих собственные территориально-административные образования. В этом случае, проблема соотношения *этнокультурного* и *национального* вообще превращается в неразрешимую и постоянно усугубляющуюся, поскольку наций в таком случае становится все больше и больше. Актуальность данного предостережения основана на инерционном характере советской этнологии, идеи которой имплицитно продолжают проявляться в сегодняшних учебных программах и, отчасти, в научных текстах по обсуждаемой проблематике.

Обострение проблемы нелинейного соотношения этноса и нации в российских условиях происходит за счет полиэтничного и многоконфессионального характера российского общества, что само по себе влечет за собой множество противоречивых последствий. При этом данный факт является своеобразной «маркой» страны, способом ее позиционирования на мировой арене. Многонациональность как центральная сущностная характеристика России введена в преамбулу текста Конституции РФ.

Однако необходимо заметить, что и в этом случае происходит замещение этноса нацией, что не оставляет места для единого русского народа. В аспекте преамбулы Конституции Россия превращается в государство без нации.

Путаница вокруг данных понятий отчасти связана с относительно мирной ситуацией в аспекте потенциального этнического национализма. Подобное понятие не актуально для России (исключения составляют сепаратистские движения на Северном Кавказе и отдельные проявления сепаратизма в Татарстане (в основном при администрации М. Шаймиева), лишённые собственно этнической риторики). Русский национализм, по В. С. Малахову, сконцентрирован, главным образом, на противостоянии России и внешнего мира [Малахов, 2006]. Таким образом, собственно утверждает очевидность существования нации на базе понятия *русскости*.

Положительным аспектом существования не малых, но именно русской нации (на этнической базе) может быть воспринят властный дискурс, сформировавшийся, в частности, вокруг обсуждения принципов законопроекта «О русской нации». Одним из краеугольных оснований формирующегося вокруг этого проекта нарратива стало также соотношение *этнического* и *национального*. В рамках обильной публицистической риторики на сей счёт последняя категория подменяется понятием *общественно-политического*. В ряде же случаев рассуждения об основаниях русской нации натываются на параллели с советской общностью [«О русской нации»..., 23.02.2017]. Однако стоит признать, что соотношение между советской нацией и этносами, входившими в её состав, было более гармоничным и «прозрачным», поскольку понятие «*советская общность*», в отличие от «*россияне*», не имело этнической матрицы.

Степень единства нации на сегодня представляет собой дискуссионный вопрос. С одной стороны, по мнению некоторых разработчиков закона «О русской нации», её единство не представляет проблемы [Городецкая, 2016]. С другой стороны, даже те усилия, которые прилагаются на официальном уровне к данной теме, свидетельствуют о нерешённости проблемы. Контраргументом в отношении оптимистичных заявлений о сформированности русской нации является дискурс, связанный с неравномерностью экономического, социального и культурного пространства страны.

Такая неупорядоченность форм идентификации притягивает к себе обострённую конфликтность. Это обусловлено тем, что проблемы, коренящиеся в социальной сфере, часто получают форму этнических. Актуальные социально-экономические и политические противоречия влияют на порождение этнокультурных конфликтов в большей степени, нежели негативная историческая традиция. Иначе говоря, сами этносы становятся своеобразными «заложниками» универсально-антропологических сбоев, в процессах оформления социальных интересов и реальных социальных групп. По словам В. Амелина, «в силу полиэтничного состава населения бывшего СССР и нынешних новых государств, любой внутренний конфликт приобретает этни-

ческую окраску» [Амелин, 23.02.2017]. Согласно ряду теоретических установок, не только в полиэтничном обществе, но в любом, в том числе самом гомогенном социуме, всякие этнокультурные противоречия есть отражение различий социальных интересов. В данном аспекте актуализируется теоретическая концепция Э. Балибара и Э. Валлерстайна, согласно которой за этносом в любом конфликте стоит тот или иной класс [Балибар, Валлерстайн, 2004]. Актуальность подобной неоднозначной теоретической позиции в отношении российских реалий усиливается за счет неоднородности социального пространства страны. Имеются в виду различия в уровне экономического развития и в уровне жизни между отдельными территориями, которые в ряде случаев связаны с определенными народами. Например, на разных полюсах развития находятся столичные регионы, связанные преимущественно с русским населением (а также Татарстан и Башкортостан), а с другой же стороны, финно-угорские регионы Поволжья и Урала, Тыва и Алтай. Социально-экономическая поляризация чревата формированием противостояний в самосознании этносов. Катализатором этой ситуации при национальной идентификации населения может выступить отсутствие у того или иного этноса очевидно собственного объекта территории.

Один из путей преодоления этой ситуации, в которой на этническую карту экстраполируется различие социальных интересов, связан с переориентацией внимания на обобщающую идентичность, то есть частичная замена этнической идентичности национальным самосознанием. Речь идет о дихотомии гражданской нации и этнокультурной общности (в нашем случае, совокупности таких общностей), в законченном виде обозначенной В. А. Тишковым [Тишков, 2003]. В контексте сегодняшней властной риторики данная идея оформляется как «необходимость развития гражданско-патриотического единения». Речь в таком случае, безусловно, идет о частичном отчуждении этнического самосознания в пользу общенационального, что необходимо для формирования социума, построенного на принципах единения и взаимного согласия. Примеры подобной национально-культурной политики демонстрируют США и, в особенности, Франция, где всякое этнокультурное разнообразие является уделом сугубо приватной сферы.

В ряде случаев мы сталкиваемся с противоположной ситуацией. Народ может по сути отказаться от собственной идентичности, что чревато потерей его социокультурного лица, утратой ценностей и размыванием семиотической структуры, которая обеспечивает неповторимость и узнаваемость общности. Нередко в российском политическом и культурном дискурсе высказывается мысль об отрицательном коэффициенте самосознания собственно русского этноса, который утрачивает свою сущность, будучи крупнейшим и центрообразующим народом внутри российской нации. Об этом же сказано и в самой федеральной целевой программе укрепления единства российской нации. В качестве одной из ключевых проблем в ней выделено «сложное социокультурное самочувствие русского народа, неудовлетворенность его этнокультурных потребностей» [Федеральная целевая программа..., 23.02.2017].

Д. Драгунский говорит об этом так: «Институты русской идентичности весьма слабы и неопределенны... Русское “я” прилипает к чему попало, с готовностью образуя национальное “мы”» [Драгунский, 23.02.2017]. Речь по сути идет о том, что русское этническое начало полностью поглощается российской национальной сущностью и в результате утрачивается. Аналогичная ситуация существовала в дореволюционной Российской империи, где русский народ воспринимался как субъект империи, хотя *de facto* таковым не являлся и в результате в этническом бытии ему отказывалось. То же самое происходило в СССР, где русский народ уравнивался с советской общностью, в результате теряя свою уникальность. Опасность данной ситуации видится нам в том, что, не имея своей этнической базы, крупнейшая общность в рамках российской нации не способна в полной мере обрести идентичность национального уровня, поскольку последняя возникает исключительно, имея под собой этническое самосознание.

При этом очевидным фактом является неизбежность ассимиляции, которая в рамках заявленной риторики представляется крайне нежелательным процессом, следствием ошибок и недоработок. Ради предотвращения ассимиляции этносам предлагается определенный спектр возможностей для сохранения собственной идентичности. Одна из таких возможностей – создание и сохранение территориально-административных единиц, закрепляемых за этносами. Сам по себе факт включения этнонима в политический тезаурус государства уже сам по себе способен играть огромную роль в воссоздании и ретрансляции этнической идентичности. С другой стороны, перед государством и обществом возникает большой ряд трудноразрешимых вопросов о том, как в условиях такого разнообразия сформировать целостный организм и установить гармонию во взаимоотношениях народов и конфессий.

Одним из определяющих направлений внутренней политики, направленной на поддержание гармонии в условиях разнообразия, является необходимость формировать позитивное социально-экономическое и гражданское состояние Российской Федерации, обеспечивать реальное удовлетворение прав, свобод, материальных, культурных и духовных запросов россиян. По сути речь идет о том, что подлинная этнокультурная и конфессиональная гармония возможна лишь в социуме, ориентированном на всестороннее развитие человека, которому предоставлен максимум возможностей для самореализации. Материальные проблемы, негативный социальный фон, гражданское бесправие порождают дисбаланс интересов и возможностей, что, в свою очередь, провоцирует этноконфессиональные конфликты.

Нередко в качестве условия жизнеспособности русской (впрочем, равно как и российской) идентичности обозначается наличие идеологического стержня, нейтрализующего этноконфессиональные противоречия. Прототипом подобной ситуации может служить советская идеология, на основе которой, в течение долгого времени коммунистической партии удавалось сдерживать потенциальные конфликты в мультикультурном обществе. Однако в силу несостоятельности самой имперской системы ак-

туализация разного рода социальных проблем в конце 80-х годов привела Советскую империю к коллапсу (в том числе и к этнокультурному коллапсу). Жизнестойкость идеологии в современных условиях может, очевидно, быть построена на высоком правовом сознании россиян, на их четком понимании стратегического курса государства. Разумеется, речь идет не об обязательном и всеобщем одобрении решений действующей власти, которое формируется на основе традиционно-харизматической легитимности власти, но о высокой степени политической культуры.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о роли исторической памяти в гармонизации этнонациональных отношений. Очевидно то, что выстраивание самосознания исключительно на основе ретроградной семиотики (за счет обращения к историческим фактам и именам) носит пагубный характер и, в конечном счете, размывает национальную идентичность. Помимо опасности, которую несет за собой идентичность ретроградного типа, она же является показателем определенной дисфункциональности. Иначе говоря, народ без настоящего вынужден искать свою сущность в прошлом. В связи с этим Э. Хобсбаум пишет: «Допустим, что прошлое невосстановимо, – тогда пристанищем для него или нее оказываются этническая принадлежность и религия, по отдельности или в союзе друг с другом» [Хобсбаум, 2002, с. 340]. Во избежание симуляции социального начала на основе этнорелигиозной жизни, необходима стимуляция постоянного каждодневного участия граждан в делах общества. В противном случае, обращаясь исключительно к символике, действующей на мифологизированные пласты сознания, люди вовлекаются в идеи, служащие базой для экстремистских проявлений. Речь идет о воинствующем национализме, шовинизме, расизме.

Базируясь на мифологической картине мира, обозначенные типы праворадикальной идеологии возникают и распространяются в случае действия социально-культурных индикаторов, влияющих на подсознательные пласты сознания. «Рост национального самосознания можно представить как защитную реакцию на стандартизацию социальной жизни», – пишет Д. Н. Батырев, анализируя современную ситуацию в сфере этнокультурной идентичности [Батырев, 2011, с. 4]. Противовесом обозначенной ситуации должно стать осознание людьми своего стремления к единению нации, основанное на своеобразном «расколдовывании» этнической и религиозной принадлежности. Именно данный фактор способен обеспечить долговременность установки на единение и, как следствие, социальный мир, возникающий в условиях существования устойчивой нации.

Литература

Амелин, В. Этнополитические конфликты: типы и формы проявления, региональные особенности [Электронный ресурс] / В. Амелин. – URL : <http://credonew.ru/content/view/46/54/> (дата обращения 23.02.2017).

Балибар, Э. Раса, нация, класс / Э. Балибар, И. Валлерстайн. – М. : Логос, 2004. – 288 с.

Батырев, Д. Н. Проблема национальной идентичности в глобализирующемся мире: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Д. Н. Батырев. – Ростов-н/Д., 2009. – 196 с.

Бромлей, Ю. В. Очерки теории этноса / Ю. В. Бромлей. – М. : Наука, 1983. – 418 с.

Городецкая, Н. Закон о российской нации спускают на региональный уровень / Н. Городецкая // Коммерсант. – 2016. – 16 декабря.

Драгунский, Д.К. Особенности национального проектирования [Электронный ресурс] / Д. К. Драгунский. – URL : <http://users.kaluga.ru/kosmorama/dragunsky.html> (дата обращения 23.02.2017).

Интервью № 1. Из архива автора.

Интервью № 2. Из архива автора.

Малахов, В. С. Современный русский национализм / В.С. Малахов // Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений. – М. : Некоммерческий фонд «Наследие Евразии», 2006. – С. 141–157.

О «российской нации», русском народе и межнациональном согласии // Россия сегодня [Электронный ресурс]. – URL : <https://ria.ru/analytics/20161102/1480543704.html> (дата обращения 23.02.2017)/

Тишков, В. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии / В. Тишков. – М. : Наука, 2003. – 544 с.

Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этно-культурное развитие народов России (2014–2020 гг.): постановление № 718 от 20 августа 2013 г. [Электронный ресурс] – URL : <http://government.ru/media/files/41d4862001ad2a4e5359.pdf> (дата обращения 23.02.2017).

Хобсбаум, Э. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе / Э. Хобсбаум // Нации и национализм. – М. : Логос, 2002. – С. 332–346.

Дата поступления рукописи в редакцию 04.03.2017

УДК 070

Г. В. Куличкина

РУССКИЙ ЯЗЫК В СМИ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ¹

В условиях мультиэтнического и мультиязыкового российского общества актуален вопрос о роли русского языка в укреплении межнациональных отношений и создании гармоничной межкультурной среды. За последние годы на эту тему было высказано немало важных и глубоких суждений. Стоит отметить: анализ роли русского языка в реализации современной национальной политики, осуществленный Р. Г. Абдулатиповым и В. А. Михайловым [Судьбы народов России в XXI веке: Стратегия национальной государственной политики, 2013]; вопросы сохранения, использования и распространения русского языка как языка межнационального общения в рамках глобального мира от Атлантики до Тихого океана, поставленные К. И. Косачевым, И. М.-С. Умахановым, А. Г. Коваленко, В. М. Шаклеиным [Русский язык между Европой и Азией, 2013]; в определении места русского языка и культуры как в традиционном пространстве народов России, так и в мировом культурном пространстве в трудах И. В. Кондакова [Кондаков, 2014, с. 51–63]; проблемы сохранения и воспроизводства русской культурной доминанты в условиях российской полиэтнической цивилизации, раскрывающиеся Е. А. Маляновым [Малянов, 2014, с. 105–114].

В связи с принятием Стратегии государственной национальной политики и актуализацией дискуссий о фундаменте российской идентичности появилась волна новых исследований русской речи в современных отечественных СМИ. Среди них можно выделить: анализ следующих аспектов функционирования языка в СМИ: русская речь как жизненная ценность в речевой практике СМИ [Коньков, 2011, с. 280]; речевая агрессия в публичном диалоге СМИ [Арутюнова, 2015, с. 87]; общенациональный культурно-речевой идеал в иноязычной среде [Васильева, 2014, с. 337–338]. Однако проблема русского языка в СМИ как средства межнациональной коммуникации в полиэтничном регионе освещена в науке недостаточно.

Региональные СМИ полиэтничных регионов опираются на русский язык, среди прочего, и как на язык межэтнической коммуникации между представителями многочисленных этносов, проживающих на его территории. Выполняется важнейшая функция гражданского единения разных народов вокруг значимой для всех информации политического, экономического, социального характера. Кроме региональных СМИ, на полиэтничной территории существуют районные СМИ. Они, чтобы быть вос-

© Куличкина Г. В., 2017

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ (№16–14–59007 «Локальный медиадискурс: перспективы оптимизации информационно-коммуникативных процессов»).

требуемыми, учитывают этническую специфику поселений, где проживает их целевая аудитория. Поэтому районные СМИ для информационного обслуживания компактно заселенных этнических групп на территории распространения газеты используют, порой, и русский, и национальный язык.

Межнациональная коммуникация с помощью русского языка наблюдается в этнических СМИ региональных национальных общественных организаций. Этнические СМИ создаются как информационная площадка, объединяющая этнос в его национально-культурной идентичности. И одним из средств для достижения этой цели является национальный язык. Но одновременно национальным сообществам, живущим в русской языковой среде, оказывается нужен русский язык для того, чтобы их общественно полезной деятельности знали другие этнические группы, проживающие в регионе. Публичная положительная информация способна гасить вспышки вражды националистически настроенных индивидов.

В рамках проекта кафедры журналистики и массовых коммуникаций Пермского университета (ПГНИУ) по изучению локального медиадискурса за 2015–2016 годы был осуществлен анализ роли русского языка как инструмента СМИ в межнациональной коммуникации районных газет и газет национальных общественных объединений Пермского края. Важность данного исследования обусловлена была тем, что в Пермском регионе по переписи населения 2010 года проживают представители 146 этносов. Из них в список десяти наиболее многочисленных входят русские, татары, коми-пермяки, башкиры, удмурты, украинцы, белорусы, немцы, азербайджанцы и армяне.

Пермский край принадлежит к группе полиэтничных регионов, таких как Оренбуржье, Татарстан, Башкортостан, где на протяжении постсоветского периода успешно реализуется информационная политика гармонизации национальных отношений и межнациональной коммуникации в СМИ. Кроме того, Пермь в 2013–2016 годах стала международной и всероссийской площадкой для осмысления проблем гражданского единения в России, роли русского языка в диалоге культур. Здесь были проведены масштабные всероссийские форумы-диалоги, направленные на укрепление патриотизма и гражданской идентичности, в которых приняли участие представители 50 регионов страны.

Всего в Пермском крае сегодня выпускается 70 массовых общественно-полиэтнических районных газет, из них 18 (26 %) распространяются в полиэтничных поселениях и целенаправленно системно освещают проблематику межнациональных отношений. Среди них популярные у населения (с пятью этническими группами совместного проживания и более) газеты «Тан-Рассвет» Бардинского района, «Парма – Лес» Кудымкарского района, «Верный путь» Ординского района, «Маяк Приуралья» Чернушинского района, «Новая жизнь» Суксунского района, «Искра» Кунгурского района, «Осинское Прикамье» Осинского района. Из 18 газет выпускаются на национальном языке 4 газеты (6 %), двуязычие используют 5 газет (7 %), русский язык с использованием иноязычной лексики и транслитерации – 9 газет (10 %).

В регионе всего 25 национальных общественных организаций (<http://www.etnoperm.ru/natsionalnye-tsentry.html>) Из них имеют свои газеты 5 ор-

ганизаций: Национальная культурная автономия татар («Халык чишмэсэ – чистый родник» на татарском языке), Курултай башкир («Пермь Башкорттары – Пермские башкиры», русский и татарский языки), Коми-пермяцкий культурный центр («Кама Кытшын – В окружении Камы», коми-пермяцкий язык), Пермская региональная еврейская национально-культурная автономия («Йом-Йом – День за днем», русский язык с элементами еврейского на транслите), Центр армянской культуры («Ноев ковчег армян Пермского края», русский язык). Газеты распространяются на национальных и межнациональных краевых праздниках, на форумах и Круглых столах, других межнациональных встречах на уровне региона и Федерации.

Как видим, большинство журналистских коллективов районных газет и газет национальных общественных объединений (всего 23 редакции) считают русский язык одним из основных средств информационно-коммуникативной деятельности. Очень важно, что из 23 редакций в 20 русский язык является для корреспондентов родным языком. В трех – родным является татарский (газета «Тан» – «Рассвет»), башкирский (газета «Пермь Башкорттары – Пермские башкиры»), коми-пермяцкий («Кама Кытшын» – поселение Барда). Но журналисты этих редакций, как правило, хорошо владеют русской устной и письменной речью. Существует одна особенная редакция, в которой объединены русскоговорящие евреи, рожденные в России, в русской языковой среде и которые начали изучать еврейский язык в 1990-е годы (газета «День за днем» Пермской еврейской национально-культурной автономии). Для них естественным языком является русский, а еврейский пока освоен как иностранный. Выбранные СМИ объединяет единая информационная политика и системная деятельность, направленная на гармонизацию межнациональных отношений в полиэтничном социуме. Исследование показало, что во всех изданиях можно выделить три парадигмы текстов – жанровую, функционально-стилевую и тематическую. Но наиболее значимой для межнациональной коммуникации является тематическая парадигма текста.

Анализ тематической парадигмы русских текстов выявил следующие языковые средства, которые способствуют межнациональной коммуникации. Во-первых, это *слова и словосочетания обобщенного плана, обозначающие основные элементы национальной самобытности*: народные традиции, народные праздники, народные песни и пляски, народный дух, древние религиозные традиции, духовные идеалы, преданья старины глубокой, мастера и мастерицы, национальное блюдо, национальная кухня, национальные костюмы, бабушкины посиделки, народный календарь. Межнациональная коммуникация в текстах с помощью подобной лексики осуществляется легко и просто, так как она отсылает сознание читателей к структурным позициям народной традиционной культуры, традиционных конфессий, что для всех этносов имеет непреходящую ценность.

Другой пример межнациональной коммуникации, когда в тематической парадигме русского текста появляются *слова иноязычного происхождения*, представленные в русской орфографии *без разъяснения их семантики*. Например, в еврейской

газете «Йом-йом – День за днем» (см. вып 108, 2016 год) в конце текстов часто встречается напутствие «Мазл тов!» Или в заголовке «сталкиваются» два иноязычных слова «Шалом красоты» (таково название новой программы в пермской синагоге. Подобное столкновение лексики разных языков принципиально для СМИ полиэтничных регионов. Представители этнической журналистики (в данном случае еврейской) с помощью языковых средств эвоцируют во внетекстовую действительность собственную национальную идентичность. Заявляется значимость этнической культуры, которая в советское время была под «подозрением», в андеграунде общей культурной ситуации. Вкрапления необъясненной иноязычной лексики привлекают внимание русскоязычного читателя и заставляет его увидеть и услышать национальное своеобразие в языковой реальности публичной сферы.

Третий способ межнациональной коммуникации – *расширение словарного запаса русского языка в СМИ* с помощью слов, отражающих новые явления современности, дают районные массовые общественно-политические издания. Типичный пример дает газета «Осинское Прикамье» (№4 от 19.01.2016 года). На первой полосе большое место уделено публикации Татьяны Еловиковой под заголовком «Прославляя пророка Мухаммада» с большим фото, на котором представители районной власти и Духовного правления мусульман Пермского края. Мы видим в светской русской газете большое количество слов из профессионального лексикона: соборная мечеть, праздник Маулид Байрам, день рождения основоположника ислама, посланника Аллаха пророка Мухаммада, Священное писание мусульман, пятничный намаз, хазрат (почетное обращение перед именем священнослужителя). Журналист сообщает, что праздник прошел с поздравлением главы Осинского района, представителей общественного центра татар и башкир Осинского района. Сказано и о том, что мечеть стала центром национальной культуры и религии в районе. Появление в русской газете с традициями советской партийной печати («Осинское Прикамье») публикации религиозной семантики демонстрирует современную толерантность и миролюбивость диалога властей и граждан района с мусульманской общиной.

Четвертый способ межнациональной коммуникации – это использование в публикациях словесных средств выразительности русского языка, с помощью которых воссоздается *картина единства национальных миров*. Таков репортаж Татьяны Южаковой «Праздник земли и солнца» в газете «Верный путь» Ординского района (№28 от 14.06.2016 года). Репортаж написан по следам события регионального значения из Октябрьского района – краевом празднике «Сабантуй». Репортеру дан подзаголовок «Сабантуй стал межнациональным праздником, который отмечают весело и ярко». Автор привела выразительные факты: на Сабантуй приехали «не только татары и башкиры, но марийцы, удмурты, русские»; «85 лет отмечает район, где татары, башкиры и русские живут в мире и согласии». В тексте используется татарская лексика: батыр, мечеть, чак-чак, борьба кореш; русские слова: праздник, конные скачки, березовый веник, обереги; интернациональная лексика: «мисс татарочка», «ЛУКОЙЛ-ПЕРМЬ», инвестирование, проект, грант.

Для создания единства национальных миров также возможно *использование эмоционально-оценочной лексики и метафор*. В газете «Йом-йом – День за днем» на первой полосе опубликована заметка «Автобус дружбы и добра» Т. В. Соснович (вып. 107, 2016 год). Заголовок метафоричен, отражает смысл текста. В нем рассказывается о просветительской экскурсии пермских школьников по улицам Перми, которые названы именами представителей разных национальностей. Приведены факты: тематическая встреча с руководителями национально-культурных объединений Перми: немецкой, грузинской, еврейской, польской; презентация буклета о Свердловском районе Перми; «Татьяна Ивановна испекла немецкий пирог». Используются эмоционально-оценочные лексические средства: «насыщенная и интересная поездка», «все рассказывали захватывающе», «вкусные угощения и добрые пожелания». Подобный пример дает русскоязычная газета «Парма» Кудымкарского района в публикации «Русский остров, границы твои велики» (№13 от 02.04.2015 года). В ней повествуется об открытии Центра русской культуры в поселке Юрла. Поселок находится в Коми-округе, но является русским по количеству проживающего там населения. Сообщается, что «русский остров», метафора Центра русской культуры в Юрле, – это «прекрасная возможность громко заявить о своей уникальной культуре, в которой переплелись традиции коми-пермяков и русской культуры».

Итак, анализ межнациональной коммуникации в районных газетах и газетах региональных национальных общественных организаций Пермского края привел к следующим выводам. Далекое не у всех районных газет в современной информационной повестке дня значится проблематика межнациональных отношений (в Пермском крае из 70 только у 18). Это свидетельствует о том, что далеко не все СМИ понимают актуальность общественного контроля за состоянием межнационального общения в российском обществе. До сих пор остается низким (5 СМИ из 25) осуществление информационно-коммуникативной деятельности краевых национальных общественных объединений полиэтничного региона.

Исследование тематической парадигмы текстов на русском языке региональных и районных печатных изданиях выявило немало способов организации межнациональной коммуникации с помощью языковых средств. Среди них стоит рекомендовать журналистам при создании текстов такие, как: употребление слов и словосочетаний обобщенного плана, обозначающих основные элементы национальной самобытности; слова иноязычного происхождения, представленные в русской орфографии без разъяснения их семантики; расширение словарного запаса русского языка в СМИ с помощью слов, отражающих новые явления современности; воссоздание картины единства национальных миров; использование эмоционально-оценочной лексики и метафор. Совокупность этих средств русского языка в текстах СМИ в полной мере позволит современным медиа содействовать реализации гражданского единения россиян.

Литература

Абдулатипов, Р. Г. Судьбы народов России в XXI веке: Стратегия национальной государственной политики: научно-методические основания разработки и реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации / Р. Г. Абдулатипов, В. А. Михайлов. – Махачкала : Изд. дом «Эпоха», 2013. – С. 81–109.

Арутюнова, Е. А. Проблема агрессии в публицистическом дискурсе // Журналистика в 2014 году: СМИ как фактор общественного диалога: сб. материалов международной науч.-практ. конф. – М. : Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2015. – С. 87.

Васильева, В. В. Общациональный культурно-речевой идеал в иноязычной среде // Журналистика в 2013 году: регионы в российском медиапространстве. сб. материалов международной науч.-практ. конф. – М. : Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2014. – С. 337–338.

Коваленко, А. Г. О защите позиций русского языка в современном мире / А. Г. Коваленко, В. М. Шаклеин // Русский язык между Европой и Азией: сборник статей / под ред. А. В. Фоменко. – М. : ЛЕНАНД, 2013. – С. 60–71.

Кондаков, И. В. Глобалитет Русского мира в диалоге культур / И. В. Кондаков // Русский язык в диалоге культур : сб. ст. / под ред. А. А. Климова и А. В. Фоменко. – М. : ЛЕНАНД, 2014. – С. 51–63.

Коньков, В. И. Русская речь как жизненная ценность в речевой практике СМИ / В. И. Коньков // Журналистика в 2011 году: ценности современного общества и СМИ: сб. материалов международной науч.-практ. конф. – М. : Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2012. – С. 280.

Косачев, И. К. Русский язык на постсоветском пространстве и в мире / И. К. Косачев // Русский язык между Европой и Азией: сб. ст. / под ред. А. В. Фоменко. – М. : ЛЕНАНД, 2013. – С. 12–24.

Малянов, Е. А. Русская культурная доминанта: проблема сохранения и воспроизводства в условиях российской полиэтнической цивилизации / Е. А. Малянов // Проблемы укрепления единства российской нации: материалы всерос. науч.-практ. конф.: в 2 ч. / отв. ред. С. А. Никольский, М. Г. Писманик; Перм. гос. акад. искусства и культуры. – Пермь, 2014. – Ч. 1. – С. 105–114.

Умаханов, И. М.-С. Русский язык и культура как инструмент гармонизации межнациональных отношений / И. М.-С. Умаханов // Русский язык между Европой и Азией: сборник статей / под ред. А. В. Фоменко. – М. : ЛЕНАНД, 2013. – С. 25–33.

Дата поступления рукописи в редакцию 06.03.2017

УДК 347.471 (=511.132)

Т. Г. Голева

УКРЕПЛЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ЕДИНСТВА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО НАРОДА

Проблемы гражданского единения представителей любого народа на территории Российской Федерации связаны с двумя, на первый взгляд, противоречивыми процессами. С одной стороны, как граждане одного государства – представители разных народов интегрируются в единую нацию, что должно предполагать появление общих для всех идейных, языковых и культурных компонентов, возможность общения без учета этнических маркеров и границ. С другой стороны, этническое единство требует сохранения этнической идентичности, традиционных ценностей народа и развития их культуры. Конечно, наилучший вариант развития событий тот, когда развитие этноса не противоречит укреплению нации, а способствует ее культурному обогащению и установлению положительной межэтнической коммуникации, что требует осознанных и грамотных действий политиков и общества. В настоящей статье в дополнении к статье предыдущей [Голева, 2014] попытаемся проанализировать некоторые современные процессы, связанные с проблемами укрепления гражданского единства представителей коми-пермяцкого народа.

Представители коми-пермяцкого народа, по нашим наблюдениям и исследованиям коллег, достаточно хорошо интегрированы в региональное полиэтническое пермское сообщество. Многовековое соседское проживание коми-пермяков с русским населением было исключительно мирным и сопровождалось взаимным проникновением культур [Чагин, 1995, с. 292–313]. Чувство общности коми-пермяков с русскими и другими народами России проявляется, в частности, в устойчивых выражениях. Некоторые элементы культуры коми-пермяки воспринимаются одновременно как свои и как русские или общероссийские, например, «русская печь», «русская пляска», «русская вера». Согласно приведенным нами в предыдущей статье результатам исследования, «большее число коми-пермяков предпочитает, чтобы за рубежом их воспринимали как граждан России (49 %), а в повседневной жизни – как представителей региона (41 %) или как граждан страны (34 %), нежели как представителей этноса» [Голева, 2014, с. 61–62]. Это свидетельствует о приоритете государственной и общенациональной идентичности у представителей нашего народа.

На наш взгляд, проблем интеграции коми-пермяков в российское сообщество в идейном плане нет. Но проблемы возможны при установлении непосредственно межкультурного диалога в случаях непонимания или по другим причинам.

В процессе межкультурной коммуникации важным для укрепления единства народа является сохранение этнической идентичности: не растворение в полиэтническом пространстве российской нации, а выражение своей этнической самобытности и активной позиции. Несмотря на то что данный вопрос еще слабо изучен, а при оценке социальной активности населения России редко уделяется внимание его этнической принадлежности, все же воз можно привести некоторые примеры сохранения этничности коми-пермяков и стремления поддерживать свою народную культуру за пределами их этнической территории. Так, итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. показали, что коми-пермяки, мигрировавшие в разные года и в другие регионы России, продолжают определять себя по этнической принадлежности. Представители народа отмечались в 86 субъектах РФ, наиболее крупные группы – в Тюменской области (3397 чел.), Ханты-Мансийском автономном округе (2704 чел.), Свердловской области (1897 чел.), Ростовской области (1811 чел.), Республике Коми (1118 чел.) и Краснодарском крае (1095 чел.) [Население по национальности..., 2002]. Выражение интереса к родному народу и его культуре на отдаленных от малой родины территориях проявляется в организации деятельности землячеств и общественных центров, которые действуют в г. Перми, Москве, Сыктывкаре (см.: [Голева, Черных, 2016, с. 54–60]).

Другим примером активной гражданской и этнокультурной позиции коми-пермяков в общероссийском масштабе является поддержание финно-угорского общества. На ментальном уровне общение с родственными по языку народами кажется более легким и доверительным, чем с титульным народом, а также с иными этносами, с которыми у коми-пермяков исторически не было тесных контактов. Сближение финно-угорских народов обусловлено наличием общих культурных основ схожих проблем и интересов. Включенность в финно-угорское сообщество на современном этапе позволяет представителям народа шире взглянуть на свою гражданскую роль и потенциальную деятельность в рамках своей страны и мира. В основном общение происходит на межкультурных финно-угорских мероприятиях, на финно-угорских конгрессах и посредством отдельных акций. К примеру, в Кочевском районе уже три года подряд 21 сентября краевед и педагог Василий Иванович Гагарин организует участие в финно-угорской акции «Костер предков», во время которой разжигаются памятные костры на значимых культурно-исторических местах [Чуватова, 2016]. На наш взгляд, опыт коммуникации с родственными народами для коми-пермяков имеет исключительно положительное значение, он, с одной стороны, позволяет развиваться конструктивному межкультурному диалогу, с другой стороны, дает примеры и мотивы для активизации собственной деятельности.

Интеграция коми-пермяков и поддержание своей этничности на региональном уровне имеет более выгодные условия, чем на общероссийском, в связи с тем, что коми-пермяки являются коренным и одним из наиболее многочисленных народов Пермского края (по численности населения коми-пермяки занимают 3-е место). Несмотря на это, среди народа продолжают происходить ассимиляционные и другие деструктивные процессы. Согласно этнологическим теориям, этнос выделяется (или его пред-

ставители выделяют себя) среди остальных по определенным признакам, или маркерам [Итс, 1991, с. 82–95; Тишков, 2003, с. 61]. Для коми-пермяков одним из важных маркеров остается этническая территория – Коми-Пермяцкий округ, который имеет особый административный статус. Единство территории, как ничто другое, сплачивает население. Если в прошлом, при традиционной культуре, достаточным было определение границ проживания, то в настоящее время большое значение имеет социально-экономическое развитие территории, ее возможности для обеспечения потребностей, профессиональной и творческой реализации населения, что является условием формирования позитивного отношения к родной земле. Несмотря на старания местных властей в социально-экономическом развитии округа сохраняется много проблем, в частности, это недостаточное обеспечение медицинской помощью, плохие дороги, безработица и т. д. Следствием этого является отток населения, слабая коммуникация с внешним миром. Для решения данных проблем, безусловно, необходимы финансовые вливания и продуманная социально-экономическая политика.

Другим значимым маркером для народа является родной язык. По сравнению с прошлыми годами язык используется меньшим числом носителей. Тем не менее коми-пермяцкий язык продолжает преподаваться в некоторых школах на территории округа и на филологическом факультете Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Издаются литература на родном языке, проводятся мероприятия, которые способствуют популяризации языка. Одна из последних новых акций была приурочена ко Дню коми-пермяцкого языка (17 февраля 2017 года), это «Всеобщий диктант по коми-пермяцкому языку», который проходил на многочисленных площадках округа и за его пределами.

Вместе с поддержанием языка позитивные процессы наблюдаются и в поддержании этнокультурных традиций, это и народные праздники, и народное ремесло, музыкальное творчество, хореография и др. Если судить по нашим наблюдениям, то данная деятельность заинтересовывает население и меняет его отношение к народному наследию от негативного или нейтрального в сторону позитивного. Для более точной оценки данных изменений в обществе необходимо проведение специальных социологических исследований.

Отметим, что поддержание языка и этнокультурных традиций невозможно без передачи знаний молодым поколениям, поэтому одним из неперенных условий поддержания этничности является включение в систему образования этнокультурного содержания.

Для любого общества важными моментами единения становятся праздники или памятные даты. Отчасти в народном календаре коми-пермяков такую объединяющую роль имеет поминальный четверг на Троицкой неделе – Семик. Что же касается современных дат, вполне возможно, что данную функцию обретет День коми-пермяцкого языка, так как мероприятия, приуроченные к этой дате, уже соединяют часть народа. Этот праздник еще молодой (учрежден в 2010 году), но ежегодно отмечается и уже охватывает большую часть населения. Думаем, что со временем, у него появятся свои традиции и для многих представителей народа он станет важной датой в календаре.

Основным объединяющим мотивом для общества всегда являются интересы или значимые идеи. Поддержание какой-либо общей идейности коми-пермяками не наблюдается, впрочем, таковую сложно выделить и в целом для российского общества. Тогда как объединение и деятельность по интересам на локальном уровне присутствует. В данном случае имеется в виду такая деятельность, которая служит не только личным целям, но и местному населению в целом. Нам известны некоторые подобные примеры. Например, проведение совместного субботника по уборке на кладбище (с. Архангельское Юсьвинского района), сбор средств и строительство часовни (д. Чазево Косинского района), сохранение предметов старины и создание небольших музеев (в разных районах округа). Подобные небольшие по своим масштабам дела являются реальными формами выражения единства местного населения и вносят большой вклад в развитие территории и национальной культуры.

Итак, по рассмотренным примерам, можно сделать следующий вывод: для укрепления гражданского единства представителей коми-пермяцкого народа на современном этапе значимым является социально-экономическое развитие территории Коми-Пермяцкого округа, включение этнокультурного содержания в образование, сохранение языка, поддержание этнокультурного развития и гражданских инициатив, обеспечение активного участия представителей народа в региональных и российских мероприятиях. Отметим, что в статье были рассмотрены лишь некоторые примеры гражданского единства представителей коми-пермяцкого народа и названы отдельные наиболее важные условия по его укреплению.

Литература

Голева, Т. Г. Проблемы формирования гражданского единения у представителей коми-пермяцкого народа / Т. Г. Голева // Проблемы укрепления единства российской нации: в 2 ч. – Пермь, 2014. – Ч. 2. – С. 56–63.

Голева, Т. Г. Коми-пермяки Перми: история и культура / Т. Г. Голева, А. В. Черных. – Пермь : Изд-во «Маматов», 2016. – 64 с.

Итс, В. Ф. Введение в этнографию / В. Ф. Итс. – Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1991. – 168 с.

Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс] // Всероссийская перепись населения 2002 г. – URL : <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (дата обращения 02.03.2017).

Тишков В. А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии / В. А. Тишков. – М. : Наука, 2003. – 544 с.

Чагин, Г. Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVII – первой половине XIX века / Г. Н. Чагин. – Пермь : Изд-во Пермского университета, 1995. – 364 с.

Чуватова, К. На древнем городище в Коми-Пермяцком округе зажгут огонь памяти [Электронный ресурс] / К. Чуватова. – URL : http://59.ru/text/newsline/21307759_7601792-print.html (дата обращения 02.03.2017).

Дата поступления рукописи в редакцию 05.03.2017

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ СЕТИ ИНТЕРНЕТ В ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЕ¹

Интернет – уникальное явление не только с технологической точки зрения. Сеть перевернула наше представление о публичном пространстве, его границах и доступе к нему. Если ранее доступ к такому пространству сосредотачивался у интеллектуальной элиты и представителей власти, то сегодня каждый человек, имеющий доступ к Сети, вне зависимости от своих характеристик и способности к формированию информационного контента, может найти свою аудиторию. Представители интеллектуальной элиты могут потеряться в массе «рядовых» интернет-пользователей. В современном информационном пространстве массы не только потребляют, но и производят и распространяют информацию. Интернет предоставляет возможность высказаться всем, кто подключается к Сети. На мой взгляд, это одна из самых важных особенностей Интернета, которая позволяет идентифицировать его как инструмент, способный выйти из-под контроля и привести к непредсказуемым или как минимум сложно прогнозируемым последствиям его использования.

Часто внимание исследователей и широкой общественности акцентируется на такой характерологической особенности Интернета, как аксиологическая амбивалентность. Интернет оценивается как положительное явление, поскольку ускоряет и облегчает коммуникацию, позволяет гражданам реализовывать свободу слова, способствует конструированию единого образовательного пространства и т.д. Однако существуют и негативные последствия массового использования интернет-технологий: интернет-зависимость, кибертерроризм, кибербуллинг и др. Можно предположить, что такая амбивалентность не является сущностной характеристикой Интернета, поскольку цели применения интернет-технологий выбираются пользователями. Тем не менее эту характеристику удобно использовать в качестве аналитического приема в исследованиях роли сети Интернет в формировании гражданского единения современных россиян.

Позитивная аксиологическая модальность. Интернет как арсенал единения

Интернет является ресурсом, способным в значительной степени удовлетворить потребность в единении, присущую современным россиянам. Информационно-

© Коваль Е. А., 2017

¹ При финансовой поддержке РГНФ (15-03-00414).

коммуникационные площадки позволяют привлекать большое количество людей к подаче письменных обращений в органы власти и должностным лицам; развивать и реализовывать социальные проекты; повышать квалификацию и образовательный статус, используя дистанционные образовательные технологии; популяризировать малые бизнес-проекты; оперативно получать информацию об общественных слушаниях по вопросам, затрагивающим права и свободы граждан, объединять единомышленников, проживающих в разных регионах РФ и в разных странах мира, и т.д.

Условием гражданского единения является социальное доверие. Степень доверия к информации, получаемой через сеть Интернет, часто бывает довольно высокой, поскольку разнообразие источников обеспечивает пользователю возможность выбора объема и содержания потребляемой информации. Например, новостные сообщения, размещенные на ресурсах *meduza.io* и *lenta.ru*, формируют очень разные представления о политической, культурной, социальной ситуации в России и мире. Пользователь может делать выбор в пользу определенной картины мира, транслируемой конкретным интернет-СМИ, а может использовать разные ресурсы, сопоставляя многочисленные точки зрения на одну и ту же проблему и делая свои выводы. Однако такого рода деятельность требует от пользователя большого объема временных и интеллектуальных ресурсов, которые доступны не каждому. Поэтому получение новостной информации из Интернета не гарантирует «чистоты» этой информации от пропагандистских влияний и манипулятивного воздействия на сознание пользователя. В. Д. Соловей отмечает, что «мнение о том, что Интернет является сферой информационной демократии, а традиционные СМИ – сферой информационного монополизма, ошибочно» [Соловей, 2015, с. 26].

Однако и при низкой степени доверия открытость сети Интернет предоставляет пользователям практически неограниченные возможности получения больших объемов информации. Тотальная цензура в Сети если и возможна, то крайне сложна в реализации. Свободное выражение мнений и допуск к различным дискуссиям создает в интернет-пространстве условия, близкие к идеальной речевой ситуации, описываемой Ю. Хабермасом [Habermas, 1984]. Согласно В. Л. Лехциеру, «в современных коммуникациях важно, что я ГОВОРЮ, а не ЧТО я говорю» [Лехциер, 2014, с. 42]. Таким образом, Интернет помогает в определенной степени решить не только проблемы доступа к информации и публичным дискуссиям, но и актуальную проблему признания.

Важнейшим элементом гражданского общества являются некоммерческие организации (НКО), которые сегодня широко представлены в сети Интернет. Если в 90-е годы НКО, как правило, осуществляли в Сети самопрезентацию, то сегодня они нацелены на использование интернет-технологий для взаимодействия с целевыми группами, партнерами, волонтерами, меценатами и т.д. Согласно А. Е. Белянцеву и А. В. Лымар, «интернет-технологии представляют возможности для объединения НКО в сетевые структуры, тем самым соединяя усилия организаций сектора путем максимально эффективного использования потенциала Всемирной паутины» [Белянцев, Лымар, 2012,

с. 286]. Социальные проекты, реализуемые сетевыми структурами, становятся более масштабными; граждане, обладающие различными интересами, убеждениями, социальными статусами объединяются для решения той или иной социальной проблемы, используя институциональные возможности НКО, а также возможности Сети (например, участие в форме пожертвования на реализацию социального проекта путем осуществления денежного перевода «онлайн»).

Еще один концептуальный элемент гражданского общества – проявление гражданской инициативы в нормативной сфере. Интернет-технологии позволяют реализовывать проекты, в рамках которых граждане имеют возможность повлиять на содержание правовых норм, регламентирующих ту или иную сферу жизнедеятельности. Так, на сайте goi.ru (Российская общественная инициатива) пользователям предоставлена возможность разместить свою общественную инициативу или проголосовать уже за опубликованную. Инициатива, набравшая определенное число голосов, передается на рассмотрение в экспертную рабочую группу федерального, регионального или муниципального уровня. Таким образом, каждый гражданин имеет возможность повлиять на социальное и экономическое развитие страны или конкретного региона либо муниципалитета, а также внести конструктивные предложения в целях усовершенствования системы государственного и муниципального управления. Это – одно из проявлений так называемой цифровой (сетевой, электронной) демократии, которая принципиально отличается и от античной, и от представительной демократии.

Развитие данного явления основано на возможностях информационно-коммуникационных технологий. Сегодня в Сети присутствуют не только граждане, но и представители власти, в частности, государственные и муниципальные служащие. С одной стороны, это способствует быстрому обмену информацией между властью и населением, позволяет повысить эффективность решения проблем, оказания государственных и муниципальных услуг. С другой стороны, в ряде случаев поведение чиновников в Сети приводит, наоборот, к снижению доверия населения к органам власти. Например, резкую критику пользователей вызвала переписка в Твиттере Главы администрации Щелковского района А. Валова. На вопрос гражданина, возмущенного неисправностью очистных сооружений, о том, когда в городе перестанет неприятно пахнуть, Валов ответил: «Как только Вы помоеетесь» [Валов, 05.02.2017]. Однако, несмотря на многочисленность примеров такого рода, очень сложно отрицать тот факт, что сегодня уровень политической активности масс повышается и во многом за счет инструментов, предоставляемых Сетью. Граждане имеют возможность объединяться в виртуальном пространстве не только по интересам, для организации совместного досуга или профессиональной деятельности, но и для принятия участия в решении актуальных социальных, политических, экономических вопросов.

Негативная аксиологическая модальность.

Деструктивные потенции Интернета

Интернет – практически бесконечный источник информации. Но наряду с полезной информацией пользователи могут получать через Сеть и информационный мусор. Речь идет не только о спаме и иных формах навязчивой рекламы. Ряд исследователей [Дружилов, 2013; Nelsen, 2003; Orman, 1984] пишут о таком феномене, как информационное загрязнение. Информационное загрязнение препятствует установлению сетевой демократии, сетевому развитию социально ориентированных проектов и в целом гражданскому единению. Потоки «лишней» информации, отвлекающей человека от продуктивной деятельности, или, более того, оказывающие на него негативное влияние, поступают не только через Сеть. Однако особо высокая степень загрязненности Интернета обусловлена масштабами информационных потоков, транслируемых в Сети.

Интернет может использоваться как инструмент непризнания, становясь площадкой для такой негативной деятельности, как кибербуллинг, троллинг и др. Однако еще больший урон гражданскому единению наносит распространение террористической и экстремистской идеологии через сеть Интернет. Сетевая структура Интернета используется экстремистами, а органы государственной власти построены по принципу иерархии. В результате возникают системные затруднения при организации противодействия распространению экстремистской идеологии при помощи Сети. В настоящее время Интернет позволяет использовать не только социальные сети, которые поддаются мониторингу, но и защищенные мессенджеры (Telegram, Whatsapp, Viber), каналы коммуникации, в которых пользователи могут обмениваться любой информацией, в том числе подготавливать и организовывать преступления, распространять соответствующую идеологию, вербовать новичков.

Интернет сегодня является пространством, в котором ведутся самые напряженные битвы информационной войны. Информационную войну можно определить как «...информационное взаимодействие в публичном пространстве, направленное и/или приводящее к наступлению негативных, разрушительных последствий для субъектов этого взаимодействия, которыми могут быть индивиды, группы индивидов, организации, государства, международное сообщество. Результатом информационной войны всегда является дискредитация существующей системы норм и ценностных установок субъектов и, прежде всего, нравственных норм» [Жадунова, Коваль, 2016, с. 79]. Разумеется, Интернет – не единственное поле боя. Можно предположить, что вся медиареальность сегодня вовлечена в войну. Однако Интернет представляет наибольшее количество возможностей для ведения информационных боев, проработки новых тактических приемов и стратегических действий.

Интернет изначально задумывался как инструмент сохранения оборонной системы США в случае ядерной войны. Идея о том, что коммуникационная сеть «не должна иметь никакого центрального органа управления» и быть «с самого начала рассчитанной на то, чтобы функционировать, пребывая в развалинах», – была сфор-

мулирована специалистами RAND Corporation, в частности, Полом Барроном в 1964 году по заданию правительства США [Рашкофф, 2003]. А в 1991 году Тим Бернерс-Ли уже написал первую программу обмена гипертекстом NeXTStep, и его проект WWW был успешно интегрирован в американский Интернет.

Современная информационная война по своим масштабам и приемам существенно превзошла пропагандистские технологии, используемые в период «холодной войны». Сегодня Интернет представляет собой практически идеальное пространство для различных дискурсов, но культура публичных дискуссий остается низкой (холивуд, риторика ненависти и др.). Оппоненты, начиная от ведущих политиков до домохозяек, прибегают к оскорблениям и угрозам. Вместо «серой массы», которая не рефлексировала относительно своего состояния, Интернет конституирует «серую массу», уверенную в своих интеллектуальных компетенциях, часто не способную к продуктивному диалогу и агрессивную.

Участвовать в информационной войне в роли солдата сегодня можно даже не осознавая этого. Достаточно, например, сделать репост непроверенной информации фактологического характера, имея при этом самые положительные намерения. Так, большое количество мирных граждан удалось вовлечь в боевые информационные действия лицам, запустившим в социальных сетях листовку, в которой предлагалось репостить сообщение о том, что в Россию посланы 18 террористов-смертников, планирующих совершить теракты в крупных торговых центрах в связи с действиями России в Сирии. Люди, желая предупредить знакомых и родных, распространяли по сетям вредоносное сообщение, сея панику и тем самым помогая террористам. Парадоксальным образом желание выполнить гражданский долг – предупредить как можно больше людей о возможной опасности – обернулось участием в информационной войне на стороне лиц, всячески препятствующих гражданскому единению.

Когда мы не имеем действенных механизмов для проверки информации на достоверность, снижается степень доверия не только к информации, но и к ее источнику. Все знать невозможно, поэтому мы ориентируемся на мнение авторитетов, экспертов. Однако от имени эксперта в Сети вполне может выступать дилетант, прикрываясь чужим статусом и опытом. При этом пользователи далеко не всегда проверяют достоверность информации и ее источника. В. Д. Соловей полагает, что это связано с таким феноменом, как когнитивные искажения [Соловей, 2015]. Поскольку смысловая проблематика требует больших энергетических затрат, люди часто нуждаются в готовой картине мира. Мы не только не сопротивляемся манипуляциям и пропагандистским воздействиям, но и ощущаем в них потребность.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Интернет одновременно является и пространством свободы, и пространством войны, целью которой является не победа, а тотальное разрушение. Определенным преимуществом Сети перед телевидением и другими источниками информации является сосуществование одновременно нескольких конкурирующих картин мира. Данное явление препятствует единению

нию граждан вокруг общих целей и ценностей. Ограничение публичных дискуссий относительно содержания ценностно-нормативного пространства, в котором функционирует общество, как минимум исключение из дискуссий субъектов, распространяющих экстремистскую и террористическую идеологию, кибербуллеров, троллей и т.п., может способствовать гражданскому единению. Однако в Интернете ограничение публичных дебатов по ценностно-нормативным вопросам существенно осложняется, что обусловлено структурой Сети.

Выводы

Причинами киборгизации молодежи, разобщенности граждан, роста социального недоверия не являются интернет-технологии сами по себе. Амбивалентен не инструмент, а человек, его применяющий. Интернет не может быть добрым или злым, полезным или бесполезным. Все зависит от пользователя – человека. Поэтому представляется необходимым актуализировать вопрос о нравственных ограничениях деятельности пользователей Сети (принцип предосторожности, принцип непричинения вреда, практика малых дел, золотое и алмазное правило морали и др.).

Интернет часто называют инструментом пропаганды, однако он одновременно является и инструментом ее разрушения. Позитивные ценности дискредитируются в бесконечных холиварах, но и антиценности (например, экстремистские убеждения) не могут получить единогласного одобрения.

На мой взгляд, в настоящее время Интернет – это, скорее, инструмент дезинтеграции общества; процессы в Сети похожи на процессы в химической системе, протекающие по принципу Ле-Шателье: если внешнее воздействие направлено на равновесную систему, внутри начинаются процессы противодействия этому воздействию.

В доинтернетовскую эпоху в России публичное пространство было жестко структурировано. Применялась цензура, подавлялась свобода слова. Это повлекло за собой возникновение структур, институтов, процессов, которые в итоге привели к началу эпохи гласности. Появление Интернета в России совпало с эпохой практически неограниченной свободы, когда контроль государства в ряде сфер общественной жизни был минимальным. По принципу Ле-Шателье усилилась потребность в контроле, социальном порядке. Сегодня активно обсуждается необходимость мониторинга социальных сетей спецслужбами с целью противодействия распространению экстремистской и террористической идеологии. Возникают острые публичные дискуссии о возможности цензуры в искусстве. Вводятся элементы цензуры в отношении государственных и муниципальных служащих, которые с 2017 года должны предоставлять сведения не только о доходах, расходах и обязательствах имущественного характера, но и о своих интернет-аккаунтах.

Для достижения должной степени гражданского единения очень важно вовремя остановиться, удержать равновесие, чтобы маятник не качнулся в сторону гиперконтроля информационного пространства и принудительной интеграции общества.

Литература

Белянцев, А. Е. Интернет-пространство как фактор модернизации институтов гражданского общества / А. Е. Белянцев, А. В. Лымар // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2012. – № 6–1. С. 284–288.

Валов, А. «Плохо пахнет в городе? А вы помойтесь» [Электронный ресурс] / А. Валов. – URL: https://twitter.com/aleks_valoff/status/578596174069891072 (дата обращения 05.02.2017).

Дружилов, С. А. «Загрязненность» информационной среды и проблемы психологического здоровья личности / С. А. Дружилов // Психологические науки. – 2013. – № 4. – С. 89–92.

Жадунова, Н. В. Солдат информационной войны: десубстантивация и пределы моральной аргументации / Н. В. Жадунова, Е. А. Коваль // Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования. – 2016. – № 3 (35). – С. 77–83.

Лехциер, В. Л. Вступление в разговор : заметки о коммуникативном признании / В. Л. Лехциер // Вестник СамГУ. – 2014. – № 5 (116). – С. 37–44.

Рашкофф, Д. Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание [Электронный ресурс] / Д. Рашкофф. – URL: <http://e-libra.ru/books/139312-mediavirus.html> (дата обращения 05.02.2017).

Соловей, В. Д. Абсолютное оружие. Основы психологической войны и медиаманипулирования / В. Д. Соловей. – М.: Эксмо, 2015. – 320 с.

Habermas, J. Vorstudien und Ergdnzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns / J. Habermas. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1984. – 605 s.

Nelsen, J. Information pollution [Electronic resource] / J. Nelsen. – URL: <http://www.nngroup.com/articles/information-pollution> (дата обращения 18.01.2017).

Orman, L. Fighting information pollution with decision support systems / L. Orman // Journal of MIS. – 1984. – Vol. 1, № 2. – P. 64–71.

Дата поступления рукописи в редакцию 24.02.2017

УДК 274/278

Д. В. Горюнов

НОВЫЕ МИССИОНЕРСКИЕ ПРАКТИКИ РЕЛИГИОЗНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «СВИДЕТЕЛИ ИЕГОВЫ»

На данный момент в Перми насчитывается 11 собраний религиозного объединения «Свидетели Иеговы» (далее РОСИ), на которых собирается около 1100–1200 иеговистов, по Пермскому краю приблизительно насчитывается 800 человек.

Основная деятельность РОСИ – это миссионерская работа всех верующих членов общины, например, проповедь по квартирам, изучение Библии, распространение журналов и др. Миссионерская тема имеет теоретическое и практическое значение как в жизни отдельного иеговиста, так и в организации в целом, поэтому практически на всех собраниях рассматриваются случаи из миссионерской практики, практические советы и важность миссионерского служения. Основная мысль всех посланий заключается в требовании непрерывной миссионерской деятельности иеговистов, причем активно поощряется прозелитизм. Соответственно, это только будет способствовать дальнейшему негативному восприятию РОСИ со стороны других религиозных объединений.

Важное место в деятельности РОСИ занимает миссионерско-иерархический принцип его организационной структуры. В основе данного принципа лежит определенная выработка часов в проповедническом служении, что подразумевает строгую отчетность до самых мельчайших подробностей. В итоге миссионерская деятельность строго контролируется и открыта для различных корреляций со стороны руководящих структур. Чем больше часов посвящается проповеди, тем выше и авторитетнее статус иеговиста. Низовой уровень организации составляет основная масса верующих, так называемых «возвещателей». В среднем они проповедуют около 20 часов в месяц. Далее выделяется особая категория проповедников – это «пионеры». Они, в свою очередь, подразделяются: а) подсобный пионер – проповедует 50 часов в месяц; б) общий пионер – 70 часов в месяц; в) специальный пионер – 120 часов в месяц. Отдельно выделяется категория специально обученных миссионеров, которые работают по всему миру.

Миссионерско-иерархический принцип преследует создание атмосферы непрестанной конкуренции в рядах РОСИ. Каждому верующему внушается установка достижения высших элитных уровней – специального пионера, миссионера. Верующий должен сосредоточить свои усилия на религиозной деятельности, стремиться к

продвижению внутри общины, выделяться на поприще пропаганды иеговистского учения (стать надзирателем, пионером и т. д.).

В настоящее время миссионерская деятельность религиозного объединения «Свидетели Иеговы» подвергается постоянной корректировке и изменениям. Это связано с тем, что распространенным способом выживания религиозных объединений и сохранения своих позиций в сложной социально-политической обстановке и непростом духовном состоянии российского общества является своевременное внесение коррекций в вероучительные и социальные доктрины, формы и способы миссионерской деятельности [Кантеров, 2006]. В случае с РОСИ, например, это связано с запретом некоторых публикаций, использованием новых форм в миссионерской работе и др. Многие иеговисты отказались от журналов «Сторожевая башня», «Пробудитесь!», некоторых буклетов, брошюр по причине их выборочного запрета, поэтому вся «старая» религиозная литература для проповеди заменена на новые буклеты и журналы, которые не имеют названия. В действительности все новые журналы, выпускаемые на русском языке, являются продолжением тех же журналов «Сторожевая башня» и «Пробудитесь!», но только без названия. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на аналогичные выпуски журналов на других языках. Кроме того, многие миссионеры имеют при себе федеральный список экстремистских материалов с перечнем запрещенных иеговистских публикаций. Данная установка идет от руководящего совета РОСИ с целью обезопасить миссионеров от любых возможностей задержания правоохранительными органами и привлечения к ответственности. По этой причине большая часть иеговистов с 2016 года вообще отказалась от религиозной литературы и перешла на устную проповедь.

На протяжении 2014–2016 годов мы наблюдаем новую форму миссионерской работы РОСИ, так называемую «плакатную евангелизацию». «Плакатная евангелизация» представляет собой пикеты в количестве 2–3 человек с передвижной тележкой с карманами, в которых размещаются плакаты, брошюры, листовки, а также предлагается для распространения религиозная литература. На плакатах размещаются лозунги (призывы или обращения) в лаконичной форме, выражающие руководящие идеи и требования религиозной организации. В письменном виде лозунги являются довольно емкой и запоминающейся формой передачи мысли, которые эффективно можно использовать в миссионерской работе для популяризации религиозных идей. В данном случае – это обращения в форме вопросов «Хотели бы вы изучать Библию?», «От чего спасает Иисус?», «Есть ли Бог?», «Воспитание: устаревшее понятие?». Данные плакаты очень напоминают рекламные плакаты по своему исполнению и цветовой гамме. Это подтверждают образы ухоженных и симпатичных людей. Очень важную функцию выполняет выделенное крупными буквами слово «бесплатно», которое, безусловно, может привлечь внимание даже человека далекого от религии. Таким образом, получается, что религиозные плакаты выполнены в точном соответствии с принципами рекламной продукции.

«Плакатная евангелизация» имеет определенный эффект для популяризации религиозных идей, особенно в людных местах, так как большое количество людей осознанно или нет обращает внимание на яркие плакаты с лаконичными призывами. По этой причине миссионерский десант всегда располагается в многолюдных местах. «Плакатная проповедь» обязательно сопровождается разговорами миссионеров с разными социальными и возрастными категориями людей на различные темы: от преступности до «конца света». Важным составным элементом «плакатной евангелизации» является бесплатная раздача религиозной литературы (буклеты, журналы, книги).

Новая форма миссионерской работы активно поддерживалась и повсеместно внедрялась руководством РОССИ, но в последнее время практически не используется. Несмотря на задержания отдельных членов и другие ограничения в «плакатной евангелизации», позиция руководства и рядовых верующих состоит в том, что «гонения» только укрепляют братьев и сестер в проповеднической деятельности, а также дух организации в целом. Это связано с основополагающей идеей иеговизма, такой как разделенность общества на две части: мир Иеговы («мирного нового мира») и мир Сатаны («злой системы вещей»), которые жестко противопоставлены друг другу. Социальные процессы мира Сатаны детерминированы первородным грехом, которые привели к тому, что эволюция общественного развития предстает как увеличение греха и порока в мире. В свою очередь, общественно-исторический процесс воспринимается РОССИ линейным образом: от грехопадения до Армагеддона и оценивается крайне негативно. Поэтому современное общество и подавляющая часть социальных институтов наделяются отчетливо выраженными негативными характеристиками: порочное, злое, греховное, безнравственное и т. п.

«Демонизация» общества приводит иеговистов к «неотмирной», отчужденной позиции, эскапистским настроениям, общей социальной пассивности, аполитичности, устранению от общественной деятельности, но в то же время провоцирует религиозное рвение. Подобное поведение подпитывается эсхатологическими установками: «мы живем в последние дни», ожидание «конца истории», ощущение «последних времен», наступление «рая на земле», «мирного нового мира». Многие общественные явления, факты, события наделяются мистическим смыслом, особенно разрушительные мировые проявления (войны, природные катаклизмы), а также процессы глобализации и глобальные проблемы человечества, которые рассматриваются исключительно в контексте «последних дней». Отчетливо выраженная установка уничтожения современного общества и всех социальных институтов в «день гнева Иеговы».

Миссионерская практика – это духовный задел на будущую жизнь, который выражается в следующем: сколько выработал часов в проповедническом служении, столько и заработаешь в будущем мире. Именно этим обусловлено такое рвение и непрерывный энтузиазм в проповеднической деятельности.

Таким образом, многие одиозные религиозные установки иеговизма не потеряют своей актуальности в будущем, например, «эсхатологические ожидания, установка о ложности всех религиозных учений современного мира и др., которые соответствующим образом будут влиять на миссионерские установки РОСИ» [Горюнов, с. 53]. Кроме того, РОСИ в связи с ограничениями на религиозную деятельность со стороны государства будет постоянно изыскивать новые подходы и формы миссионерской работы, которые смогут хорошо вписаться в общую стратегию миссионерской кампании и укрепления религиозной дисциплины в рядах верующих.

Литература

Горюнов, Д. В. Социальный негативизм «Свидетелей Иеговы» / Д. В. Горюнов // Труды международного научного симпозиума-диалога «Духовность, достоинство и свобода человека в современной России: философско-этические, религиозные и культурологические аспекты». – Пермь, 2009. – Ч. 2. – С. 50–53.

Кантеров, И. Я. Новые религиозные движения в России (религиоведческий анализ) / И. Я. Кантеров. – М., 2006. – 472 с.

Дата поступления рукописи в редакцию 04.04.2017

УДК 81

С. Ю. Жданова, А. В. Печеркина

ПСИХОСОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

Пермский край становится все более привлекательной площадкой для иностранных студентов. Увеличение численности иностранных студентов является важным показателем результативности высшего учебного заведения, поскольку способствует повышению его рейтинга в ряду других учебных заведений, влияет на привлекательность вуза для абитуриентов.

Отмечая позитивные стороны академической мобильности студентов в целом, важно говорить о трудностях, с которыми сталкиваются иностранные студенты в процессе обучения в новых условиях образовательной среды, например [Аннамурадова, Иванова, Титкова, 18.03.2017]. Данные трудности связаны не только с иными климатическими условиями, но и обусловлены особым отношением к иностранным студентам со стороны обучающихся и преподавателей. В этой связи важно говорить о необходимости формирования толерантного отношения к иностранным студентам как со стороны обучающихся, так и преподавателей. Формирование толерантного отношения к иностранным студентам выступает в качестве одного из факторов, способствующих адаптации иностранных студентов к новым условиям учебной среды.

Рассматривая технологии формирования толерантного отношения, важно определить понятие этнической толерантности. Согласно В. А. Виниченко (2010), понятие толерантности может быть определено как интегративное качество личности человека, основанное на позитивной этнической идентичности, проявляющееся в уважительном отношении к представителям иного этноса, взаимодействие с которыми определяют принципы культуры межнационального общения [Виниченко, 2010]. Данное понятие раскрывает феномен толерантности в узком смысле слова, применительно к отдельному человеку. Вместе с тем феномен толерантности может быть рассмотрен и в широком смысле слова – применительно к обществу в целом. В этом плане понятие толерантности рассматривается как нравственный принцип, обеспечивающий возможность сосуществования с другими людьми, как отказ от доминирования и насилия, признание равенства, многомерности и многообразия человеческой культуры, норм, верований [Асмолов, 1998; Солдатова, 2000].

Характеризуя толерантность как свойство личности, следует отметить, что толерантность проявляет себя в пространствах самоотношения, межличностных отношениях, межгрупповых отношениях, сложно опосредующих друг друга. На основе анализа феномена толерантности нами была создана психологическая модель формирования этнической толерантности [Жданова, Мишланова, Поляков, Новиков, 2013 а, 2013б, 2013в].

В качестве теоретико-методологических основ разработки модели формирования этнической толерантности выступили: мультисубъектная концепция «Значимого Другого» В. А. Петровского; подход к изучению способности к пониманию индивидуального своеобразия личностного склада другого человека (А. А. Бодалев, Г. М. Андреева, В. Н. Куницына, В. В. Знаков, В. А. Лабунская); подход к пониманию толерантности как признания многомерности и многообразия человеческой культуры, норм, верований (А. Г. Асмолов, Г. У. Солдатова); положение о взаимосвязи этнической идентичности и межэтнической толерантности (Н. М. Лебедева, Г. У. Солдатова).

Теоретическая модель формирования этнической толерантности включает в себя:

1) *содержательный компонент*, который раскрывается посредством: когнитивного компонента (знание истории своего и других народов, традиций, обычаев); эмоционального (формирование положительного отношения к культурной специфике различных этнических групп, положительного эмоционального реагирования на иноэтническое окружение); поведенческого (формирование умений и навыков взаимодействия с представителями иного этноса); 2) *оценочно-результативный компонент* (критерии, показатели, уровни этнической толерантности); 3) *условия формирования этнической толерантности*; 4) *системообразующие связи*, характеризующие взаимодействие и опосредование компонентов модели.

Согласно психологической модели формирования этнической толерантности, толерантность как личностная характеристика проявляет себя в пространствах самоотношения, межличностных отношениях, межгрупповых отношениях, что выражается в отношении к себе, «Другому» как представителю другого этноса, к обществу в целом. Данные отношения взаимосвязаны и опосредуют друг друга (таблица).

Формы проявления этнической толерантности/интолерантности

Критерий	Этническая толерантность	Этническая интолерантность (агрессия)
Отношение к себе	Знание самого себя, ответственность, готовность к самоизменениям; чувство безопасности; уверенность в своих действиях; признание самооценки своего «Я»	Интолерантное самоотношение, заниженная или завышенная самооценка; саморазрушение личности; утрата чувства безопасности; аутоагрессия; фрустрация
Отношение к Другому, как представителю другого этноса	Принятие «Другого» как ценности, его права быть другим, готовность понять мир «Другого» при сохранении границ собственного «Я»; признание права представителей других культур, этнических групп иметь свою позицию; способность к эмпатии; интерес к «Другому»; открытость; стремление позитивно взаимодействовать; ориентация на сотрудничество; конструктивные формы взаимодействия; умение согласовывать свои действия	Отсутствие взаимопонимания; невозможность взаимодействия; разрушение целостности общественных связей; враждебность; этническая агрессия, направленная на других; терроризм; экстремизм; нарушение прав и свобод человека; сепаратизм; национализм; шовинизм; изоляционизм

Окончание таблицы

Критерий	Этническая толерантность	Этническая интолерантность (агрессия)
Отношение к обществу в целом	Признание ценности своей культуры; развитое чувство любви к Отечеству; стремление к пониманию других групповых норм, ценностей при сохраненных границах индивидуального существования; равенство всех людей; взаимное уважение человеческого достоинства; свобода вероисповедания; возможность соблюдать традиции национальной культуры; межгрупповое сотрудничество; миролюбие; веротерпимость; социальная безопасность; четкость этнической и конфессиональной идентичности; позитивное межгрупповое взаимодействие и взаимовосприятие	Неопределенность и размывание этнической принадлежности; негативное межгрупповое взаимодействие и взаимовосприятие; деструктивность в межэтнических отношениях; убежденность в превосходстве своего народа, признание необходимости «очищения» национальной культуры; негативное отношение к межэтническим брачным союзам; признание приоритета прав народа над правами человека
Уровни сформированности этнической толерантности	Низкий, средний, высокий	
Факторы, влияющие на формирование этнической толерантности	1. Объективные: семья; социальное окружение; СМИ. 2. Субъективные: возраст; пол; индивидуальные особенности	

С учетом модели формирования этнической толерантности нами была разработана программа формирования адаптации иностранных студентов к новым условиям образовательного пространства.

Психосоциальные технологии формирования адаптации и толерантного отношения к иностранным студентам были определены в соответствии с полученными нами ранее результатами исследования, посвященного формированию толерантности у молодежи Пермского края [С. Ю. Жданова, С. Л. Мишланова, В. Б. Поляков, 2013в] и включали в себя следующие содержательные компоненты: когнитивный (знание истории своего и других народов, традиций, обычаев); эмоциональный (формирование положительного отношения к культурной специфике различных этнических групп, положительного эмоционального реагирования на иноэтническое окружение); поведенческий (формирование умений и навыков взаимодействия с представителями иного этноса).

В соответствии с данными компонентами технологии формирования толерантного отношения к иностранным студентам были направлены на формирование

знаний и понимание других групповых норм, ценностей, уважение к традициям национальной культуры; положительное отношение к «Другому» как представителю другого этноса.

В рамках предложенной программы по формированию толерантного отношения с целью развития у студентов навыков взаимодействия, межгруппового сотрудничества, позитивного взаимовосприятия, межкультурного общения были организованы специальные мероприятия. В ходе данных мероприятий были организованы специальные тематические встречи иностранных студентов (из Ирака, Китая) со студентами ПГНИУ. В ходе данных встреч были организованы презентации, использовались игровые методы, направленные на развитие социальной перцепции. Были использованы упражнения, предполагающие развитие уважительного отношения к «Другому» как представителю другого этноса, формирование навыков понимания и принятия «Другого», развитие навыков толерантного поведения, формирование поведенческих стратегий, ориентированных на сотрудничество.

Такой формат общения способствовал развитию знаний иностранных студентов и студентов ПГНИУ об особенностях культуры стран, традициях, обычаях друг друга, способствовал развитию навыков межкультурного взаимодействия. Иностранные студенты благодаря такой форме взаимодействия со студентами из ПГНИУ имели возможность познакомиться с университетской средой, традициями, существующими в университете, правилами общения и поведения в группе и взаимодействия с преподавателями.

В рамках программы по формированию толерантного отношения к иностранным студентам и формированию их социально-психологической адаптации к новым условиям образовательного пространства были также разработаны психолого-педагогические рекомендации, направленные в адрес преподавателей, работающих с иностранными студентами. В ходе данных рекомендаций были обозначены педагогические условия, способствующие успешному взаимодействию преподавателя и иностранных студентов в процессе педагогического общения.

В ходе данной работы в адрес преподавателей, работающих с иностранными студентами, были направлены письма-рекомендации, в которых были обозначены специфические особенности иностранных студентов, ресурсы, на которые преподаватель может опираться в ходе своей работы с иностранными студентами. Также даны рекомендации относительно учета культурных традиций, принятых в стране проживания иностранных студентов. Так, было обозначено, что иностранные студенты, попадая в новые условия обучения, испытывают серьезные трудности, среди которых самая главная трудность – это языковой барьер. У большинства иностранных студентов уровень языковой компетенции недостаточен для освоения учебного материала. Из-за незнания русского языка им трудно работать с учебной литературой, воспринимать лекционный материал, отвечать на вопросы преподавателя в устной форме.

Чтобы понять то, что излагает преподаватель, иностранным студентам требуется больше времени, чем русскоязычным студентам, поскольку сначала они перево-

дят объясняемый преподавателем материал на свой родной язык и только затем осознают то, что сказал преподаватель.

Трудности в обучении могут быть связаны также с существующими различиями в системах обучения. Например, вся китайская система образования построена на «заучивании наизусть». Поэтому китайские студенты испытывают трудности, когда им дают задания на установление причинно-следственных связей, поскольку они не привыкли к подобным видам заданий.

Незнание русского языка затрудняет и бытовые коммуникации. Из-за незнания русского языка иностранные студенты не могут общаться с российскими студентами, не могут найти себе друзей среди русских студентов.

С целью повышения эффективности усвоения учебного материала китайскими студентами и их социально-психологической адаптации к новым условиям образовательной среды в ПГНИУ преподавателям в процессе взаимодействия с иностранными студентами было предложено максимально доступно объяснять новый учебный материал, говорить при этом медленно, громко, четко, интонационно выделять наиболее важные моменты, использовать в речи простые конструкции в предложениях. В случае, если курс читается на английском языке не для носителей английского, не дублировать изложение объясняемого материала на русском языке, поскольку у студентов это вызывает большие трудности, им сложно переключаться и воспринимать информацию одновременно на двух иностранных языках (английском и русском). Во время практических занятий было рекомендовано включать иностранных студентов в подгруппы с российскими студентами, привлекая последних к активной помощи в объяснении. Организация совместной деятельности иностранных и русских студентов способствует преодолению языкового барьера и развитию навыков межкультурной коммуникации. Студенты смогут в ходе таких заданий помогать друг другу в изучении языка, знакомить в дальнейшем друг друга с культурами и традициями своих стран, обрести иностранных друзей.

С целью преодоления языкового барьера и лучшего понимания изучаемого материала в работе с иностранными студентами можно использовать прием, в соответствии с которым преподаватель может подробно рассказать иностранным студентам о теме следующей лекции, попросить их заранее ознакомиться с материалом, обратить внимание на те моменты, которые требуют дополнительного разъяснения. Также можно рекомендовать иностранным студентам записывать лекции на диктофон (при условии, что преподаватель дает на это согласие), чтобы затем усвоить материал в домашней (неторопливой) обстановке. Эффективной работой могла бы быть разработка словарей специальной лексики по каждому курсу лекций или теме занятия. В словарь можно было бы включить ключевые слова, часто встречающиеся и те, которые вызывают затруднения в понимании содержания.

Таким образом, сформулированные рекомендации были направлены на преодоление трудностей, связанных с адаптацией у иностранных студентов.

В целом предложенная и опробованная программа по сопровождению иностранных студентов способствует их социально-психологической адаптации в усло-

виях новой социокультурной среды. Полученные результаты могут быть использованы в сфере высшего профессионального образования для осуществления эффективной психологической помощи иностранным студентам, имеющим проблемы адаптационного характера.

Литература

Аннамурадова, А. А. Проблема адаптации иностранных студентов и пути их решения в Шуйском филиале Ивановского государственного педагогического университета [Электронный ресурс] / А. А. Аннамурадова. – URL: <http://www.scienceforum.ru/2013/pdf/6241.pdf> (дата обращения 18.03.2017).

Асмолов, А. Г. Толерантность: различные парадигмы анализа / А. Г. Асмолов // Толерантность в общественном сознании России. – М., 1998.

Виниченко, В. А. Формирование межэтнической толерантности у будущих специалистов по связям с общественностью: автореф. дис. ... канд. пед. наук / В. А. Виниченко. – Якутск, 2010. – 24 с.

Жданова, С. Ю. Особенности влияния медиатекстов на уровень этнической агрессии и этнической толерантности в связи с полом / С. Ю. Жданова, С. Л. Мишланова, В. Б. Поляков // Форум психологов Прикамья «Психологическая наука и практика: личность и среда». – Пермь, 2013а. – С. 115–119.

Жданова, С. Ю. Формирование толерантности у молодежи Пермского края к представителям других этнических групп / С. Ю. Жданова, С. Л. Мишланова, В. Б. Поляков // Человек в Мире, Мир в Человеке: Актуальные проблемы философии, социологии, политологии и психологии: материалы XVI Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (24–25 октября 2013). – Пермь, 2013б. – С. 514–521.

Жданова, С. Ю. Психосоциальные технологии формирования толерантности у молодежи пермского края / С. Ю. Жданова, С. Л. Мишланова, Н. Ю. Новиков // Форум психологов Прикамья «Психологическая наука и практика: личность и среда» – Пермь, 2013в. – С. 105–110.

Иванова, М. А. Проблемы адаптации иностранных студентов в вузе / М. А. Иванова; деп. в НИИ ВШ 28.11.79. – № 4033–78. – 15 с.

Иванова, М. А. Социально-психологическая адаптация иностранных студентов первого года обучения в вузе / М. А. Иванова, Н. А. Титкова. – СПб., 1993.

Солдатова, Г. У. Тренинг «Учимся толерантности» / Г. У. Солдатова, Т. А. Шайгерова, О. Д. Шарова // На пути к толерантному сознанию / отв. ред. А. Г. Асмолов. – М.: Смысл, 2000.

Дата поступления рукописи в редакцию 04.04.2017

УДК 069.1

А. С. Ломова

МУЗЕЙ КАК ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В УСЛОВИЯХ МАНИПУЛЯТИВНОГО ОБЩЕСТВА

Конец XX века и начало XXI оказались для России богатыми на события, итогом которых стал тот факт, что в условиях современности историческое самосознание большинства россиян представляет собой довольно эклектичную конструкцию. Перестройка, за ней крах СССР и смена экономической модели, несколько экономических кризисов, отторжение западным сообществом и рухнувшие надежды либерально настроенной части российского общества на культурную ассимиляцию со странами Запада, локальные военные конфликты – слепки этих событий остались в социальной памяти российского общества, которое продолжает претерпевать изменения, обусловленные рядом факторов: усиливающееся влияние консюмеризма, дигитализация, формирование интернет-культуры, увеличение роли информации и технологий. Указанные факторы оказывают влияние как на формирование исторического самосознания и гражданской идентичности человека, так и на функционирование музея, который, являясь институтом социальной памяти, консолидирует ее, интерпретирует, актуализирует и легитимизирует. В результате указанных процессов, социальная память общества становится частью его исторического самосознания, оказывая влияние на конструирование коллективной гражданской идентичности. Социальный конструкт, называемый коллективной идентичностью, – психосоциальный комплекс человека, задающий эмоционально важное для него самоотнесение к какой-либо группе или общности [Крупкин, 2010].

Представления личности или группы об историческом прошлом также являются социально сконструированной реальностью. Историограф и источниковед О. М. Медушевская использует новую парадигму «Эмпирическая реальность человеческого мира» [Румянцева, 24.06.2016] в своем одноименном труде, указывая на специфику человеческого мира, где информационный обмен осуществляется не только в пространстве, но и во времени, что ведет к возможности фиксации памяти и обуславливает возможность создания истории.

Музейный предмет, наряду с другими историческими источниками, являясь высказыванием во времени и пространстве от лица создавшей его культуры, есть часть процесса информационного обмена человека с себе подобными. Процесс этот, обуславливающий эмпирическую реальность мира исторического, – обоудный. Человек не только сам способен считывать культурные и семантические коды предмета-высказывания, но он диалогизирует с этим высказыванием, наделяя его смыслом, помещая его в определенный ментальный, событийный или предметный контекст,

тем самым формулируя ответное высказывание от лица человека (или общности людей) из иного времени и пространства, нежели собеседник-предмет.

Притягательность музейных предметов для посетителей обуславливается не только возможностью диалога сквозь время и пространство, но также возможностью выстраивания собственной коллективной идентичности в процессе этого диалога, потребностью посетителя приобщиться – ощутить себя частью целого: этноса, культуры, края, города. Музейный предмет, будучи распознаваем и осмыслен посетителем, становится частью его реальности здесь и сейчас. Однако наличный социальный запас знания посетителя дифференцирует эту реальность по степени знакомства [Бергер, Лукман, 24.06.2016]. Знания в области истории, фауны родного края или живописи эпохи модерна, в том случае если посетитель не часто имеет дело с указанными реальностями, будут общими и неточными, следовательно, диалог посетителя с музейным предметом окажется несодержателен, скуден и скучен, потребность приобщения останется не удовлетворенной. Для того чтобы облегчить диалог посетителя с предметом, создать условия для распознавания и типизации, предмет помещается в контекст знаний о предмете – музейную экспозицию или выставку. Это помогает посетителю через распознавание знакомого в незнакомом установить собственную связь с предметом, расшифровать высказывание, закодированное в предмете, осмыслить его и найти отклик, а значит, почувствовать себя в результате этого диалога частью исторической реальности, транслятором которой является музейный предмет.

Действительно, красный флаг на фоне фотодокументов, повествующих о взятии Рейхстага, и тот же красный флаг, использованный как фон, на котором размещены фотографии голодающих Поволжья, – в восприятии посетителя это будут совершенно разные красные флаги. Даже если историческая истина будет в том, что конкретно этот флаг в 1975 году украшал фасад здания местного горисполкома, предмет, использованный как символ, в данных контекстах будет задавать диалогу посетителя с предметом совершенно другие, причем противоположные друг другу, векторы. Эта иллюстрация возвращает нас к вопросу социального конструирования исторической реальности. В сущности конструирование реальности – это процесс додумывания, ментального «дистраивания» окружающего мира. «Всегда есть вещи, остающиеся вне поля зрения», – продолжая эту метафору из работы П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности» и обозначая поле в сознании человека, дающее почву для конструирования как повседневной, так и исторической реальности, назовем это поле «областью бокового социального зрения». Насколько бы ни было велико знание посетителя о конкретном музейном предмете – всегда есть что-то, что остается вне поля зрения. Помещение предмета в соответствующий контекст позволяет раскрыть значительную часть смыслов, но всегда будет оставаться область смыслов вне поля зрения и всегда будет область, охваченная лишь боковым зрением наблюдателя.

Все, попавшее в область бокового социального зрения человека, становится материалом для возведения социальных конструкторов, а строительной площадкой становится пространство вне поля зрения. Мы домысливаем и дистраиваем то, что находится вне области непосредственного эмпирического познания при помощи образов и смыслов, выхваченных боковым социальным зрением из воспринимаемой

субъективно окружающей реальности, куда входят и уже сформировавшиеся, устойчивые социальные конструкты. П. Бергер и Т. Лукман приводят интересную метафору познания: «Мое знание повседневной жизни напоминает инструмент, прорубающий дорогу в лесу и проливающий узкую полосу света на то, что находится впереди и непосредственно рядом, а со всех сторон дороги обступает темнота» [Бергер, Лукман, 24.06.2016]. Чем шире полоса света, проливаемая знанием, – тем меньше пространства для домысливания.

Рассматривая музей как институт социальной памяти, не забудем о том, что институционализация как таковая – есть социальный контроль. В данном случае социальный контроль осуществляется институциональными функционерами (сотрудниками музея) над социальной памятью в широком смысле этого понятия. Логика функционирования института – логика власти над объектом институциональных функционеров и объективность мира социального института есть объективность, социально сконструированная функционерами, обладающими властью над носителями социальной памяти и знаниями о них. Власть над объектом открывает функционеру возможности для манипулирования собственными знаниями об объекте и, как следствие, диалогом между носителем социальной памяти (музейным предметом) и реципиентом (посетителем музея). Степень манипулятивности зависит в значительной степени от понимания функционером исторических процессов, в результате которых возник институт, и цели функционирования самого института. В противном случае музей рискует оказаться рупором правительственной, религиозной или иной пропаганды.

Первые музеи, созданные традиционным обществом, комплектовали свои коллекции по принципу уникальности, редкости или «куриозности» экспоната. В контексте социализации и конструирования коллективной идентичности они имели своей целью приобщение посетителя к человеческому миру во всем его многообразии. Такая ситуация сохранялась в провинциальных музеях еще в начале XX века. Д. П. Веселков, член окружного бюро Верхнекамского округа, в 1925 году пишет: «Здесь, в Верхнекамье, еще держится старый взгляд на музей как на хранилище редкостей. Между тем краевой музей нашего времени очень близко подошел к жизни...» Не вдаваясь в сложности процесса смены модели общества, замечу, что «близко подошедший к жизни» [Варнакова, 2015] музей начала XX века – свидетельство потребности общества в сохранении собственных локальных идентичностей. При том – свидетельство ускользающей реальности, которая усложняясь и, обрастая системами «подмиров», которым необходимо институциональное обоснование, – начинает сильно выходить за рамки хабиитуализированного обывателем.

Такие процессы, как смена модели общества, смена политического строя, модернизация, неизбежно приводят к возникновению новых социальных «подмиров», актуализируя которые через музей как социальный институт, можно вторично социализировать посетителя, вызвать у него ощущение общности с этими новыми «подмирами», ощущение собственной коллективной идентичности, потребность в которой у человека – социальной единицы – всегда есть.

В начале XXI века начался переход от информационного общества к постинформационному (иногда определяется как постпостиндустриальное общество), для кото-

рого характерен высокий уровень манипулятивности во всех сферах жизни. В связи с возрастающей степенью дигитализации окружающего мира сила информационных потоков, воздействующих на сознание человека, выросла настолько, что превратить всю эту непрерывно транслируемую информацию в знание физически невозможно. Возвращаясь к метафоре П. Бергера и Т. Лукмана, ситуация выглядит так, словно человек начал воспринимать мир исключительно боковым зрением. Следовательно, современный нам социум являет собой как никогда благоприятную почву для мифотворчества на почве возведения новых социальных конструктов и актуализации не слишком новых конструктов. Это ведет к все большей дифференциации общества, разобщению его на группы, объединенные реальностями различных социальных мифов. Манипулирование социальными стереотипами, технологии которого хорошо отработаны, становится привычным фоном повседневности.

В новых условиях такой социальный институт, как музей, начинает лихорадить: пытаюсь угнаться за новыми технологиями и небывалыми скоростями информационных потоков, пытаюсь конкурировать с индустрией развлечений и удержать посетителя, музей теряет власть над своим объектом – исторической реальностью, он из транслятора знаний трансформируется в транслятора информации, дигитализируя своих институциональных функционеров. Возникает путаница между понятиями «потребности посетителя» и «желания посетителя». Желания посетителя как единицы постинформационного общества – продукт манипуляций его сознанием. У него больше нет своих желаний – продукта личного эмпирического познания и осмысления окружающего мира. Он желает еще информации, еще развлечений, еще товаров. Подавленная, глубоко эшелонированная, но от этого не менее актуальная и острая, – живет в нашем современнике потребность ощутить себя не дифференцированной единицей общества, а социальной единицей – частью целого. Потребность увидеть что-либо не боковым зрением, а прямо перед собой: познать, осознать, почувствовать подлинную связь с человечеством, свою идентичность с сообществом города, края, страны. И в том случае, когда музей исторически располагая инструментарием для удовлетворения этих потребностей, предпочитает действовать по рыночному закону спроса-предложения, он тонет в информационном шуме, становясь лишь одним из его голосов. Реципиент утрачивает возможность внести вклад в формирование своего исторического самосознания. Музейный предмет, попадая в искаженный функционером, но легитимизованный социальным институтом контекст или вовсе лишаясь его, перестает диалогизировать с посетителем, остается в поле «бокового зрения». Иногда, пытаюсь встроиться в реалии современности, музеи намеренно культивируют «боковое зрение», оставляя посетителя во власти мифа. Здесь можно привести не единственный в России, но территориально близкий пример бала в усадьбе князей Голицыных (г. Усолье), где появляется костюмированная пара, изображающая князя и княгиню Голицыных. Казалось бы, вполне приемлемая практика, если не знать о том факте, что хозяева усадьбы никогда не бывали в ней и тем более не устраивали балов, а в усадьбе довольно скромно проживал управляющий князя.

Искажение исторической памяти институцией, за которой закреплена функция сохранения этой памяти, искажает и историческое самосознание общества, в конечном

итоге усиливая эффект его дифференциации: лишаясь возможности конструирования коллективной гражданской идентичности на почве единой реальности исторического мира, люди остаются во власти мифов. В случае, когда институт социальной памяти симулирует знания (а информационный поток – это не более чем симуляция знаний), – общество симулирует патриотизм. Отмечу, что ответственность за социальный контроль над социальной памятью общества при этом музеями не утрачена, ее утратой было бы озаменовано разрушение музея как институции. Интересен и тот аспект, что, дигитализуя сегодня свое пространство, музей, как в начале XX века, снова пытается «приблизиться к жизни», хабиитуализировать новое. Несоответствие состоит в том, что это виртуальная жизнь в пространстве информационного шума. Понимая это, музеи пытаются вернуть экспонатам «голос» и силу эмоционального воздействия на реципиента путем его вовлечения в пространство интерактивной экспозиции. При этом используется тактильно-чувственный канал восприятия, призванный компенсировать отсутствие «ментального прикосновения», возможность которого обусловливается степенью знакомства с исторической реальностью предмета. Такая инфантилизация контекста лишает впечатлений, полученных в результате взаимодействия с транслятором исторической реальности, зрелости и осознанности, присущих восприятию взрослого человека, вышедшего из сенсорной фазы развития. Правда, инфантилизация вполне обосновано использовалась и используется музейными педагогами в работе с детьми.

Итак, учитывая сохраняемую музеем ответственность за социальный контроль над социальной памятью общества, а также учитывая риск утраты власти институциональных функционеров музея над объектом – эмпирической реальностью исторического мира, необходимо пересмотреть как критерии эффективности работы музея (уделяя самое пристальное внимание качественным характеристикам), так и методы работы с музейным предметом. При этом следует сводить к минимуму манипулирование историческим знанием о нем, создавая внятный и правдивый исторический контекст как условие для конструирования реципиентами коллективной гражданской идентичности.

Литература

Бергер, П. Социальное конструирование реальности [Электронный ресурс] / П. Бергер, Т. Лукман. – URL : http://skepdic.ru/wp-content/uploads/2013/05/Berger_Lukman_-_Sotcialnoe_konstruirovanie_realnosti_Skepdic.ru_pdf (дата обращения 24.06.2016).

Варнакова, О. Н. Хранители исторической памяти / О. Н. Варнакова. – Березники: Березниковский историко-художественный музей, 2015. – 125 с.

Крупкин, П. Л. Россия и Современность: проблемы совмещения, опыт рационального осмысления / П. Л. Крупкин. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 568 с.

Румянцева, М. Ф. Феноменологическая концепция источниковедения в интерпретации Ольги Михайловны Медушевской [Электронный ресурс] / М. Ф. Румянцева. – URL : [//C:/Users/Elena/Downloads/fenomenologicheskaya-kontseptsiya-istochnikovedeniya-v-interpretatsii-olgi-mihaylovny-medushevskoy.pdf](http://C:/Users/Elena/Downloads/fenomenologicheskaya-kontseptsiya-istochnikovedeniya-v-interpretatsii-olgi-mihaylovny-medushevskoy.pdf) (дата обращения 24. 06. 2016).

Дата поступления рукописи в редакцию 28.02.2017

ПРИЛОЖЕНИЕ

УДК 130.2

А. В. Смирнов

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ОПТИМИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ЕДИНЕНИЯ В СРЕДЕ РОССИЙСКИХ МУСУЛЬМАН

(по итогам работы Круглого стола «Российская культура и проблемы гражданского единения».
Пермь, 19 октября 2016 года)

1. Способствовать тому, чтобы на уровне массового сознания закрепилась ассоциация «ислам ⇒ культура», вытеснив ассоциацию «ислам ⇒ вероучение».

Обоснование: вероучение как идеологическая система не может не конфликтовать с другими вероучениями в борьбе за умы граждан. Вероучение претендует на истину и этим принципиально отличается от культуры, которая претендует на обеспечение комфортного жизнеустройства. Вероучения не могут не конфликтовать, поскольку истина одна, а вероучений много. Культуры могут не конфликтовать, поскольку представление о комфортном жизнеустройстве у каждого народа может быть свое. Вероучения (например, христианское и исламское) не имеют никакой «общей рамки», в которой они могли бы бесконфликтно сосуществовать, и наибольшее, чего можно надеяться достичь, – не некое «общее вероучение», а политкорректное сосуществование. Культуры могут образовывать иерархии, встраиваясь в общую «российскую культуру», что не противоречит их природе.

Пути достижения: закрепление ассоциации «ислам ⇒ культура» в тех областях, где государство обладает влиянием, прежде всего в СМИ и в школьном образовании. Содержание курса «Основы религиозных культур и светской этики», который изучают все школьники, т.е. все новое поколение граждан РФ, необходимо привести в соответствие с его названием, создав новую линейку учебников. Курс должен быть посвящен на 95 % истории культур и лишь на 5 % – разъяснению основ вероучения соответствующей религии. В настоящее время соотношение обратное, и данный курс направлен на индоктринацию, а не на воспитание толерантности. При этом следует понимать, что механизмы социальной адаптации ислама и христианства принципиально различаются, и ислам гораздо эффективнее христианства освоит все возможности проникновения в социальные ниши: эффект исламизации населения в рамках

нынешней организации курса будет на порядок выше эффекта его христианизации. Переакцентировка курса не устранил этот эффект, но снимет его отрицательные последствия, убрав потенциальную конфликтогенность вероучений как идеологических систем, претендующих на абсолютную истину.

2. Основательно исследовать вопрос о механизмах идентификации российских мусульман и выстроить стратегию закрепления идентификации «мусульманин ⇒ россиянин», вытеснив идентификацию «мусульманин ⇒ член всемирной исламской уммы».

Обоснование: исламское сознание предполагает самоидентификацию прежде всего как члена «уммы» (всемирной общины мусульман), которая по самому смыслу этого понятия трансгранична, т.е. не признает никаких национальных границ и, следовательно, национальных лояльностей, и единоначальна. То есть должна, в соответствии с классическими положениями исламского права, никем и никогда не отмененными, управляться из единого центра. Ошибка лояльностей (общеисламская vs. национальная) очевидна, и она будет только углубляться по мере развития исламского сознания в среде российских мусульман, чему способствуют два фактора: общемировая тенденция роста «исламского сознания» (*сахва ислямийя*), которая не может не влиять на РФ, и нынешняя вероучительная заостренность курса «Основы религиозных культур и светской этики», которая ведет к фактически 100%-ной индоктринации населения тех регионов, которые исторически исповедовали ислам (так называемые «этнические мусульмане»).

Пути достижения: 1. Организовать работу по серьезному научному изучению состояния общественного сознания среди российских мусульман с точки зрения механизмов самоидентификации и соотношения национальной (российской) и общеисламской лояльности. Работа требует совместных усилий психологов, социологов, исламоведов и философов. 2. Исследовать возможности, вытекающие из широко распространенных среди российских мусульман концептов, которые могут переломить тенденцию к укреплению общеисламской лояльности и направить ее в русло российской исламской лояльности. Это прежде всего такие концепты, как «российская умма» и «этнические мусульмане». Хотя оба термина не бесспорны с точки зрения классической исламской теории, большой удачей является их появление и устойчивое хождение среди российских мусульман, поскольку они обладают большим потенциалом с точки зрения задачи изменения вектора самоидентификации и лояльности.

3. Развернуть работу по осмыслению исторического российского опыта сосуществования в поликонфессиональной и полиэтнической среде, выработать собственный понятийный язык для описания этого опыта (создать «территорию смыслов»), привязав проблему российской идентичности и лояльности к истории и предложив привлекательный цивилизационный проект неущемляющего поликонфессионального и полиэтнического устройства.

Обоснование: Россия обладает собственной тысячелетней историей сосуществования множества народов и вероисповеданий. Этот опыт наряду с горькими страданиями содержит и блестящие достижения. Опыт России принципиально отличается от опыта и ситуации Западной Европы и США. Между тем обсуждение проблем национального согласия ведется в российской среде практически исключительно на понятийном языке западной науки, который выработан для другой ситуации и приспособлен к другим реалиям. Не учитывается и недоиспользуется смысловой потенциал собственных разработок и собственной интеллектуальной истории.

Пути достижения: спланировать и развернуть долговременную работу по обсуждению и формулировке цивилизационного проекта, предоставляющего максимально широкие возможности отдельным народам и культурам в рамках общенациональной идентичности. Исследовать эвристический потенциал категории «всечеловеческое» в ее сопоставлении с категорией «общечеловеческое». Исследовать возможности, вытекающие из продумывания евразийского проекта в его классическом варианте (20-е годы XX века, Трубецкой, Савицкий и др.), с точки зрения проработки философско-культурологического и идейного обоснования интеграционных евразийских процессов, находящихся сегодня в начале своего разворачивания и не опирающихся сейчас ни на какую идейную базу. Исследовать возможности выхода в международное идейное пространство с таким цивилизационным проектом, как вариант российской «мягкой силы», в том случае, если его удастся внятно сформулировать и предложить как альтернативу ныне осуществляющемуся проекту глобализации (проект укрепления единственного центра мирового доминирования за счет локальных).

24 октября 2016 г.

*Доктор философских наук, академик Российской академии наук,
директор Института философии РАН
А. В. Смирнов*

Дата поступления рукописи в редакцию 15.01.2017

РЕЗЮМЕ

В. С. Глаголев

ГРАЖДАНСКОЕ ЕДИНЕНИЕ РОССИИ: ЗАДАЧИ И ПРОБЛЕМЫ

Аннотация: в статье предлагается конкретизация понятия «гражданское единение» на государственно-политическом, культурно-национальном и бытовом уровнях. Взаимное дополнение этих уровней в повседневной жизни создает базовые предпосылки достижения взаимопонимания и успешных совместных действий в решении ключевых задач России в динамичных и турбулентных условиях современности. В контексте ракурса, предлагаемого автором, выделенные процессы наполняют культурно-историческим содержанием принцип гражданского единения, актуальный для нашей страны.

Ключевые слова: гражданское единение, национальное единство, культура повседневности, «культура опрятности», культура политики, национальная культура.

М. Г. Писманик

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация: в статье рассмотрены вопросы оснащения и практической реализации стратегии государственной национальной политики в Российской Федерации.

Ключевые слова: государственная национальная политика, стратегия, этнос, нация, российская нация.

М. В. Силантьева

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ КАК ВНЕИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

Аннотация: в статье рассматривается концепт гражданской идентичности в философском ключе – сквозь призму понятия «национальная идея». Сопоставлены

различные трактовки сущности национального единства и, как следствие, способов его формирования; проанализирован источник и структура национально-культурной идентичности как самораскрытия «национальной идеи» – «способа смыслополагания», являющегося антропологической матрицей «среднего уровня». Отличие этой матрицы от сугубо идеологических стратегий поддержания национального единства показывает принципиальную ущербность моноидеологического воздействия на массовое сознание.

Ключевые слова: национальная идея, гражданская идентичность, национальное единство, «культура как способ смыслополагания», идеология и смысл.

М. Г. Суслов

ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ОТЕЧЕСТВА

Аннотация: в статье показаны истоки патриотизма как явления, основные патриотические традиции, причины их формирования, разрушения и возрождения, значение патриотических традиций в прошлом, настоящем и будущем России. Рассмотрены внутренние и внешние факторы, которые препятствовали и будут препятствовать сохранению и применению патриотических традиций в России.

Ключевые слова: патриотизм, патриотические традиции и их роль в истории России.

В. В. Гаврилова

ВОСПИТАНИЕ ПАТРИОТИЗМА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы патриотического воспитания в рамках современной образовательной системы. Затрагиваются вопросы религиозного просвещения в светской школе. Статья содержит предложения по выстраиванию системы патриотического воспитания.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, система образования, учебные планы, программы дисциплин, история, литература, культура, традиционные религии, православие, внутренний туризм.

Р. И. Щукина

НАЦИОНАЛЬНОЕ И ПАТРИОТИЧЕСКОЕ В АСПЕКТЕ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

Аннотация: в статье осуществлена попытка социально-философского анализа понятий «патриотическое» и «национальное», актуальность которых обусловлена современными глобализационными вызовами. Рассмотрены подходы к трактовке этих понятий, обоснована их общественная значимость в социальном пространстве, выявлены особенности сущностного содержания патриотизма и национализма с констатацией общего и различий.

Ключевые слова: глобализационные вызовы, патриотизм, национализм, гражданская нация, этническая консолидация, этноцентризм, социальные и философские аспекты, полиэтничные субъекты Федерации.

О. В. Копылов

СООТНОШЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО И ПАТРИОТИЧЕСКОГО

Аннотация: в статье анализируется соотношение патриотичности и религиозности, выступающих в качестве свойств общественных и политических институтов. Делается вывод о разнообразии форм, возникающих на основе корреляции этих форм.

Ключевые слова: религиозность, патриотичность, социоцентрические религии, гражданская религия, государственно-конфессиональные отношения.

И. В. Пащак

ЦЕННОСТИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ В ГРАЖДАНСКОМ ЕДИНЕНИИ

Аннотация: в настоящей статье рассматривается вопрос о роли духовных ценностей в социальной и культурной жизни современной России, особенно в аспекте гражданского единения. Отмечается значимость образования, нравственного и патриотического воспитания в культурном и социально-политическом развитии страны. Автор также высказывает и обосновывает идею о приоритете духовных гуманистических ценностей перед сугубо материальными.

Ключевые слова: духовные ценности, культура, нравственность, просвещение, гражданственность.

С. Г. Дюкин

РОССИЙСКОЕ ИЛИ РУССКОЕ: О ПРОБЛЕМЕ НАЦИИ И ЭТНОСА

Аннотация: в статье рассматривается проблема соотношения национального и этнического. В российских условиях некорректная взаимозаменяемость данных терминов приводит к нежелательным последствиям: национальная идентичность заменяется этнической, что оказывает негативное влияние на единство государства. Данный фактор присутствует в обыденном сознании и во властном дискурсе. Его распространение и иррационализация приводят к совмещению социальных и этнонациональных проблем. Решение данного сложного вопроса видится в рационализации и упрощении двух типов идентичностей.

Ключевые слова: идентичность, этническое, национальное, политэтничность, многоконфессиональность, конфликт.

Г. В. Куличкина

РУССКИЙ ЯЗЫК В СМИ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Аннотация: русский язык отечественных СМИ обладает потенциалом межнациональной коммуникации народов России. Анализ публикаций русских районных газет и краевой печати региональных национальных общественных организаций полиэтничного Пермского края показал, что для межнациональной коммуникации журналисты чаще всего опираются на тематическую парадигму текста. Обнаружено несколько групп словесных ресурсов, способствующих межнациональной коммуникации представителей разных этносов с текстом и между собой.

Ключевые слова: русский язык, полиэтничный регион, межнациональной коммуникация.

Т. Г. Голева

УКРЕПЛЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ЕДИНСТВА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО НАРОДА

Аннотация: развитие гражданского единства представителей коми-пермяцкого народа находится на начальной стадии. Для его укрепления необходимо пони-

мание современной ситуации, выявление примеров гражданской активности, общих интересов населения. Так как речь идет о единении представителей этнической общности, несомненно, важными в данном случае являются вопросы сохранения этнической идентичности и определения необходимых для этого условий. Именно данные проблемы рассматриваются в настоящей статье.

Ключевые слова: гражданское единство, условия укрепления гражданского единства, этническая идентичность, коми-пермяки, финно-угорское сообщество.

Е. А. Коваль

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ СЕТИ ИНТЕРНЕТ В ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЕ

Аннотация: статья посвящена анализу двойственной роли Интернета в информационной войне. С одной стороны, сеть является инструментом информационной войны, обеспечивающим ее беспрецедентный масштаб и эффективность. С другой стороны, Интернет выступает способом формирования гражданского единения, повышения степени социального доверия, которое позволяет противодействовать негативным последствиям информационной войны.

Ключевые слова: Интернет, гражданское единение, цифровая демократия, разобщенность, информационная война.

Д. В. Горюнов

НОВЫЕ МИССИОНЕРСКИЕ ПРАКТИКИ РЕЛИГИОЗНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «СВИДЕТЕЛИ ИЕГОВЫ»

Аннотация: в статье рассматривается миссионерская деятельность религиозного объединения «Свидетели Иеговы». Проведен анализ новых миссионерских практик: «плакатной евангелизации» и др.

Ключевые слова: религиозное объединение «Свидетели Иеговы», иеговисты, верующий, миссионерская деятельность, «плакатная евангелизация».

С. Ю. Жданова, А. В. Печеркина

ПСИХОСОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

Аннотация: в статье рассматривается проблема адаптации иностранных студентов к новым условиям социокультурной и учебной среды, представлены психосоциальные технологии формирования адаптации иностранных студентов к новым условиям обучения в российском вузе. В качестве одного из механизмов адаптации у иностранных студентов рассматривается феномен толерантного отношения к ним со стороны преподавателей и студентов. Представлены рекомендации, направленные в адрес преподавателей, касающиеся формирования адаптации к новой языковой, социокультурной и учебной среде у иностранных студентов.

Ключевые слова: адаптация иностранных студентов, психосоциальные технологии формирования адаптации иностранных студентов к новым условиям образовательного пространства.

А. С. Ломова

МУЗЕЙ КАК ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В УСЛОВИЯХ МАНИПУЛЯТИВНОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация: в работе рассматривается роль современного музея в формировании исторического самосознания и коллективной гражданской идентичности, влияние факторов современности на эти процессы.

Ключевые слова: социальная память, социальный конструкт, коллективная идентичность, историческое самосознание, музейный предмет, манипулятивность, хабиитуализация, эмпирическая реальность исторического мира.

ABSTRACTS

V. S. Glagolev

CIVIL UNITY OF RUSSIA: TASKS AND PROBLEMS

Abstract: the article proposes specification of the concept of «civil unity» in the public-political, cultural, national and household levels. Mutual addition of these levels in daily life creates a basic prerequisite for achieving mutual understanding and successful joint action in dealing with Russia's key tasks in dynamic and turbulent conditions of our time. In the context of the perspective offered by the author, the selected processes are filled with cultural and historical content of the principle of a civil union, relevant for our country.

Key words: civil unity, national unity, culture of everyday life, the «culture of cleanliness» policy culture, national culture.

References

- Glagolev, V. S.* Metateorii v upravlenii: pragmaticheskie posledstvija filosofskih razdumij / V. S. Glagolev // Pravo i upravlenie. XXI vek. – 2001. – № 1. – S. 33–41.
- Glagolev, V. S.* Perspektivy nacionalizma v globalizirujushhemsja mire / V. S. Glagolev // Sovremennye globalizacionnye vyzovy i nacional'nye interesy. – 2016. – S. 383–384.
- Glagolev, V. S.* Pravovaja kul'tura v sisteme nacional'nyh cennostej / V. S. Glagolev // Pravo i upravlenie. XXI vek. – 2015a. – № 4. – S. 33–38.
- Glagolev, V. S.* Rossija v sovremennom mire: osobennosti social'noj dinamiki / V. S. Glagolev // Mezhkul'turnaja kommunikacija v uslovijah globalizacii: problema kul'turnyh granic v sovremennom mire: materialy VIII Konventa RAMI. – 2015b. – S. 34–42.
- Glagolev, V. S.* Religiozno-kul'turnoe prostranstvo evropejskoj Rossii: faktory dinamiki tradicij i tradicii dinamiki / V. S. Glagolev, M. V. Silant'eva // Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Politologija. Religiovedenie. – 2010. – № 2. – S. 131–140.
- Lucenko, A. V.* K voprosu o filosofskoj kritike sovremennoego neojazychestva / A. V. Lucenko // Sbornik III vserossijskoj nauchno-praktičeskoj konferencii «Molodjozh' i nauka: real'nost' i budushhee» 3 marta 2010 g. – Nevinnomyssk, 2010. – S. 420–422.
- Mishuchkov, A. A.* Tradicionnye cennosti v globalizirujushhemsja mire / A. A. Mishuchkov // Vestnik OGU. – 2015. – №3 (178). – S. 65–71.
- Nizhnikov, S. A.* Problemy sovremennoj demokratii i grazhdanskoe obshhestvo / S. A. Nizhnikov // Al'manah «Prostranstvo i Vremja» [Jelektronnoe nauchnoe izdanie]. – 2014. – №1. – S. 10. – Available at : <http://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sovremennoy-demokratii-i-grazhdanskoe-obshchestvo> (03.03.2017).
- Nikol'skij, S. A.* Prosveshhenie – grazhdanstvennost' – patriotizm / S. A. Nikol'skij // Politicheskaja konceptologija: zhurnal metadisciplinarnyh issledovanij. – 2014. – № 3. – S. 178–190.

Popkov, Ju. V. Refleksivnaja koncepcija internacionalizaciji kak metodologičeskaja osnova nacional'noj politiki / Ju. V. Popkov // ZPU. – 2013. – №2. – S. 35–41.

Rubcov, A. V. Rossijskaja identičnost' i vyzovy modernizaciji / A. V. Rubcov // Otechestvennye zapiski. – 2012. – № 2 (47). – S. 296–320.

Rubcov, A. V. Privedenie k sovremennosti: čto takoe modernizacija v Rossii? // Nezavisimaja gazeta, 2010. – Available at : http://www.ng.ru/ideas/2010-04-14/5_modernize.html (15.02.2017)

Rubcov, A. V. Politiki na televidenii kak nauchnaja problema / A.V. Rubcov // Polis. Politicheskie issledovanija. – 1994. – № 6. – S. 157.

Rubcov, A. V. Rossija v nachale XXI veka: ot ideologii k megaproektu / A. V. Rubcov // Polignozis. – 2009. – № 2. – S. 33.

Silant'eva, M. V. Diffuznaja identičnost' – sovremennaja versija graždanskoj identičnosti / M.V. Silant'eva // Vestnik MGIMO Universiteta. – 2012. – № 2. – S. 173–179.

Silant'eva, M. V. Komparativnyj analiz revitalizaciji nacional'no-kul'turnogo mifa v religioznom izmerenii: Rossija vs Zapadnaja Evropa / M. V. Silant'eva // Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Politologija. Religiovedenie. – 2016a. – T. 16. – S. 48–64.

Silant'eva, M. V. Nacional'no-kul'turnyj mif v uslovijah sovremennogo transcenzusa: filosofskij analiz / M. V. Silant'eva // Gumanitarnyj vektor. – 2016 b. – T. 11, № 2. – S. 72–80.

Silant'eva, M. V. Sovremennaja graždanskaja identičnost' v prostranstve rossijskoj kul'tury / M.V. Silant'eva // Pravo i upravlenie. XXI vek. – 2011. – № 4. – S. 19–23.

Ivanova, S. Meaning of Russian ethnic identity in modern civil project / S. Ivanova // Nauchnyj al'manah stran Prichernomor'ja. – 2016. – №3 (7). – S. 31–34.

Samoilenko, S. A. Media, Political Advertising and Election Campaigning in Russia / S. A. Samoilenko, E. Erzikova. – 2016. Available at : [http://s3.amazonaws.com/academia.edu.document](http://s3.amazonaws.com/academia.edu/document) (03.03.2017).

Tenelle, J. P. Moral and political identity and civic involvement in adolescents // Journal of Moral Education. – 2013. – Available at: <http://dx.doi.org/10.1080/03057240.2012.761133> (03.03.2017).

M.G. Pismanik

REFLECTIONS RELATIVELY THE STATE NATIONAL POLICY

Abstract: the article deals with the questions of equipment and practical realization of the strategy of the state national policy in the Russian Federation.

Key words: state national policy, strategy, ethnos, nation, Russian nation.

References

V sporah ob edinstve [Jelektronnyj resurs]. – Available at: <http://www.interfax-russia.ru/print.asp?id=813338&type=view> (07.03.2017).

Zorin, V. Ju. Gosudarstvennaja nacional'naja politika v Rossii i sovremennost' / V. Ju. Zorin // Issledovanija po prikladnoj i neotložnoj jetnologii. – M. : IJeA RAN, 2011. – Vyp. 225. – 33 s.

Kostina, A. V. Kul'turnaja politika sovremennoj Rossii: sootnoshenie jetnicheskogo i nacional'nogo / A. V. Kostina, T. M. Gudima. – 3-e izd., dop. – M.: URSS, 2016. – 256 s.

Lihachev, D. S. Zametki o russkom // Lihachev D. S. Izbrannye raboty v treh tomah. – L. : Hudozh. lit., 1987. – T. 2. – S. 418-494.

O rossijskoj nacii i upravlenii mezhdjetnicheskimi otnoshenijami [Elektronnyj resurs]. – Available at: <https://life.ru/925148> (03.04.2017).

Putin, V. V. Rossiya: nacional'nyj vopros / V. V. Putin // Nezavisimaja gazeta. – 2012. – 23 janvarja.

Tishkov V. A. Jetnichnost' / V. A. Tishkov // Novaja filosofskaja jenciklopedija: v 4 t. – M. : Mysl', – 2001b. – T.4. – 606 s.

Tishkov, V. A. Nacija / V. A. Tishkov // Novaja filosofskaja jenciklopedija: v 4 t. – M. : Mysl', – 2001a. – T. 3. – 694 s.

M. V. Silantjeva

NATIONAL IDEA AS NON-IDEOLOGICAL PROJECT

Abstract: the article examines the concept of civil identity in a philosophical way – through the prism of the concept of «national idea». Different interpretations of the essence of national unity and, as a result, the methods of its formation are compared. The source and structure of the national and cultural identity as a self-disclosure of the «national idea» – the «way of meaning», which is an anthropological matrix of the «middle level», is analyzed. The difference of this matrix from purely ideological strategies for maintaining national unity shows the fundamental detriment of mono ideological influence on mass consciousness.

Key words: national idea, civic identity, national unity, «culture as a way of meaning», ideology and meaning.

References

Afanas'eva, N. D. Russkij jazyk v stanah blizhnego i dal'nego zarubezh'ja na sovremennom jetape / N. D. Afanas'eva // Aktual'nye problemy prepodavaniya russkogo jazyka kak inostrannogo v vuze: materialy III mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoj konferencii / sost. M. V. Beljakov. – M. : MGIMO, 2014. – S. 9–16.

Belencov, S. I. Grazhdanskoe vospitanie v zarubezhnoj reformatorskoj pedagogike konca HIIH nachala HH v. / S. I. Belencov // Vestnik PSTGU. Serija 4: Pedagogika. Psihologija. – 2014. – №2 (33) – S. 53–64.

Burd'e, P. Duh gosudarstva: genesis i struktura bjurokraticheskogo polja / P. Burd'e // Sociologija social'nogo prostranstva / per. s franc.; obshh. red. perevoda N. A. Shmatko. – M. : Institut jeksperimental'noj sociologii; SPb. : Aletejja, 2007. – S. 220–254.

Gegel', G. V. F. Jenciklopedija filosofskih nauk: v 3 t. / G. V. F. Gegel'. – M. : Mysl', 1977. – T. 3. – 472 s.

Gibadullin, R. M. Postsovetskij diskurs nacii kak problema mezhdjetnicheskogo edinstva Rossii / R. M. Gibadullin // Vlast'. – 2010. – №1. – S. 74–78.

Glagolev, V. S. Religiozno-jetnicheskoe napolnenie obrazov «svoj» i «chuzhoj» v dinamike politicheskoy konjunktornosti / V. S. Glagolev // Dialog kul'tur i partnerstvo civilizacij. XIV Mezhdunarodnye Lihachevskie nauchnye chtenija. – SPb. : SPbGUP, 2014. – S. 362–365.

Glagolev, V. S. Psihologicheskie aspekty grazhdanskogo edinstva / V. S. Glagolev // Problemy grazhdanskogo edinstva rossijskoj nacii: materialy k mezhracional'noj nauch.-prakt. konferencii-dialogu «Aktual'nye problemy ukrepleniya edinstva rossijskoj nacii (filosofsko-kul'turologicheskie, jetno-konfessional'nye i psihologo-pedagogicheskie aspekty)». – Perm', 2016. – S. 167–174.

Glagolev, V. S. Rossija v sovremenom mire: osobennosti social'noj dinamiki / V. S. Glagolev // Mezhkul'turnaja kommunikacija v uslovijah globalizacii: problema kul'turnyh granic v sovremenom mire: materialy VIII Konventa RAMI. – 2015b. – S. 34–42.

Glagolev, V. S. Pravovaja kul'tura v sisteme nacional'nyh cennostej / V. S. Glagolev // Pravo i upravlenie. XXI vek. – 2015a. – № 4. – S. 33–38.

Dianina, S. Ju. Cennosti islama v osveshhenii SMK Severnoj Evropy: paradoksy mezhkul'turnogo dialoga / S. Ju. Dianina // Vestnik MGIMO Universiteta, 2014b. – № 2 (35). – S. 264–266.

Dianina, S. Ju. Integracija kak social'no-filosofskaja problema / S. Ju. Dianina // Nauka, obrazovanie, obshhestvo: tendencii i perspektivy: sbornik nauchnyh trudov po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii: v 7 chastjah. – M.: OOO "AR-Konsalt", 2014a. – S. 31–34.

Eremina, I. S. Sushhnost' projavlenija fenomena grazhdanstvennosti v strukture lichnosti / I. S. Eremina // Sovremennye issledovanija social'nyh problem. – 2012. – № 9 (17). – S. 61–82.

Kravchenko, N. Ju. Krizis koncepta grazhdanskoy identichnosti: sociologicheskoe izmerenie / N. Ju. Kravchenko // Izvestija Saratovskogo un-ta. Serija: Sociologija. Politologija. – 2015. – №3. – S. 14–18.

Omelichkin, O. V. Grazhdanskaja kul'tura Rossii: problemy formirovanija / O. V. Omelichkin // Vestnik KemGU. – 2015. – № 2 2 (62). – S. 76–80.

Perunova, N. V. Cennostno-arhetipicheskij kompleks: struktura i tipologija / N. V. Perunova. – M. : Direkt-Media, 2013. – 184 s.

Popovkin, A. V. Uroki istorii: novyj gumanizm kak osnovanie grazhdanskogo edinstva / A. V. Popkova // Rossija i ATR. – 2016. – № 1 (91). – S. 107–114.

Rubcov, A. V. V ozhidanii Idei. Zametki na poljah diskussii / A. V. Rubcov // Nezavisimaja gazeta. – 1997. – 4 nojabrja. – S.4.

Rubcov, A. V. Kakoj ne dolzhna byt' ideja dlja Rossii, uzhe izvestno / A. V. Rubcov // Komersant. Den'gi. – 1996. – S. 27.

Rubcov, A. V. Rossija v nachale XXI veka: ot ideologii k megaproektu / A. V. Rubcov // Polignozis. – 2009. – № 2. – S. 33.

Silant'eva, M. V. Diffuznaja identichnost' – sovremennaja versija grazhdanskoy identichnosti / M. V. Silant'eva // Vestnik MGIMO Universiteta. – 2012. – № 2. – S. 173–179.

Silant'eva, M. V. Sovremennaja grazhdanskaja identichnost' v prostranstve rossijskoj kul'tury / M. V. Silant'eva // Pravo i upravlenie. XXI vek. – 2011. – № 4. – S. 19–23.

Sokolov, A. V. Grazhdanskaja mobilizacija: mehanizmy realizacii v sovremennoj Rossii / A. V. Sokolov, A. V. Solov'ev // Vlast'. – 2014. – №9. – S. 19–24.

Starostenko, K. V. Gosudarstvennaja nacional'naja politika v Rossii v uslovijah jetnopoliticheskogo mnogoobrazija / K. V. Starostenko // Vestnik BGU. – 2010. – № 14. – S. 294–299.

Jakushina, O. I. Identichnost' v sociologicheskoj teorii Je. Giddensa / O. I. Jakushina // Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. – 2014. – №. 2. – S. 694.

M. G. Suslov

PATRIOTIC TRADITIONS OF THE FATHERLAND

Abstract: the article examines the phenomenon of patriotism, shows its origins and basic patriotic traditions, explores the reasons for their formation, destruction and revival, analyzes the significance of patriotic traditions in the past, present and future of Russia, compares the internal and external factors that prevented and will prevent the preservation and manifestation of patriotic traditions in Russia.

Key words: patriotism, patriotic traditions and their role in the history of Russia.

References

Vyrshhikov, A. N. Patrioticheskoe vospitanie molodjzhi v sovremennom rossijskom obshhestve. Monografija / A. N. Vyrshhikov, M. B. Kusmarcev. – Volgograd : NP IPD «Avtorskoe pero», 2006. – 172 s.

Konstitucija Rossijskoj Federacii: prinjata vsenar. golosovaniem 12 dek. 1993 g. // Garant. – 2016. – St. 13.

Najda, O. A. Patriotizm i voenno-patrioticheskie tradicii Rossii / O. A. Najda, V. Ju. Rostovskij. – Volgograd, 2012. – 244 s.

Ob utverzhdenii dolgosrochnoj celevoj programmy «Patrioticheskoe vospitanie zhitelej Permskogo kraja na 2013–2017 gody»: postanovlenie pravitel'stva Permskogo kraja ot 6 maja 2013 g. – № 382-p. – Available at: permkrai.info (06.02.2017).

Pamjatniki literatury Drevnej Rusi. Vtoraja polovina XV veka / per. Ja. S. Lur'e. – M., 1982. – S. 514–521.

Strel'nikov, V. Patriotizm – vazhnejshij faktor ukreplenija Vooruzhennyh Sil RF / V. Strel'nikov // Orientir. – 2003. – № 1. – S. 48–50.

Chernaja, L. A. Ot idei «sluzhenija gosudarju» k idee «sluzhenija otechestvu» v russkoj obshhestvennoj mysli vtoroj poloviny XVIII – nach. XIX vv. / L. A. Chernaja // Obshhestvennaja mysl': issledovanija i publikacii. – M., 1989. – Vyp. I. – S. 42.

V. V. Gavrilova

EDUCATION OF PATRIOTISM IN THE MODERN RUSSIAN SOCIETY

Abstract: in the article the problems of patriotic education are examined within the framework of the modern educational system. The questions of the religious enlightening are affected at society school. The article contains suggestion on ranging of the system of patriotic education.

Key words: patriotic education, system of education, curricula programs of disciplines, history, literature, culture, traditional religions, orthodoxy, domestic tourism.

References

Gavrilova, V. V. Filosofskij analiz social'noj doktriny Russkoj pravoslavnoj cerkvi v 20 veke [Tekst]: dis. na soisk. uchen. step. kand. filos. nauk: (09.00.11) / V. V. Gavrilova. – Perm': Perm. gos. un-t, 2005. – 136 c.

O strategii gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda : ukaz Prezidenta RF № 1666 ot 19 dekabnja 2012 g. [Jelektronnyj resurs]. – Available at : <http://prezident.rf/news/17165> (26.01.2017).

O federal'noj celevoj programme «Ukreplenie edinstva rossijskoj nacii i jetno-kul'turnoe razvitie narodov Rossii (2014–2020 gg.)»: postanovlenie № 718 ot 20 avgusta 2013 g. [Jelektronnyj resurs]. – Available at: <http://government.ru/media/files/41d4862001ad2a4e5359.pdf> (26.01.2017).

Osnovy social'noj koncepcii Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi [Jelektronnyj resurs]. Available at: <http://www.russian-ortodox-church.org.ru/sd00r.htm> (26.01.2017).

Patriarh Aleksij Vtoroj. Vystuplenie na Arhieriejskom sobore, avgust, 2000 // Zhurnal Moskovskoj patriarhii. – 2000. – № 9.

Pismanik M. G. Problemy prepodavaniya religiovedeniya / M. G. Pismanik // Religija v izmenjajushhejsja Rossii. Materialy II Rossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (11–12 maja 2004 g.): v 2 t. / pod red. prof. V. A. Kajdalova, prof. M. G. Pismanika. – Perm' : Izd-vo PGU, 2004. – T. 1. – S. 207–218.

R. I. Schukina

SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF NATIONAL AND PATRIOTIC ASPECTS

Abstract: the article was an attempt to socio-philosophical analysis of the concepts of «patriotism» and «national», which is due to the relevance of modern globalization challenges. The approaches to the interpretation of these concepts, justified their social importance in the social space, peculiarities of the essential content of patriotism and nationalism with a statement of general and differences.

Key words: globalization challenges, patriotism, nationalism, civil nation, ethnic consolidation, ethnocentrism, social and philosophical aspects-ethnic subjects of the Federation.

References

Baranov, E. G. Naciopatija istochnik konfliktov [Jelektronnyj resurs] / E. G. Baranov. – Available at: http://ecsocman.hse.ru/data/386/718/1216/006_NATsIONALNYE_OTNOSHENIYa.pdf. (19.01.2017).

Berdjaev, N. A. O sovremennom nacionalizme [Jelektronnyj resurs] / N. A. Berdjaev. – Available at: <http://www.odinblago.ru/sovr> (19.01.2017).

Brend «Boevaja Rus'» vozrozhaet simboliku i istoriju Rusi! [Jelektronnyj resurs]. – Available at: <http://mmaoctagon.ru/news/boevaya-rus-vozrozdienie/> (02.02.2017).

V Bereznikah sluchilsja besporjadok. Massovyj. [Jelektronnyj resurs]. – Available at: <http://www.beriki.ru/2015/03/23/v-bereznikakh-sluchilsya-besporjadok-massovyj> (02.02.2017).

V Permskom krae osuzhden sozdatel' gruppy «KONR/ROA Russkaja Osvoboditel'naja Armija» [Jelektronnyj resurs]. – Available at: <http://www.sova-center.ru/racism-enophobia/news/counteraction/2015/09/d32922/> (02.02.2017).

Veber, M. Izbrannye proizvedenija: per. s nem. / M. Veber; sost., obshh. red. i poslesl. Ju. N. Davydova; predisl. P. P. Gajdenko. – M. : Progress, 1990. – 808 s.

Gnatenko, E. A. Edinstvo naroda kak nauchnaja i npravstvennaja problema / E. A. Gnatenko // Problemy rossijskogo samosoznaniya: patriotizm, grazhdanstvennost' i otechestvennaja kul'tura. – M.; Belgorod : BelGU, 2013. – S. 107–108.

Il'in, I. A. Sobranie sochinenij: v 10 t. / I. A. Il'in; sost., vstupid. st. i komment. Ju. T. Lisicy. – Moskva: Russkaja Kniga, 1993–1999. – T. 1. Put' duhovnogo obnovlenija; Osnovy hristianskoj kul'tury; Krizis bezbozhija. – M.: Russkaja kniga, 1996. – 400 s.

Nikol'skij, S. A. Sovremennoe rossijskoe samosoznanie, nacional'noe edinenie i patriotizm / S. A. Nikol'skij // Integral'naja perspektiva v gumanitarnyh naukah. – 2014. – № 1. – S. 26–34.

Putin, V. V. Patriotizm – jeto i est' nacional'naja ideja [Jelektronnyj resurs] / V. V. Putin. – Available at: <http://tass.ru/politika/2636647> (02.02.2017).

Strategija gosudarstvennoj nacional'noj politiki RF na period do 2025 goda: Ukaz Prezidenta RF № 1666 ot 19.12. 2012 g.; *Strategija* nacional'noj bezopasnosti RF do 2020 goda: Ukaz Prezidenta RF ot № 53712.05.2009 g. [Jelektronnyj resurs]. – Available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70339260/#ixzz2trWQCG05> (05.02.2017).

Tolstoj, P. Nuzhno zapretit' shutit' nad patriotizmom [Jelektronnyj resurs] / P. Tolstoj. – Available at: <http://www.kurer-sreda.ru/2016/11/05/260804-tolstoj-xochet-zapretit-shutit-nad-patriotizmom> (02.02.2017).

O. V. Kopylov

THE RATIO OF RELIGIOUS AND PATRIOTIC

Abstract: this article analyzes the relation of religion and patriotism, acting as properties of social and political institutions. The conclusion of the diversity of emerging based on the correlation of these forms.

Key words: religious, patriotic, sociocentric religion, civil religion, the state-confessional relations.

References

Bella, R. Grazhdanskaja religija v Amerike / R. Bella; perevod s anglijskogo S.B. Veselovoj, V.A. Egorova // Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnej akademii. – 2014. – T. 15. – Vyp. 3. – S. 162–182.

Men', A., protoierej. Trudnyj put' k dialogu / A. Men'. M. : ID «Zhizn' s Bogom», 2008. – S. 60–61.

Oracheva, O. I. Politicheskaja mysl' v terminah i licah: uceb.-metod. posobie / O. I. Oracheva, O. B. Podvincev. – Perm': Perm. un-t; Zap-ural. in-t jekonomiki i prava, 1998. – S. 174–175.

Pivovarov, D. V. Sociocentricheskie religii: monogr. / D. V. Pivovarov. – Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2015. – 137 s.

Toshhenko, Zh. T. Sociologija. Obshhij kurs. / Zh. T. Toshhenko. – M. : Jurajt-Izdat, 2003a. – 511 s.

Toshhenko, Zh. T. Jetnokratija: Istorija i sovremennost'. Sociologicheskie ocherki / T. Zh. Toshhenko. – M. : Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2003b. – 432 s.

Horuzhenko K. M. Kul'turologija: jenciklopedicheskij slovar' / K. M. Horuzhenko. – Rostov-n/D. : Izd-vo «Feniks», 1997. – 639 s.

Cypin, V., protoierej. Kurs cerkovnogo prava / V. Cypin. – Klin: Izd-vo fonda «Hristianskaja zhizn'», 2002. – 703 s.

Jelbakjan, E. S. Religioznost' / E. S. Jelbakjan // Jenciklopedija religij / Pod red. A. P. Zabajako, A. N. Krasnikova, E. S. Jelbakjan. – M. : Akademicheskij proekt; Gaudeamus, 2008. – 1065 s.

I. V. Paschak

THE VALUES OF RUSSIAN CULTURE IN CIVIL UNITY

Abstract: the article examines the role of spiritual values in the social and cultural life of modern Russia, especially in terms of civic unity. Noted the importance of education, moral and patriotic upbringing in cultural and socio-political development of the country. The author expresses and substantiates the idea about the priority of spiritual humanistic values before purely material.

Key words: spiritual values, culture, morality, education, citizenship.

References

Ivliev, G. P. Kul'turnaja politika i razvitie zakonodatel'stva o kul'ture v RF / G. P. Ivliev. – M., 2012. – 240 s.

Ortega-i-Gasset H. Vosstanie mass / H. Ortega-i-Gasset. – M., 2001. – 509 s.

Ortega-i-Gasset H. Pochemu my vnov' prishli k filosofii? / H. Ortega-i-Gasset. – M., 1997. – 464 s.

Ortega-i-Gasset H. Tema nashego vremeni / H. Ortega-i-Gasset // Samosoznanie evropejskoj kul'tury XX veka. – M., 1991. – S. 265–267.

Fromm Je. Imet' ili byt'? / Je. Fromm. – M., 2016. – 320 s.

S. G. Dyukin

RUSSIAN AS A STATE OR ETHNIC NOTION: ABOUT THE PROBLEM OF NATION OR ETHNOS

Abstract: the article is devoted to problem of *national* and *ethnic*. In Russian discourse such incorrect interchangeability can lead to unwonted consequences. Ethnic identity changes national identity. It has negative impact on the unity of the State. This Factor Presents In Official Discourse And Everyday Consciousness. It`s disseminate and irrationalization leads to escalation of social and ethnic problems. The decision of this issue problem consists in rationalization of two kinds of identities.

Key words: identity, ethnic, national, poliethnic, multy-ethnicity, poly-confessional, conflict.

References

Amelin, V. Jetnopoliticheskie konflikty: tipy i formy projavlenija, regional'nye osobennosti [Jelektronnyj resurs] / V. Amelin. – Available at: <http://credonew.ru/content/view/46/54/> (23.02.2017).

Balibar, Je. Rasa, nacija, klass / Je. Balibar, I. Vallerstajin. – Moskva : Logos, 2004. – 288 s.

Batyrev, D. N. Problema nacional'noj identichnosti v globaliziruju-shhemsja mire: social'no-filosofskij analiz: dis. ... kandidata filosofskih nauk: 09.00.11 / D. N. Batyrev. – Rostov-n/D., 2009. – 196 s.

Bromlej, Ju. V. Očerki teorii jetnosa / Ju. V. Bromlej. – M. : Nauka, 1983. – 418 s.

Gorodeckaja N. Zakon o rossijskoj nacii spuskajut na regional'nyj uroven' // Kommersant. – 2016. – 16 dekabrya.

Dragunskij, D. K. Osobennosti nacional'nogo proektirovanija [Jelektronnyj resurs] / D. K. Dragunskij. – Available at: <http://users.kaluga.ru/kosmorama/dragunsky.html> (23.02.2017).

Interv'ju № 1. Iz arhiva avtora.

Interv'ju № 2. Iz arhiva avtora.

Malahov, V. S. Sovremennyj russkij nacionalizm / V. S. Malahov // Mysljashhaja Rossija. Kartografija sovremennyh intellektual'nyh napravlenij. – M. : Nekommercheskij fond «Nasledie Evrazii», 2006. – S. 141–157.

O «rossijskoj nacii», russkom narode i mezhnacional'nom soglasii // Rossija segodnja [Jelektronnyj resurs]. – Available at: <https://ria.ru/analytics/20161102/1480543704.html> (23.02.2017).

Tishkov, V. Rekviem po jetnosu: Issledovanija po social'no-kul'turnoj antropologii / V. Tishkov. – M. : Nauka, 2003. – 544 s.

Federal'naja celevaja programma «Ukreplenie edinstva rossijskoj nacii i jetno-kul'turnoe razvitie narodov Rossii (2014–2020 gg.): postanovlenie № 718 ot 20 avgusta 2013 g. [Jelektronnyj resurs]. – Available at: <http://government.ru/media/files/41d4862001ad2a4e5359.pdf> (23.02.2017).

Hobsbaum, Je. Princip jetnicheskoi prinadlezhnosti i nacionalizm v sovremennoj Evrope / Je. Hobsbaum // Nacii i nacionalizm. – M. : Logos, 2002. – S. 332–346.

G. V. Kulichkina

RUSSIAN LANGUAGE IN THE MEDIA AND INTERETHNIC COMMUNICATION

Abstract: the Russian language of domestic mass media has the potential of inter-ethnic communication of the peoples of Russia. The analysis of publications of Russian regional newspapers and Perm Krai publications of the regional national multi-ethnic public organizations showed that journalists most often rely on thematic paradigm of the text for inter-ethnic communication. There have been discovered several groups of verbal resources that promote inter-ethnic communication of the representatives of different ethnic groups with the text and with each other.

Key words: Russian language, polyethnic region, interethnic communication.

References

Abdulatipov, R. G. Sud'by narodov Rossii v XXI veke: Strategija nacional'noj gosudarstvennoj politiki: Nauchno-metodicheskie osnovanija razrabotki i realizacii Strategii gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii / R. G. Abdulatipov, V. A. Mihajlov. – Mahachkala : Izd. dom «Jepoha», 2013. – S. 81–109.

Arutjunova, E. A. Problema agressii v publicisticheskom diskurse // Zhurnalistika v 2014 godu: SMI kak faktor obshhestvennogo dialoga: sb. materialov mezhdunarodnoj nauch.-prakt. konf. – M. : Fakul'tet zhurnalistiki MGU im. M. V. Lomonosova, 2015. – S. 87.

Vasil'eva, V. V. Obshhenacional'nyj kul'turno-rechevoj ideal v inojazychnoj srede // Zhurnalistika v 2013 god: regiony v rossijskom mediaprostranstve: sb. materialov mezhdunarodnoj nauch.-prakt. konf. – M. : Fakul'tet zhurnalistiki MGU im. M. V. Lomonosova, 2014. – S. 337–338.

Kovalenko, A. G. O zashhite pozicij russkogo jazyka v sovremennom mire / A.G. Kovalenko, V.M. Shaklein // Russkij jazyk mezhdru Evropoj i Aziej: sbornik statej / pod red. A. V. Fomenko. – M. : LENAND, 2013. – S. 60–71.

Kondakov, I. V. Globalitet Russkogo mira v dialoge kul'tur // Russkij jazyk v dialoge kul'tur : sb. st. / pod red. A. A. Klimova i A. V. Fomenko. – M. : LENAND, 2014. – S. 51–63.

Kon'kov, V. I. Russkaja rech' kak zhiznennaja cennost' v rechevoj praktike SMI // Zhurnalistika v 2011 godu: Cennosti sovremennogo obshhestva i SMI: sb. materialov mezhdunarodnoj nauch.-prakt. konf. – M. : Fakul'tet zhurnalistiki MGU im. M. V. Lomonosova, 2012. – S. 280.

Kosachev, I. K. Russkij jazyk na postsovetskom prostranstve i v mire / I. K. Kosachev // Russkij jazyk mezhdru Evropoj i Aziej: sb. st. / pod red. A. V. Fomenko. – M. : LENAND, 2013 – S. 12–24.

Maljanov, E. A. Russkaja kul'turnaja dominanta: problema sohraneniya i vosproizvodstva v uslovijah rossijskoj polijetniceskoj civilizacii / E. A. Maljanov // Problemy ukreplenija edinstva rossijskoj nacii: materialy Vseros. nauch.-prakt.: v 2 ch. / otv. Red. S. A. Nikol'skij, M. G. Pismanik; Perm. gos. akad. iskusstva i kul'tury. – Perm', 2014. – Ch.1. – S. 105–114.

Umahanov, I. M.-S. Russkij jazyk i kul'tura kak instrument garmonizacii mezhnacional'nyh otnoshenij / I. M.-S. Umahanov // Russkij jazyk mezhdru Evropoj i Aziej: sbornik statej / pod red. A.V. Fomenko. – M. : LENAND, 2013. – S. 25–33.

T. G. Goleva

STRENGTHENING THE CIVIL UNITY OF THE REPRESENTATIVES OF THE KOMI-PERMYAK PEOPLE

Abstract: the development of the civil unity of the representatives of the Komi people is at an early stage. Its strengthening requires an understanding of the current situation, identifying the examples of civic activity, the common interests of the population. As we are talking about the unity of the ethnic community, it is certainly important in this case to pay attention to the issues of preservation of ethnic identity and determination of the necessary conditions for this. These issues are discussed in this article.

Key words: civic unity, the conditions of strengthening of civil unity, ethnic identity, Komi-Permyaks, the Finno-Ugric community.

References

Goleva, T. G. Problemy formirovaniya grazhdanskogo edinenija u predstavitelej komi-permjackogo naroda / T. G. Goleva // Problemy ukreplenija edinstva rossijskoj nacii.: v 2 ch. – Perm', 2014. – Ch. 2. – S. 56–63.

Goleva, T. G. Komi-permjaki Permi: istorija i kul'tura / T. G. Goleva, A. V. Chernyh. – Perm' : Izd-vo «Mamatov», 2016. – 64 s.

Its, V. F. Vvedenie v jetnografiju / V. F. Its. – L. : Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1991. – 168 s.

Naselenie po nacional'nosti i vladeniju russkim jazykom po sub#ektam Rossijskoj Federacii [Jelektronnyj resurs] // Vserossijskaja perepis' naselenija 2002 g. – Available at: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (02.03.2017).

Tishkov V. A. Rekvem po jetnosu. Issledovanija po social'no-kul'turnoj antropologii / V. A. Tishkov. – M. : Nauka, 2003. – 544 s.

Chagin, G. N. Jetnokul'turnaja istorija Srednego Urala v konce XVII – pervoj polovine XIX veka / G. N. Chagin. – Perm' : Izd-vo Permskogo universiteta, 1995. – 364 s.

Chuvatova K. Na drevnem gorodishhe v Komi-Permjackom okruge zazhgut ogon' pamjati [Jelektronnyj resurs]. – Available at: <http://59.ru/text/newsline/213077597601792-print.html> (02.03.2017).

E. A. Koval

THE AMBIVALENCE OF THE INTERNET IN THE INFORMATION WAR

Abstract: Internet plays a dual role in the modern information war. On the one hand, the Internet contributes to formation of a civil unity. On the other hand, it is the disunity factor and leads to the fact that level of social trust falls. The author believes that the modern Internet user has to resort to moral constraints of his activity on the web (the precautionary principle, the practice of small deeds, etc.). Thus it is necessary observe a measure of government intervention in the regulation of the Internet. Modern information war is not conducted in order to win, but in order to destroy everything. For this reason, it is very important to use the Internet in order to make a personal contribution to the civil unity, rather than in disunity. It is necessary to think critically about the information and think about each action performed on the Internet. When there is no time for critical processing of information, it will be more honest to keep silent.

Key words: Internet, civil unity, digital democracy, disunity, information war

References

Beljancev, A. E. Internet-prostranstvo kak faktor modernizacii institutov grazhdanskogo obshhestva / A. E. Beljancev, A. V. Lymar // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. – 2012. – № 6–1. – S. 284–288.

Valov, A. «Ploho pahnet v gorode? A vy pomojtes' » [Jelektronnyj resurs]. – Available at: http://twitter.com/aleks_valoff/status/578596174069891072 (05.02.2017).

Druzhilov S. A. «Zagryzannost'» informacionnoj sredy i problemy psihologicheskogo zdorov'ja lichnosti / S. A. Druzhilov // Psihologicheskie nauki. – 2013. – № 4. – S. 89–92.

Zhadunova N. V. Soldat informacionnoj vojny: desubstantivacija i predely moral'noj argumentacii / N. V. Zhadunova, E. A. Koval' // Gumanitarij: aktual'nye problemy nauki i obrazovanija. – 2016. – № 3 (35). – S. 77–83.

Lehcier, V. L. Vstuplenie v razgovor : zametki o kommunikativnom priznanii / V. L. Lehcier // Vestnik SamGU. – 2014. – № 5 (116). – S. 37–44.

Rashkoff, D. Rashkoff Douglas. Mediavirus. Kak pop-kul'tura tajno vozdejsvuet na vashe soznanie [Jelektronnyj resurs] / D. Rashkoff. – Available at: <http://e-libra.ru/books/139312-mediavirus.html> (05.02.2017).

Solovej, V. D. Absoljutnoe oruzhie. Osnovy psihologicheskoy vojny i mediamanipulirovanija / V. D. Solovej. – M.: Jeksno, 2015. – 320 s.

Habermas, J. Vorstudien und Ergdnzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns / J. Habermas. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1984. – 605 s.

Nelsen, J. Information pollution [Electronic resource] / J. Nelsen. – Available at: <http://www.nngroup.com/articles/information-pollution> (08.01.2017).

Orman, L. Fighting information pollution with decision support systems / L. Orman // Journal of MIS. – 1984. – Vol. 1, № 2. – P. 64–71.

D. V. Goryunov

NEW MISSIONARY PRACTICIANS RELIGIOUS ASSOCIATION «JEHOVAH'S WITNESSES»

Abstract: in article missionary activity of religious association «Jehovah's Witnesses» is considered. The analysis new missionary the practitioner is carried out: «poster evangelization», etc.

Key words: religious association «Jehovah's Witnesses», iyegovist, believer, missionary activity, «poster evangelization».

References

Gorjunov, D. V. Social'nyj negativizm «Svidetelej Iegovy» / D. V. Gorjunov // Trudy mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma-dialoga «Duhovnost', dostoinstvo i svoboda cheloveka v sovremennoj Rossii: filosofsko-jeticheskie, religioznye i kul'turologicheskie aspekty». – Perm', 2009. – Ch. 2. – S. 50–53.

Kanterov, I. Ja. Novye religioznye dvizhenija v Rossii (religiovedcheskij analiz) / I. Ja. Kanterov. – M., 2006. – 472 s.

S. U. Zhdanova, A. V. Pecherkina

PSYCHOSOCIAL TECHNOLOGIES FORMING THE ADAPTATION OF FOREIGN STUDENTS

Abstract: the article considers the problem of adaptation of foreign students to new conditions of sociocultural and educational environment; psychosocial technologies of forming the adaptation of foreign students to new conditions of training in the Russian high school are presented. As one of the mechanisms of adaptation among foreign students, the phenomenon of tolerant attitude towards them by teachers and students is considered. The recommendations are given to the teachers concerning the formation of adaptation to the new language, sociocultural and educational environment among foreign students.

Keywords: adaptation of foreign students, psychosocial technologies of the adaptation of foreign students to the new conditions of the educational space.

References

Annamuradova, A. A. Problema adaptacii inostrannyh studentov i puti ih resheniya v SHUjskom filiale Ivanovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [EHlektronnyj resurs] / A. A. Annamuradova. – Available at: <http://www.scienceforum.ru/2013/pdf/6241.pdf> (18.03.2017)

Asmolov, A. G. Tolerantnost': razlichnye paradigmy analiza / A. G. Asmolov // Tolerantnost' v obshchestvennom soznanii Rossii. M., 1998.

Vinichenko, V. A. Formirovanie mezhehtnicheskoy tolerantnosti u budushchih specialistov po svyazyam s obshchestvennost'yu: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk / B. A. Vinichenko. – Yakutsk, 2010. – 24 s.

Zhdanova, S. Yu. Osobennosti vliyaniya mediatekstov na uroven' ehtnicheskoj agressii i ehtnicheskoj tolerantnosti v svyazi s polom / S. Yu. Zhdanova, S. L. Mishlanova, V. B. Polyakov // Forum psihologov Prikam'ya «Psihologicheskaya nauka i praktika: lichnost' i sreda». – Perm', 2013a. – S. 115–119.

Zhdanova, S. Yu. Formirovanie tolerantnosti u molodezhi Permskogo kraja k predstavitel'yam drugih ehtnicheskikh grupp / S. YU. Zhdanova, S. L. Mishlanova, V. B. Polyakov // Chelovek v Mire, Mir v Cheloveke: Aktual'nye problemy filosofii, sociologii, politologii i psihologii: materialy XVI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii studentov, aspirantov i molodyh uchenyh (24–25 oktyabrya 2013). – Perm', 2013b. – S. 514–521.

Zhdanova, S. Yu. Psihosocial'nye tekhnologii formirovaniya tolerantnosti u molodezhi permskogo kraja / S. Yu. Zhdanova, S. L. Mishlanova, N. Yu. Novikov // Forum psihologov Prikam'ya «Psihologicheskaya nauka i praktika: lichnost' i sreda». – Perm', 2013v. – S. 105–110.

Ivanova, M. A. Problemy adaptacii inostrannykh studentov v vuze / M. A. Ivanova; dep. v NII VSH 28.11.79. – № 4033–78. – 15 s.

Ivanova, M. A. Social'no-psihologicheskaya adaptaciya inostrannykh studentov pervogo goda obucheniya v vuze / M. A. Ivanova, N. A. Titkova. – SPb., 1993.

Soldatova, G. U. Trening «Uchimsya tolerantnosti» / G. U. Soldatova, T. A. Shajgerova, O. D. Sharova // Na puti k tolerantnomu soznaniyu / otv. red. A. G. Asmolov. – M.: Smysl, 2000.

A. S. Lomova

MUSEUM AS AN INSTITUTION OF SOCIAL MEMORY IN A MANIPULATIVE SOCIETY

Abstract: in work the role of the modern museum in formation of historical consciousness and collective civil identity, influence of factors of the present on these processes is considered.

Key words: social memory, social construct, collective identity, historical consciousness, museum piece, manipulations with society, habitualization, empirical reality of the historical world.

References

Berger, P. Social'noe konstruirovaniye real'nosti / P. Berger, T. Lukman [Jelektronnyj resurs]. – Available at: http://skepdic.ru/wp-content/uploads/2013/05/Berger_Lukman_-_Sotcialnoe_konstruirovaniye_realnosti_Skepdic.ru_.pdf (24. 06. 2016).

Varnakova, O. N. Hraniteli istoricheskoy pamjati / O. N. Varnakova. – Berezniki: Bereznikovskij istoriko-hudozhestvennyj muzej, 2015. – 125 s.

Krupkin, P. L. Rossiya i Sovremennost': Problemy sovmeshheniya, opyt racional'nogo osmysleniya / P. L. Krupkin. – M. : Flinta : Nauka, 2010. – 568 s.

Rumjanceva, M. F. Fenomenologicheskaja koncepcija istochnikovedeniya v interpretacii Ol'gi Mihajlovny Medushevskoj [Jelektronnyj resurs] / M. F. Rumjanceva. – Available at: [//C:/Users/Elena/Downloads/fenomenologicheskaya-kontseptsiya-istochnikovedeniya-v-interpretatsii-olgi-mihajlovny-medushevskoy.pdf](http://C:/Users/Elena/Downloads/fenomenologicheskaya-kontseptsiya-istochnikovedeniya-v-interpretatsii-olgi-mihajlovny-medushevskoy.pdf) (24.06.2016).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гаврилова Валерия Васильевна, кандидат философских наук, доцент Пермского института железнодорожного транспорта (филиал Уральского государственного университета путей сообщения).

E-mail: valeri108@yandex.ru

Глаголев Владимир Сергеевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел.

E-mail: silvari@mail.ru

Голева Татьяна Геннадьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Пермского научного центра Уральского отделения Российской академии наук.

E-mail: golevat@yandex.ru

Горюнов Дмитрий Валерьевич, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и философии Пермского государственного института культуры.

E-mail: mitra17@yandex.ru

Гусейнов Абдусалам Абдулкеримович, профессор, доктор философских наук, академик РАН. Научный руководитель Института философии РАН.

E-mail: guseinov@iph.ras.ru

Дюкин Сергей Габдульсаматович, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и философии Пермского государственного института культуры.

E-mail: dudas75@mail.ru

Жданова Светлана Юрьевна, доктор психологических наук, заведующая кафедрой психологии развития Пермского государственного национального исследовательского университета.

E-mail: svetlanaur@gmail.com

Коваль Екатерина Александровна, кандидат философских наук, доцент кафедры правоохранительной деятельности и исполнительного производства Средне-Волжского института (филиал Всероссийского государственного университета юстиции Минюста России в г. Саранске).

E-mail: nwifesc@yandex.ru

Копылов Олег Владимирович, аспирант кафедры культурологии и философии Пермского государственного института культуры, преподаватель Пермского филиала Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова.

E-mail: uho08@mail.ru

Куличкина Галина Васильевна, кандидат филологических наук, профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций Пермского государственного национального исследовательского университета.

E-mail: kulgv@list.ru

Ломова Анастасия Сергеевна, педагог-организатор, руководитель музея истории народного образования Центра эстетического воспитания детей «Радуга» г. Березники Пермского края.

E-mail: gasserhan@yandex.ru

Мефодий (Немцов), Высокопреосвященнейший Митрополит Пермский и Кунгурский, кандидат богословия.

Пацак Игорь Владимирович, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и философии Пермского государственного института культуры.

E-mail: nightknight2011@yandex.ru

Печеркина Анна Викторовна, аспирант кафедры психологии развития Пермского государственного национального исследовательского университета.

E-mail: svetlanaur@gmail.com

Писманик Матвей Григорьевич, доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и философии Пермского государственного института культуры.

E-mail: mg-pismanik@yandex.ru

Рубцов Александр Вадимович, зав. сектором идеологических процессов Института философии РАН.

E-mail: roubcov@inbox.ru

Силантьева Маргарита Вениаминовна, доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел, иностранный член Сербской академии образования.

E-mail: silvari@mail.ru

Смирнов Андрей Вадимович, профессор, доктор философских наук, академик РАН, директор Института философии РАН.

E-mail: ori@iph.ras.ru

Субботина Анастасия Анатольевна, начальник отдела национальных отношений Департамента внутренней политики Администрации губернатора Пермского края.

E-mail: aasubbotina@ag.permkrai.ru

Суслов Михаил Григорьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры древней и новой истории России Пермского государственного национального исследовательского университета.

E-mail: suslovmi@yandex.ru

Треногин Валерий Леонидович, Старший пастор Церкви Евангельских Христиан «Свет Истины».

E-mail: tvlpastor@gmail.com

Уткин Юрий Аркадьевич, Председатель Пермской городской думы.

E-mail: pgd@gorodperm.ru

Щукина Раиса Ивановна, кандидат философских наук, доцент Западно-Уральского института экономики и права (г. Пермь).

E-mail: raisa.schukina@mail.ru

LIST OF AUTHORS

Gavrilova Valeriya Vasilyevna, Ph.D. (Philosophy), Associate Professor, Perm Institute of Railway Transport (branch of the Ural State University of Railways).

E-mail: valeri108@yandex.ru

Glagolev Vladimir Sergeevich, Ph. D. (Doctor of Philosophy), Professor, Philosophy Dpt., Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs.

E-mail: silvari@mail.ru

Goleva Tatyana Gennadyevna, Ph.D. (History), Senior Researcher of the Perm Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: golevat@yandex.ru

Goryunov Dmitry Valeryevich, Ph.D. (Philosophy), Associate Professor, Cultural Studies and Philosophy Dpt., Perm State Institute of Culture.

E-mail: mitra17@yandex.ru

Guseinov Abdusalam Abdulkerimovich, Ph. D. (Doctor of Philosophy), Professor, Academician of the RAS, Scientific leader of the Institute of Philosophy of the RAS.

E-mail: guseinov@iph.ras.ru

Dyukin Sergei Gabdulsamatovich, Ph.D. (Philosophy), Associate Professor, Cultural Studies and Philosophy Dpt., Perm State Institute of Culture.

E-mail: dudas75@mail.ru

Zhdanova Svetlana Yuryevna, Ph. D. (Doctor of Psychology), Head of the Department of Developmental Psychology, Perm State University.

E-mail: svetlanaur@gmail.com

Koval Yekaterina Aleksandrovna, Ph.D. (Philosophy), Associate Professor, Law Enforcement and Executive Production Dpt., Sredne-Volzhsy Institute (branch of the All-Russian State University of Justice of the Ministry of Justice of Russia in Saransk).

E-mail: nwifesc@yandex.ru

Kopylov Oleg Vladimirovich, Post graduate student, Cultural Studies and Philosophy Dpt., Perm State Institute of Culture, Lecturer, Perm Branch of Plekhanov Russian Economic University (Moscow).

E-mail: uho08@mail.ru

Kulichkina Galina Vasilyevna, Ph.D. (Philology), Professor, Journalism and Mass Communications Dpt., Perm State University.

E-mail: kulgv@list.ru

Lomova Anastasiya Segeevna, Teacher-organizer, Director of the Museum of the History of National Education of the Center for Aesthetic Education of Children "Raduga", the city of Berezniki, Perm Krai.

E-mail: gasserhan@yandex.ru

Methodius (Nemtsov), His Eminence Metropolitan of Perm and Kungur, Candidate of Theology.

Paschak Igor Vladimirovich, Ph.D. (Philosophy), Associate Professor, Cultural Studies and Philosophy Dpt., Perm State Institute of Culture.

E-mail: nightknight2011@yandex.ru

Pecherkina Anna Victorovna, Post graduate student, Developmental Psychology Dpt., Perm State University.

E-mail: svetlanaur@gmail.com

Pismanik Matvey Grigoryevich, Ph. D. (Doctor of Philosophy), Professor, Cultural Studies and Philosophy Dpt., Perm State Institute of Culture.

E-mail: mg-pismanik@yandex.ru

Rubtsov Aleksandr Vadimovich, Head of Sector of Ideological Processes of the Institute of Philosophy of the RAS.

E-mail: roubcov@inbox.ru

Silantyeva Margarita Veniaminovna, Ph. D. (Doctor of Philosophy), Professor, Philosophy Dpt., Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs, Foreign member of the Serbian Academy of Education.

E-mail: silvari@mail.ru

Smirnov Andrey Vadimovich, Ph. D. (Doctor of Philosophy), Professor, Academician of the RAS, director of the Institute of Philosophy of the RAS.

E-mail: ori@iph.ras.ru

Subbotina Anastasiya Anatolyevna, Head of the Department of National Relations of the Department for Internal Policy of the Administration of the Governor of Perm Krai.

E-mail: aasubbotina@ag.permkrai.ru

Suslov Mikhail Grigoryevich, Ph. D. (Doctor of History Sciences), Professor, Ancient and New History of Russia Dpt., Perm State University.

E-mail: suslovmi@yandex.ru

Trenogin Valeriy Leonidovich, Senior Pastor of the Church of Evangelical Christians «Light of Truth».

E-mail: tvlpastor@gmail.com

Utkin Yuriy Arkadyevich, Chairman of the Perm City Duma.

E-mail: pgd@gorodperm.ru

Schukina Raisa Ivanovna, Ph.D. (Philosophy), Associate Professor, Western Ural Institute of Economics and Law (Perm).

E-mail: raisa.schukina@mail.ru

ИНТЕГРАТИВНАЯ ПЕРСПЕКТИВА В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

Учредитель

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ»

Главный редактор Л. И. Дробышева-Разумовская
Заместитель главного редактора А. А. Лисенкова
Научный редактор – М.Г. Писманик

№ 1'2017

Адрес редакции, издателя: 614000, г. Пермь, ул. Газеты «Звезда», 18
Пермский государственный институт культуры,
редакция журнала «Интегративная перспектива в гуманитарных науках»
тел. редакции (342) 212-28-15
сайт: <http://www.psiac.ru>
E-mail: vestnikpgaik@mail.ru

Ответственный редактор А. С. Черноусова
Корректор М. Афанасьева
Оригинал-макет Р. Терновский
Дизайн обложки М. Ладыгина

Подписано в печать 14.06.2017. Дата выхода в свет 19.06.2017. Формат 84 × 108 1/16.
Уч. изд. л. 12,6. Тираж 500 экз. Заказ № 87/2017. Свободная цена.

Отпечатано в типографии «Новопринт».
Адрес: 614025, г. Пермь, ул. Пихтовая, 37.